«Быть впереди народа, освещать ему путь, направляя его правосознание ко благу и правде в человеческих отношениях, – такова истинная обязанность юриспруденции и ее отдельных представителей»

И. А. Покровский
История Римского права. Введение.
Петроград. Изд. 4. 1918. С. 4

ISSN 2074–7306

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3, 2025

Периодичность 4 номера в год

Издается с 1997 г.
Основан д. ю. н., проф.
Д. Ю. Шапсуговым

Включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по отрасли: 5.1. Право (юридические науки)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС 77-76204 от 02 августа 2019 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Редакционная коллегия

Главный редактор

- **Шапсугов Дамир Юсуфович** – доктор юридических наук, профессор, академик АМАН и МАНЭБ, Заслуженный юрист РФ, директор центра правовых исследований, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).

Заместитель главного редактора

- **Краковский Константин Петрович** – доктор юридических наук, профессор кафедры междисциплинарных программ и исследований по юриспруденции отделения «Высшая школа правоведения» юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности, РАНХиГС (Россия, г. Москва).

Состав редакционной коллегии

- **Авакян Р. О**. – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности (Армения, г. Ереван).
- **Авдеев Д. А.** – кандидат юридических наук, доцент, Тюменский государственный университет, Академический департамент Школы права и управления, руководитель Тюменского отделения Межрегиональной ассоциации конституционалистов России, член Тюменского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» (Россия, г. Тюмень).
- **Алиев А. И.** – доктор юридических наук, ректор Академии Коллегии Адвокатов Азербайджанской Республики, профессор кафедры «Права человека и информационное право», Бакинский государственный университет (Азербайджан, г. Баку).
- **Алиева С. И.** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общей истории и технологии преподавания истории», Азербайджанский государственный педагогический университет (Азербайджан, г. Баку).
- **Баранов П. П.** – доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Душакова Л. А.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и служебного права, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Егорова М. А.** – доктор юридических наук, профессор, начальник Управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва).
- **Корецкий А. Д.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, судья Ростовского областного суда (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Лазарева Н. Ю.** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, член Российской криминологической ассоциации им. А. И. Долговой (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Маремкулов А. Н**. – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова (Россия, г. Нальчик).
- **Мехмет Али Бейхан** – доктор исторических наук, профессор, Стамбульский университет (Турецкая Республика, г. Анкара).
- **Момотов В. В.** – доктор юридических наук, профессор, судья, секретарь Пленума, член Президиума Верховного Суда Российской Федерации (Россия, г. Москва).
- **Овсепян Ж. И.** – доктор юридических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры конституционализма юридического факультета, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).

- **Овчинников А. И.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Шатковская Т. В.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Шелухин С. И.** – доктор права, университетский профессор, Городской университет, факультет законодательства, полиции и криминальной юстиции (США, г. Нью-Йорк).

Состав редакционного совета

- **Акопов Л. В** – доктор юридических наук, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» юридического факультета, Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону).
- **Бойко А. И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону).
- **Волова Л. И.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры международного права, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Казинян Г. С.** – доктор юридических наук, профессор юридического факультета, Ереванский государственный университет (Армения, г. Ереван).
- **Исмаилов М. А.** – доктор юридических наук, профессор, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Обычное право» юридического факультета, Дагестанский государственный университет (Россия, г. Махачкала).
- **Исмайлов Х. Д.** – доктор юридических наук, профессор, юридический факультет Бакинского государственного университета (Азербайджан, г. Баку).
- **Ляхов Ю. А.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Озова Ф. А.** – доктор исторических наук, Академик Адыгской (Черкесской) Международной академии наук, доцент, заведующий отдела истории народов, Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований им. Х. Х. Хапсирокова (Россия, г. Черкесск).
- **Радачинский Ю. Н.** – кандидат юридических наук, доцент, председатель Территориальной избирательной комиссии г. Батайска, доцент кафедры теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Сайдумов Дж. Х.** – доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Россия, г. Москва), профессор кафедры истории, Чеченский государственный педагогический университет (Россия, г. Грозный).
- **Титова Е. В**. – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, директор Юридического института, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Россия, г. Челябинск).
- **Фаргиев И. А.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, судья Верховного Суда Российской Федерации (Россия, г. Москва).

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54;
тел.: (8-863) 279-41-62; e-mail: yurvestnik-uriu@ranepa.ru

16+

© ЮРИУ РАНХ и ГС, 2025

"To be ahead of the nation, show the way to its people directing their legal awareness towards the benefit and truth in human relations – that is the genuine duty of jurisprudence and some of its representatives"

I. A. Pokrovsky
History of Roman Law. Introduction.
Petrograd. Ed. 4. 1918. P. 4

ISSN 2074-7306

NORTH CAUCASUS LEGAL VESTNIK

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL

№ 3, 2025

Regularity 4 times a year

Published since 1997
was founded
by Doctor of Law, professor
D. Yu. Shapsugov

The journal is included into the «List of reviewed scientific publications where main research results of dissertations for the degree of Candidate and doctor of Science».
Enters the VAK List on the industry: 5.1. Law (legal sciences)

Registration number and date of the decision on registration:
series PI № FS77-76204 dated August 02, 2019

Founder – Federal state budget educational institution of higher education «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»

Editorial board

Chief Editor

- **Damir Yu. Shapsugov** – Doctor of Law, Professor, Academician of AMAN and MANEB, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Center for Legal Studies, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).

Deputy Chief Editor

- **Konstantin P. Krakovskiy** – Doctor of Law, Professor of the Department of Interdisciplinary Programs and Research in Jurisprudence, Department of the Higher School of Jurisprudence, M. M. Speransky Law Faculty, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow).

The editorial board

- **Ruben O. Avakyan** – Doctor of Law, Professor, Academician of MANEB and All-Armenian Academy of National Security Problems (Armenia, Yerevan).
- **Dmitry A. Avdeev** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen State University, Academic Department of the School of Law and Management, Head of the Tyumen Branch of the Interregional Association of Constitutionalists of Russia, member of the Tyumen Regional Branch of the All-Russian public organization "Association of Lawyers of Russia" (Russia, Tyumen).
- **Amir Ibragim ogly Aliev** – Doctor of Law, Rector of the Academy of the Bar Association of the Republic of Azerbaijan, Professor of the Department "Human Rights and Information Law", Baku State University (Azerbaijan, Baku).
- **Sevindzh I. Alieva** – Doctor of History, Professor, Head of the Department "General History and Technology of Teaching History", Azerbaijan State Pedagogical University (Azerbaijan, Baku).
- **Pavel P. Baranov** – Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Lesya A. Dushakova** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Service Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Maria A. Egorova** – Doctor of Law, Professor, Head of the International Cooperation Office, Professor of the Department of Competition Law, Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow).
- **Arkadiy D. Koretskiy** – Doctor of Law, Professor, head of the Department of Civil Law, Rostov Branch of the Lebedev Russian State University of Justice), judge of the Rostov Regional Court (Russia, Rostov-on-Don).
- **Natalia Yu. Lazareva** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal-Legal Disciplines, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Russian Association of Criminology (Russia, Rostov-on-Don).
- **Arsen N. Maremkulov** – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov (Russia, Nalchik).
- **Mehmet Ali Beihan** – Doctor of History, Professor, Istanbul University (Republic of Turkey, Ankara).
- **Victor V. Momotov** – Doctor of Law, Professor, Judge, Secretary of the Plenum, Member of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation (Russia, Moscow).
- **Zhanna I. Ovsepyan** – Doctor of Law, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutionalism, Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Alexey I. Ovchinnikov** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Tatiana V. Shatkovskaya** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Sergey I. Shelukhin** – Doctor of Law, University Professor, City University, Faculty of Law, Police and Criminal Justice (USA, New York).

Editorial Council

- **Leonid V. Akopov** – Doctor of Law, Professor of the Department of "Criminal Law and Public Law Disciplines" of the Law Faculty, Don State Technical University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Alexander I. Boiko** – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Larisa I. Volova** – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of International Law of the Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Magomedsaid A. Ismailov** – Doctor of Law, Professor, Head of the Research Laboratory «Customary Law» of the Faculty of Law, Dagestan State University (Russia, Makhachkala).
- **Khayyam J. Ismayilov** – Doctor of Law, Professor of the Department Theory and History of State and Law, Law Faculty (Azerbaijan, Baku).
- **Gagik S. Kazinyan** – Doctor of Law, Professor of the Faculty of Law, Yerevan State University (Armenia, Yerevan).
- **Yuri A. Lyahov** – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).
- **Fatima A. Ozova** – Doctor of Historical Sciences, Academician of the Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History of Peoples, Karachay-Cherkess Order of the Badge of Honor of the Institute of Humanitarian Studies named after X. X. Khapsirokov (Cherkessk, Russia).
- **Yuri N. Radachinsky** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Chairman of the Territorial Election Commission of Bataysk, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Dzhambulat H. Saidumov** – Doctor of Law, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Professor at the Department of History, Chechen State Pedagogical University (Russia, Grozny).
- **Elena V. Titova** – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Director of the Law Institute, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University (National Research University) (Russia, Chelyabinsk).
- **Ibragim A. Fargiev** – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (Russia, Moscow).

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54
Tel: 8-863-279-41-62,
e-mail: yurvestnik-uriu@ranepa.ru
http://vestnik.uriu.ranepa.ru

16+

© South-Russian Institute of Management
of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ УЧЕНЫХ 9

Д. Ю. Шапсугов
О праве войны и мира: от Гуго Гроота (Гроция) до Нюрнберга и Токио 9

А. И. Бойко
Память о преступности и её отражение в уголовном праве 18

А. В. Горбань
Прочность уголовно-правовой памяти (о преступлениях без срока давности) 41

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА 53

П. П. Баранов
Реформирование местного самоуправления в свете его интеграции в систему публичной власти Российской Федерации 53

Е. А. Казачанская
Идеи консервативной правовой идеологии в контексте государственных доктрин 63

И. В. Федосов
Правовой статус немусульманского населения в Османской империи периода зарождения миллетной системы 71

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО, ГРАЖДАНСКОГО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА 79

Е. А. Левицкая, Т. А. Пасикова
О реализации права усыновленного на информацию о своих биологических родителях: соотношение российского и международного подхода 79

В. А. кызы Алакбарзаде
Регулирование алгоритмической дискриминации в международном праве: структурная оценка и эффективность индивидуальных средств правовой защиты с точки зрения прав человека 88

О. Г. Ломидзе, Э. Ю. Ломидзе
Аренда земельного участка сельскохозяйственного назначения: вопросы паритета 99

Т. Б. Гуляева, П. С. Герасин
Проблемы включения в конкурсную массу криптовалюты при процедуре банкротства физического лица 111

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА 119

Е. В. Миллеров, Е. А. Миллерова
Семантические аспекты в вопросах юридической ответственности за различные виды пропаганды в России 119

И. А. Семенцова, А. И. Фоменко
Информационные войны и иные киберугрозы личной, общественной и государственной безопасности 129

О. Г. Казанцева, Е. А. Федорова, О. В. Толопченко
Особенности экологической преступности в сфере водных биологических ресурсов и меры ее профилактики 139

Ю. Б. Чупилкин
Содержание правовой категории «изобличение» лица, подвергаемого уголовному преследованию 148

А. О. Одринский
Критерий тождественности сторон для целей применения принципа res judicata в гражданском процессе России и США 157

РЕЦЕНЗИИ 165

П. П. Баранов
Рецензия на монографию «Муниципальный конституционализм: законодательство, правоприменение, судебные гарантии / Н. С. Бондарь, О. И. Баженова, Т. П. Георгиева [и др.]: коллективная монография / под общей науч. ред. профессора Н. С. Бондаря; Серия «Библиотека судебного конституционализма». – Вып. 16. – Ростов-на-Дону: Спутник науки, 2025. – 291 с.» 165

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ 169

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ 172
Памяти В. В. Галова 172

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ 174

CONTENT

THE MEMORY OF THE WAR: REFLECTIONS OF SCIENTISTS 9

Damir Yu. Shapsugov
On the law of war and peace: from Hugo Groot (Grotius) to Nuremberg and Tokyo 9

Alexander I. Boiko
Memory of crime and its representation in criminal law 18

Artem V. Gorban
Durability of criminal-legal memory (on crimes without a statute of limitations) 41

PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE 53

P. P. Baranov
Reformation of local self-government in the light of its integration into the system of public authority of the Russian Federation 53

Elena A. Kazachanskaya
Ideas of conservative legal ideology in the context of state doctrines 63

Ivan V. Fedosov
The legal status of the non-Muslim population in the Ottoman Empire during the early millet system stage 71

PROBLEMS OF INTERNATIONAL, CIVIL AND BUSINESS LAW 79

Elena A. Levitskaya, Tatiana A. Pasikova
On the realization of an adopted child's right to information about his biological parents: the relationship between the Russian and international approaches 79

Vadiya A. Alakbarzade
Regulation of algorithmic discrimination in international law: structural assessment and effectiveness of individual legal remedies from a human rights perspective 88

Olga G. Lomidze, Eduard Yu. Lomidze
Lease of agricultural land: issues of parity 99

Tatyana B. Gulyaeva, Pavel S. Gerasin
Challenges of including cryptocurrency in the bankruptcy estate in individual bankruptcy proceedings 111

PROBLEMS OF CRIMINAL AND PROCEDURAL LAW 119

Evgeny V. Millerov, Elena A. Millerova
Semantic aspects in matters of legal responsibility for various types of propaganda in Russia 119

Irina A. Sementsova, Andrey I. Fomenko
Information wars and other cyber threats to personal, public and state security 129

Olga G. Kazantseva, Ekaterina A. Fedorova, Olga V. Tolopchenko
Features of environmental crime in the field of aquatic biological resources and measures for its prevention 139

Yuri B. Chupilkin
The content of the legal category "exposure" of a person being prosecuted 148

Anton O. Odrinsky
The criterion of the identity of the parties for the purposes of applying the principle of res judicata in the civil procedure of Russia and the USA 157

REVIEWS 165

Pavel P. Baranov
Review of the monograph "Municipal constitutionalism: legislation, law enforcement, judicial guarantees / N. S. Bondar, O. I. Bazhenova, T. P. Georgieva [et al.]: collective monograph / under the general scientific editorship of Professor N. S. Bondar; Series "Library of Judicial Constitutionalism". – Vol. 16. Rostov-on-Don: Sputnik Nauki, 2025. 291 p." 165

SCIENTIFIC LIFE 169

MEMORY PAGES 172

In memory of V. V. Galov 172

EQUIREMENTS FOR THE PREPARATION OF ARTICLES 174

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ УЧЕНЫХ

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 9–17
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(3):9–17

Память о войне: размышления ученых

Научная статья
УДК 34+93
EDN ZXHCJV

О праве войны и мира: от Гуго Гроота (Гроция) до Нюрнберга и Токио

Дамир Юсуфович Шапсугов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия, shapsugov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7813-6368

Аннотация

Цель. Исследовать теоретико-правовые основания права войны и мира и их практическое воплощение в деятельности международных военных трибуналов в Нюрнберге и Токио как новых эксклюзивных форм современного правосудия.

Теоретические основы. Историческое время жизни Гуго Гроция и Нюрнбергский, и Токийский международные трибуналы уже ушли в историю, но глубинная связь этих событий является показателем судьбы гениальных идей, которые столетиями не утрачивают своей выдающейся значимости, не только своим прямым содержанием, но и способами мышления, порождающими их, составляющими предмет самостоятельного серьезного исследования. Забота о судьбах человечества, которой пронизано как научное творчество Гуго Гроота (Гроция), так и Нюренбергский и Токийский процессы, объединяют эти два далеко отстоящих друг от друга события сегодня. Единство этих событий, кратко говоря, заключается в том, что Гуго Гроот (Гроций) дал обстоятельное *теоретическое знание о праве войны и мира,* опиравшееся на весь предшествующий исторический опыт его становления и познания, а Нюрнбергский и Токийский международные трибуналы были первыми *практическими воплощениями этого знания.*

Результаты. Выявлены естественно-правовые основания деятельности международных военных трибуналов в Нюрнберге и Токио, проанализирована трансформация естественного права в позитивное в новых международно-правовых документах. Раскрыта несостоятельность «права» силы, «права» завоевания, основное содержание права войны и мира в труде Г. Гроота (Гроция) «О праве войны и мира». Раскрыты особенности международного нормативного регулирования вопросов войны и мира в поствоенное время, в том числе практика осуществления эксклюзивного правосудия, осуществляемого на основе договоров и соглашений между государствами по обеспечению действия естественного права путем его выявления и включения в новое позитивное право.

© Шапсугов Д. Ю., 2025

[*] В данной рубрике журнала мы публикуем статьи авторов-участников научно-практических конференций «***Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне как национальный приоритет Российской Федерации»*** и «***Память и уголовное право»***, проведенных в Южно-Российском институте управления – филиале РАНХиГС и приуроченных к 80-летнему юбилею Великой Победы. Отчеты о проведении этих конференций опубликованы в № 2 (2025 г.) журнала.

Выводы. Действующие нормативные юридические акты позитивного права на момент совершения военных преступлений германским нацизмом не охватывали в полной мере совершенные ими преступления, нарушавшие естественные права человека: право на жизнь, право на безопасность, право на собственность. Эти грубые нарушения естественного права как права прямого действия были развернуты в составы преступлений в уставах международных военных трибуналов: преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности. Впервые в истории человечества нацистское государство и политическая партия, их руководители были осуждены в соответствии с процессуальными нормами осуществления правосудия, действовавшими в передовых странах Европы.

Ключевые слова: «право» силы, «право» завоевания, право войны и право мира, военные преступления, преступления против мира, преступления против человечности, естественное право, позитивное право, создание позитивного права и открытие естественного права, трансформация естественного права в позитивное, устав, трибунал

Для цитирования: Шапсугов Д. Ю. О праве войны и мира: от Гуго Гроота (Гроция) до Нюрнберга и Токио // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 9–17. EDN ZXHCJV

The memory of the war: reflections of scientists

Original article

On the law of war and peace: from Hugo Groot (Grotius) to Nuremberg and Tokyo

Damir Yu. Shapsugov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russia Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia,
shapsugov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7813-6368

Abstract

Purpose. To explore the theoretical and legal foundations of the law of war and peace and their practical implementation in the activities of the international military tribunals in Nuremberg and Tokyo as new exclusive forms of modern justice.

Theoretical basis. The historical time of Hugo Grotius's life and the Nuremberg and Tokyo International Tribunals have already gone down in history, but the deep connection of these events is an indicator of the fate of brilliant ideas that have not lost their outstanding significance for centuries, not only for their direct content, but also for the ways of thinking that generate them, which are the subject of independent serious research. Concern for the fate of humanity, which permeates both the scientific work of Hugo Groot (Grotius), as well as the Nuremberg and Tokyo trials, unite these two widely separated events today. The unity of these events, in short, lies in the fact that Hugo Groot (Grotius) gave a thorough theoretical knowledge of the law of war and peace, based on all previous historical experience of its formation and knowledge, and the Nuremberg and Tokyo International Tribunals were the first practical embodiments of this knowledge.

Results. The natural law foundations of the activities of the International Military Tribunals in Nuremberg and Tokyo have been identified, and the transformation of natural law into positive law in new international legal documents has been analyzed. The inconsistency of the "right" of force, the "right" of conquest, the main content of the law of war and peace in the work of G. Groot (Grotius) "On the law of war and Peace" is revealed. The article reveals the features of international normative regulation of issues of war and peace in the post-war period, including the practice of exclusive justice, carried out on the basis of treaties and agreements between states to ensure the operation of natural law by identifying it and including it in a new positive law.

Conclusions. The current normative legal acts of positive law at the time of the commission of war crimes by German Nazism did not fully cover the crimes they committed that violated natural human rights: the right to life, the right to security, the right to property. These gross violations of natural law as a right of direct action have been expanded into crimes in the charters of International Military Tribunals: crimes against peace, war crimes, crimes against humanity. For the first time in the history of mankind, the Nazi state and a political party and their leaders were convicted in accordance with the procedural rules of justice in force in the advanced countries of Europe.

Keywords: the "right" of force, the "right" of conquest, the law of war and the law of peace, war crimes, crimes against peace, crimes against humanity, natural law, positive law, creation of positive law and discovery of natural law, transformation of natural law into positive law, charter, tribunal

For citation: Shapsugov D. Yu. On the law of war and peace: from Hugo Groot (Grotius) to Nuremberg and Tokyo. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(3):9–17. (In Russ.). EDN ZXHCJV

Введение

Вопросы войны и мира были актуальны всю историю человечества. ***О праве*** войны и мира стали говорить по мере осознания реальной роли этих явлений в жизни человеческого общества. Вплоть до XX века в отношениях между государствами господствовало ***право силы***, право завоевания, ставшее общепризнанным принципом, которым руководствовались все завоеватели.

Нет нужды доказывать, что невозможно даже в нескольких томах рассмотреть всю проблематику Нюрнбергского и Токийского процессов, которой посвящена огромная литература – тем более очень большая по объему и высокому качеству материала, содержащегося в труде Г. Гроота (Гроция) – «О праве войны и мира» (910 страниц). Поэтому остановимся только на нескольких ключевых вопросах, на которые в условиях праздничных мероприятий часто не обращают внимания, не претендуя даже на рассмотрение всех важных тем по этой проблеме.

Теоретические основы

За совершенно обоснованной скорбью по всем миллионам погибших в этой самой страшной за всю историю человечества войне, за совершенно обоснованной гордостью перед всем человечеством за одержанную победу, память о которой отражена в огромном количестве научных и художественных произведений, кино, душевно воплощена в песнях «Темная ночь», «Враги сожгли родную хату», «День победы» (со слезами на глазах), «Хотят ли русские войны», «Журавли», на которых воспитывались целые поколения советских людей, часто не замечается тот огромный труд политиков и юристов, благодаря которому состоялись Нюрнбергский и Токийский процессы.

Как отметил Р. Джексон – главный обвинитель от США – Нюрнбергский процесс утвердил несостоятельность господствовавшей до того времени тенденции в международном праве – по которой любая война считалась законной.

Как подчеркнул главный обвинитель на процессе от СССР Р.А. Руденко – впервые в истории государство явилось орудием чудовищных преступлений, за которые оно должно было нести ответственность, наряду с политической партией, идеологически обеспечивавшей преступную деятельность государства. Впервые высшие руководители государства и правящей партии были привлечены к уголовной ответственности и осуждены.

Может возникнуть вопрос о правомерности делать акцент на связь труда Гуго Гроция «О праве войны и мира» и отстоящие от него на несколько столетий Нюренбергский и Токийский международные трибуналы. Есть ли между ними какая-либо связь? Отвечая на него, можно обратить внимание на то, что работа Г. Гроция представляла собой фундаментальное, комплексное исследование вполне очевидной для него важнейшей проблемы человечества, которое было, возможно, инициировано обстановкой, существовавшей в мире в то время, трагические последствия которой отразились и в личной судьбе Г. Гроота (Гроция). Это были периоды 80-ти летней войны за освобождение Голландии от испанского владычества, в результате которой была создана Республика Соединенных провинций, становление которой проходило в очень сложных условиях, и 30-летняя религиозная война между католиками и протестантами, повлекшая за собой огромные человеческие жертвы.

«Я был свидетелем, – писал Г. Гроций – такого безобразия на войне между христианами, которые позорно даже для варваров, а именно сплошь и рядом берутся за оружие по ничтожным поводам, а то и вовсе без всякого повода, а раз начав войну, не соблюдают даже божеских, не говоря уже о человеческих, законов, как если бы в силу общего закона разнузданное

неистовство вступило на путь всевозможных злодеяний» [1, с. 15]. Указанные события отразились в его личной судьбе виде пожизненного заключения в тюрьме, из которой ему все же удалось совершить побег «с книгами в обнимку».

Эпоха варварства в Средневековье и в период перехода к Новому времени проявила себя в полной мере и породила потребность в новом знании, объясняющем происходящее и предлагающем пути выхода из него. Такое знание было обосновано в выдающемся научном труде Гуго Гроота (Гроция) «О праве войны и мира» (работа была внесена в список запрещенных книг, но все же до 1775 г. издавалась 77 раз на латыни, голландском, французском, английском и испанском языках) [2].

Нельзя не сказать хотя бы несколько слов об этом выдающемся человеке, знавшем основные европейские языки, который уже в восьмилетнем возрасте писал стихи на латинском языке. Родился он 10 апреля 1583 г. в городе Дельфт (Голландия), умер 28 августа 1645 г. В 14 лет окончил Лейденский университет, а в 16 лет ему была присуждена степень доктора права Орлеанского университета. Познакомившись с ним, сопровождавшим руководителя Голландии в его поездке во Францию, как отмечается в научной литературе, Король Франции назвал его «чудом Голландии».

Историческое время его жизни и Нюрнбергский, и Токийский международные трибуналы уже ушли в историю, но глубинная связь этих событий является показателем судьбы гениальных идей, которые столетиями не утрачивают своей выдающейся значимости не только своим прямым содержанием, но и способами мышления, порождающими их, составляющими предмет самостоятельного серьезного исследования [1, Пролегомены]. Все же выделим, как нам представляется, важнейший и для современного познания права принцип. «Говоря о праве, – подчеркивал он, – я отвлекаюсь от всякого отдельного факта, подобно математикам, которые рассматривают фигуру, отвлекаясь от тел» [1, с. 23].

Гуго Гроций, исследуя естественное право как ***объективно*** проявляющую себя ***способность человека*** к нравственному поведению, одновременно указывал как на действительный его источник, так и проявление его как здравого разума в повседневной жизни людей. Это позволяло раскрыть подлинную объективность естественного права в отличие от традиционной и в наше время трактовки ***права как системы общеобязательных норм***, установленных государством, представляющих собой лишь превращенную форму права, т.е. его видимость.

Гуго Гроций искал универсальный инструмент в познании естественного права, подобный фигуре, найденной в математике, сделавшей ее точной наукой. Тем самым он ставил задачу, которая юристами не выполнена до сих пор, по причине чего юридическая наука не может претендовать на статус точных наук и в наше время. Предложенная им в качестве такого инструмента, ***способность человека*** к нравственному поведению, опирающуюся на здравое разумение и свободу воли и ***соответствие*** ей поведения людей, обладает потенциалом для применения в юридических науках, который остаются пока неосознанным [3, с. 41–43].

Забота о судьбах человечества, которой пронизано как научное творчество Гуго Гроота (Гроция), так и Нюренбергский и Токийский процессы, объединяют эти два далеко отстоящих друг от друга события сегодня. Единство этих событий, кратко говоря, заключается в том, что Гуго Гроот (Гроций) дал обстоятельное ***теоретическое знание о праве войны и мира***, опиравшееся на весь предшествующий исторический опыт его становления и познания, а Нюренбергский и Токийский международные трибуналы были первыми ***практическими воплощениями этого знания***.

Разумеется, нельзя сказать, что такая актуальная проблема не привлекала внимание ученых и мыслителей, но первое фундаментальное исследование на эту тему появилось в Париже в 1625 г. Его автором был Гуго Гроот (Гроций). В нем конкретно рассматривалась исторически сложившаяся практика завоеваний и установления мира завоевателями и давалось ее теоретическое обобщение, настолько тщательно и профессионально, что о книге говорили как о «почти утомляющей своей образованностью». Эта практика получила отражение в поговорках – «Когда говорит оружие, закон молчит», «Победителей не судят» и т.п., которые и сегодня остаются не ушедшими в историю.

Результаты и обсуждение

Какие же теоретические положения были разработаны Гуго Гроотом (Гроцием), без которых обоснование необходимости международных трибуналов и правомерности вынесенных ими приговоров могли бы вызвать определенные сомнения с точки зрения господствовавшего позитивистского понимания права?

Здесь важно подчеркнуть, что Г. Гроций предложил свое понимание естественного права, отличающегося от устанавливаемого, постоянно создаваемого юриспруденцией, ***не имеющей научной формы***, а также от прежнего его понимания [1, с. 15]. В противовес «праву» силы, «праву» завоевания как узаконения войны, Гуго Гроций обосновывает право войны и право мира как ***преодоление «права» завоевания,*** как ***возможность защиты нарушенного права, в качестве крайней меры, когда исчерпаны все возможности мирного разрешения конфликта***. Только эта война справедлива и критерием этой ***справедливости является нарушенное право.*** Далее, он обосновал второй признак права войны – недопущение причинения вреда ***невоюющим людям***: причинения вреда жизни, безопасности и собственности таких людей. При этом допускалась также возможность принуждения к миру согласием государств, в связи с отсутствием надгосударственной власти, что применяется иногда и в современных условиях.

Здесь мы видим, как уже отмечалось, новое весьма интересное понимание естественного права: ***способности*** человека к нравственному поведению, опирающемуся на здравый смысл и свободу воли при условии соответствия поведения этой способности. Поэтому отсутствие таковой способствует созданию не права, а его превращенной формы, неправа, воспринимаемого как право [1, Пролегомены].

Можно сказать, что здесь мы имеем дело со становлением позитивного права от естественного права прямого действия – являющегося непосредственным выражением способности человека к нравственному поведению. То есть, в самом человеке и в не «уже» готовом виде, а как развивающаяся способность в процессе становления права как развитие этой способности, не отделимая от самого человека, не передаваемая никому (даже государству). Эта идея была впоследствии конкретизирована Г. Гегелем в его концепции развития от абстрактного права через мораль к нравственности. Выражением такого понимания естественного права стала впоследствии развивающаяся система прав человека, каждый элемент которой должен соответствовать первичному естественному праву. Об этом свидетельствует ссылка Г. Гроота (Гроция) на Аристотеля, который рассматривал человеческое ***достоинство*** как возникшее впоследствии ***соответствие*** естественному праву, развивающее его ***сущностное*** содержание. Мы можем убедиться, что последующее развитие прав человека отражает эту мысль, чем обеспечивается ***единое правовое содержание*** развивающейся системы прав человека.

Концепция естественного права Г. Гроция разрушила ***представление*** о естественном праве как о не существующем в действительности (требование разума, должного, имеющее только нравственный авторитет), утверждала естественное право как право природы человека т.е. ***объективное право*** прямого действия, естественно существующего, ***нарушение которого недопустимо***, и без опоры на какую-либо ***внешнюю силу власти***, хотя и не имеющего внешней защиты, вплоть до середины XX века, будучи ***необоснованно замещенным*** положительным законодательством, не учитывающим естественное право и в межгосударственном общении.

Второе очень важное положение новой концепции естественного права Г. Гроция – обоснование несостоятельности прежних концепций естественного права как «права» силы, «право» завоевания и утверждения вместо них права войны и мира. Сущность изменения предложенного Г. Гротом в понимании соотношения между правом и войной заключалась в доказательстве положения, что закон действует до войны (как требование мирного урегулирования конфликта, во время войны и после нее.

В таком понимании естественного права можно усмотреть также идею развития прав человека, получившую свое подтверждение в серии международно-правовых актов о правах человека, внутригосударственного законодательства, впоследствии обозначенных в качестве тендеции в трактовках правового закона и правового государства, вплоть до общепринятого в демократических государствах принципа «права и свободы человека определяют смысл и содержание деятельности всех органов государственной власти и местного самоуправления, в том числе и в Конституции РФ».

Предложенное Г. Гроцием понимание естественного права удивительно совпадало с формулировками составов преступлений, закрепленных в уставах международных военных трибуналов, четко выражавших прямое действие естественных прав человека: 1. ***Против мира***: планирование, подготовка, ***развязывание*** или ***ведение агрессивной войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений*** или участие в общем заговоре, направленных к осуществлению названных действий. 2. Военные преступления, а именно: нарушение законов и обычаев войны: убийства, истязания или увод в рабство или для других целей ***гражданского населения***, находящегося на оккупированной территории, ***ограбление*** частной или публичной собственности; ***бессмысленное разрушение городов или деревень, разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления.*** 3. ***Преступления против человечности***: убийства, истребление, порабощение, ссылка и жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или ***преследования по политическим, расовым и религиозным мотивам*** с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли они нарушением внутреннего права страны, где они были совершены.

Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники … вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана.

Разумеется, и до, и после Г Гроция рассматривались разные аспекты этой проблематики, но не имели такой четкой выраженности и опоры на развивающуюся нравственную природу человека. Разработчики уставов четко опирались на естественно правовой характер правонарушений обвиняемых, снимающий все формально-юридические догмы внутреннего законодательства отдельных стран и превращающим весь процесс в безусловно правомерный. И такой постановкой вопроса о праве войны во всех его вариантах, в том числе и варианте Г. Гроция, тем самым снимался с повестки дня вопрос о праве войны переходя в право на мир, исключающий войну.

На процесс исторического развития названная работа долгое время практически не влияла. В лучшем случае может идти речь об отдельных вопросах этой большой темы, которые подверглись осмыслению. Достаточно сказать, что более трехсот лет после опубликования названного труда в отношениях между государствами продолжало господствовать, так называемое, «право» силы, из которого вытекало «право» на завоевание, несостоятельность которых была детально проанализирована Г. Гроцием. Так возникали и исчезали империи, как исторические формы реализации «права» силы, в разного рода масштабах. Так ***творилась кровавая история человечества,*** пока огромные масштабы злодеяний, не слыханных в мировой истории не заставили содрогнуться не только все человечество, но и беспощадно сражавшиеся друг с другом силы. ***Вторая мировая война в этом смысле*** мало чем отличалась от предыдущих войн и здесь были побежденные и победители, отношения между которыми во многом строились по принципу ***права на завоевание***, которое реализовалось в сложившемся до войны мироустройстве.

Принципиальное отличие, однако, состояло в том, что победители во второй мировой войне отказались от традиционной практики прямого публичного линчевания побежденных, их физического уничтожения без всякого суда, ***а приняли историческое решение об организации судебного процесса для осуществления правосудия*** над преступным государством, преступной партией, военными преступниками-руководителями высшего уровня.

Надо отметить что некоторые обвиняемые на Нюрнбергском процессе, например Г. Геринг, вели себя весьма самоуверенно, полагая, что их не за что судить. Уверенные в том, что в скором будущем каждому из обвиняемых будет стоять памятник во всех городах Германии.

И здесь возникала масса юридических вопросов, связанных с отсутствием нормативной базы для суда над преступниками. Как отмечал В.А. Четвернин «Мы имели дело с формально-юридической узаконенностью фашизма, к тому времени не запрещенного» [4].

Необходимо отметить, что Нюренбергский и Токийский процессы не были бы возможны на господствовавшем ко времени их проведения позитивистском подходе к праву, в том числе и к международному праву.

Не часто обращается внимание на то, что не существовало само понятие военного преступления, военных преступников, не существовало четко разработанных составов преступлений и мер наказания, которые могли быть предъявлены такого рода преступникам, возникали большие сложности, связанные с определением составов преступлений самой организацией судебного процесса, начиная от состава суда, процессуальных взаимоотношений всех его участников, порядка вынесения приговора и его структуры.

Достаточно сказать, что даже среди судей, назначенных в международные трибуналы Нюрнберга и Токио, были те, кто ссылаясь на уголовно-правовой принцип, широко распространенный во внутреннем законодательстве большинства стран мира, об обратной силе уголовного закона, не находили оснований для привлечения военных преступников к ответственности. В связи с этим обращалось внимание Р. Палом, членом суда на то, что во время войны не было закона, запрещавшего агрессивную войну, невозможно установить факт причастности обвиняемых к совершению преступлений, следовательно, отсутствует факт ответственности, а сам трибунал неправомочен, так как фактически является судом победителей над побежденными, а составы преступлений закрепленные в уставах назвал придуманными по мотивам мести, не согласился как и с двумя другими судьями с окончательным приговором (объем – 1200 стр.).

Эти и многочисленные другие формально-юридические трудности могли быть решены, удовлетворительными объяснениями о необходимости разграничения внутригосударственного права и права международного, из которого уже просматривался приоритет международного права перед внутригосударственным, закрепленный впоследствии в конституциях многих стран.

Возникла необходимость в принятии специальных актов о международных военных трибуналах. Такой акт был разработан по поручению правительств победивших стран, утвержден ими, ознаменовал целую эпоху в позитивном развитии международного права. С правовой точки зрения, это событие стало гигантской победой естественного права (в интерпретации его Гуго Гроотом (Гроций)) над позитивным, мощным толчком к обновлению позитивного права, начало которому положили новые акты о международном военном трибунале, его организации и деятельности. Затем последовало создание Организации Объединенных наций и многочисленных структур, призванных решать международно-правовые проблемы развития сотрудничества между народами и государствами. Эти организации стали признанными, ответственными органами, фиксировавшими эффективность существования ***надгосударственной*** власти, своевременно создающей нормативную базу международного общения, для предотвращения и разрешения международных конфликтов на принципах мирного разрешения всех споров с активным участием в этом процессе ООН и ее органов.

Разумеется, эти процессы несли на себе отпечаток неполноты ***первого прорыва,*** отстающего от естественного права, формально-юридического регулирования: не были привлечены к ответственности органы и учреждения, и отдельные лица, совершившие тяжкие преступления. Тем не менее, в развитие этих процессов впоследствии были внесены радикальные изменения в законодательство и международные правовые акты, определившие, хотя бы и на ближайшее будущее, направления его дальнейшего развития. Речь идет о тенденциях к отмене смертной казни, уже закрепленной в законодательствах многих стран,

идеи о воздержании от применения ядерного оружия и нераспространение его в современном мире, запреты разработки и применения химического и биологического оружия и т.п.

Небывалое развитие получили права и свободы человека, понимаемые как определяющие основной смысл и содержание деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, обеспечившие существенное продвижение к правовому закону и правовому государству, начало которым было положено Всеобщей декларацией прав человека 1948 года, первого в истории международных отношений акта, в котором системно были изложены права и свободы человека, вполне вписываемые в концепцию естественного права Г. Гроота (Гроция).

Нюрнбергский и Токийский процессы выявили многие несовершенства позитивного внутригосударственного законодательства и международного права. В результате их организации были найдены способы его преодоления, и, подчеркнем это, ***на основе естественного права***, современное ставшее традиционным, толкование которого едва ли не уступает гроциевскому.

Трибуналы стали формой ***эксклюзивного правосудия***, применяемого в случаях грубого нарушения естественного права прямого действия, при котором его восстановление становится невозможным на основе действующего позитивного права требует создание нового позитивного права. Тем самым было положено начало новой разновидности правосудия, которое можно назвать эксклюзивным правосудием на основе договоров и соглашений между государствами при отсутствии эффективно действующей ***надгосударственной*** власти, способной реализовать требования естественного права прямого действия. Такая практика получила распространение в последующее время, стала объективно необходимой.

Можно вполне признать правоту В.Д. Зорькина, призывающего к новому прочтению концепции естественного права [5]. Но этого недостаточно, надо понять, что естественное право потому и называется естественным, если угодно как прием пищи, одежда человека и жилище, что оно призвано обеспечить саму жизнь, безопасность, собственность, что непосредственно является необходимым условием существования самого человека, что подтвердили и Нюренбергский, и Токийский процессы.

Современный миропорядок был создан после величайшей катастрофы – Великой Отечественной войны, организационно оформлен в виде ООН и его многочисленных структур, которые в качестве надгосударственной власти определенное время функционировали достаточно эффективно. Но в последние годы обнаружилась явная тенденция к тому, что ООН перестает быть центром принятий судьбоносных решений в современном мире и нуждается в серьезной трансформации, возможно, чтобы назревший уже новый миропорядок складывался как процесс трансформирующейся системы ООН, бесспорно могущий быть выдающимся инструментом обеспечения мира и безопасности в мире, разумеется с отменой всех, ставших очевидным недостатков ее деятельности.

Сегодня мы наблюдаем очевидный отход от естественного права на жизнь, безопасность, собственность каждого человека и народа. Мы можем напомнить о циничных заявлениях А. Гитлера, которым перед II-ой мировой войной активно высказывалась идея о том, что нацистская партия в Германии будет предпринимать все усилия для того, чтобы сделать вновь Германию Великой объединив всех немцев и расширив их жизненное пространство, посредством права на самоопределение, которым, как утверждалось им, наделены на равной основе все народы, кроме немецкого.

Право войны, даже в самых его мягких формах, должно перестать существовать в международном праве. Необходимо понять, что воюет тот, кто убивает. И это соответствует тому, что во многих современных государствах смертная казнь давно отменена (В Российской Федерации действует мораторий на ее применение), и этот подход давно необходимо ввести в международное право, привести в соответствие с естественным правом, наложить запрет на убийство даже по закону, лишать, подвергать опасности жизнь

людей, неправомерно, произвольно лишать их собственности. Гуго Гроот (Гроций) полтысячелетия назад убедительно показал, что война может быть справедливой только в том случае, если порождается необходимостью поддержать, сохранить Право. Будущий ответ на это должен быть более категоричным: право исключает войну, поэтому и право войны устарело и должно перерасти в право мира, хотя, очевидно, что современный мир не готов к такой резкой перемене. Право войны еще не исчерпало заложенный в него потенциал, но обозначенная тенденция в его развитии должна носить судьбоносный характер и должна нарастать.

Заключение

Сегодня, как и в предвоенные годы ***отсутствует эффективная надгосударственная власть***. Это отсутствие четко фиксируется неспособностью ООН и ее органов взять на себя активную роль в предотвращении или урегулировании конфликтов между государствами. Более того, в США сделали заявление о выходе из ООН и ряда ее организаций. Наряду с этим раздаются голоса о восстановлении Великой Америки, присоединении к США Мексики, Канады, Гренландии, панамского канала, территорий принадлежащих другим государствам. Наиболее мощные государства предпочитают коалиционные соглашения с другими странами, минуя структуры ООН.

И в заключение можно привести следующие слова Г. Гроота (Гроций) «И здесь я считаю возможным окончить свой труд, не потому, что высказано все о чем можно было сказать, но потому, что сказано достаточно для закладки фундамента. И если кто-нибудь вздумает возвести на нем более красивое здание, то не только не найдет во мне завистника, но заслужит его признательность» [1, с. 907].

Первый этаж этого красивого здания был построен в Нюрнберге, а также созданием и функционированием ООН и его структур. Сегодня необходимо построить второй этаж на фундаменте, созданном Г Гроцием и международными трибуналами. Для этого нужен новый Г. Гроций, который возьмет на себя труд, аналогичный тому, который был создан Г. Гроцием, на том же фундаменте, но без новых нюрнбергских и токийских процессов.

Список источников

1. Гуго Гроций. О праве войны и мира. М.: ООО «Издательство АСТ», 2023. 1470 с.
2. Павлов А. А. Правовая концепция Гуго Гроция. Дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2002. 247 с.
3. Шапсугов Д. Ю. Проблема свободного мышления в юридической науке. М., 2020. 460 с.
4. Четвернин В. А. Современные концепции естественного права. М.: Наука, 1988. 140 с.
5. Зорькин В. Д. Сон права порождает произвол // Российская газета. 2017. 06 июня

References

1. Hugo Grotius. *On the law of war and peace.* Moscow: AST Publishing House, 2023. 1470 p. (In Russ.)
2. Pavlov A. A. *The legal concept of Hugo Grotius.* Dis. ... Cand. Sci. (Law). Saint-Petersburg, 2002. 247 p (In Russ.)
3. Shapsugov D. Yu. T*he problem of free thinking in legal science*. Moscow, 2020. 460 p. (In Russ.)
4. Chetvernin V. A. *Modern concepts of natural law.* Moscow: Nauka, 1988. 140 p. (In Russ.)
5. Zorkin V. D. The dream of law breeds arbitrariness. *Rossiyskaya Gazeta.* 2017. June 06. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. Ю. Шапсугов – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, директор центра правовых исследований, научный руководитель школы правового мышления ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. Yu. Shapsugov – Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Lawyer Sciences, Professor, Director of the Center for Legal Research, Supervisor of the School of Legal Thinking of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.04.2025; одобрена после рецензирования 27.06.2025; принята к публикации 28.06.2025. The article was submitted 26.04.2025; approved after reviewing 27.06.2025; accepted for publication 28.06.2025.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 18–40
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(3):18–40
Память о войне: размышления ученых

Научная статья
УДК 343.01
EDN UBVKKE

Память о преступности и её отражение в уголовном праве

Александр Иванович Бойко

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления,
Ростов-на-Дону, Россия, boyko-ai@ranepa.ru

Аннотация

Введение. Правоохранительная система реагирует на преступления только как на события прошлого, причём в уголовно-процессуальном законе (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) первоочередными доказательствами по делу называются показания очевидцев (свидетелей) и участников криминального конфликта (подозреваемый или обвиняемый, потерпевший). Тем самым полнота и точность описания преступного события указанными лицами в существенной мере зависит от их памяти. Парламентское законотворчество должно учитывать общественное мнение и волю населения страны, поскольку по Конституции (ст. 3) народ объявлен носителем суверенитета и единственным источником власти, осуществляя её как непосредственно, так и через органы государственной власти и местного самоуправления. Естественной опорой парламентского законодательствования как опосредованной формы народовластия служит правообразование в массах, также предполагающее использование механизмов памяти – но не индивидуальной, а социальной. Следственно, феномен памяти может и должен использоваться для оценки качества отраслевого законотворчества, уголовного преследования и предупреждения преступности.

Отсюда **целью** настоящей статьи правомерно объявить сопоставление уголовной ответственности за длительные и многоступенчатые по исполнению преступления индивидов, а равно используемых государством обратной силы уголовного закона, судимости, амнистии и помилования с индивидуальной и коллективной (социальной, исторической) памятью для совершенствования практики борьбы с преступностью.

Теоретические основы исследования представлены трудами мыслителей античной эпохи, современных зарубежных и отечественных философов, историков, социологов, политологов, филологов, культурологов, специализирующихся в области изучения памяти, мнемотехники (внимания и запоминания) и забвения событий, фактов и прочей информации. Автор выделил те институты уголовного права, которые в наибольшей и непосредственной степени связаны и опираются (или должны быть связаны и опираться) на представления, ожидания и требования населения, порождаемые получаемой им информацией о преступности и реагировании на неё государством. Им приняты во внимание и критически оценены как профильные положения отраслевого законодательства, так и правовые позиции Конституционного Суда РФ и большой группы учёных.

Результаты. Установлено, что феномен индивидуальной и коллективной (исторической, социальной) памяти давно и активно обсуждается и оценивается во многих сферах гуманитарного знания, но прежде всего – в области психологии. Рассмотрены разновидности памяти, зависимость её объёмов и качества от процессов запоминания, забвения и архетипирования. Учтены единство и различия между социальной памятью и исторической наукой. Отмечена и разделяется преобладающая в науке мысль об особой важности идентификационной функции исторической памяти народа. Исследование показало, что: общественное и научное отношение к памяти переживает попеременно периоды повышенного внимания и упадка; ныне проблема актуализирована 80-летием Великой Победы и ходом специальной военной операции; наиболее прочно удерживается в памяти информация о трагических эпохах в жизни государств; резонансные криминальные события и преступность в целом порождают наибольший интерес по сравнению с правовой жизнью в других отраслях юриспруденции; проблематика памяти практически не изучается в уголовном правоведении.

© Бойко А. И., 2025

Выводы. В завершение статьи представлено выводное знание из семи пунктов, главным из которых является утверждение, что человеческая память представляет собою огромное хранилище опыта, универсальное средство идентификации и единения этносов, что она в состоянии облагораживать уголовное право – в том числе через институты вины, обратной силы закона, судимости, амнистии и помилования, давности. Специалисты уголовно-правовых наук должны выработать и предложить государству технологии учёта социальной памяти для более полного отражения в области противодействия преступности.

Ключевые слова: амнистия, будущее, история, настоящее, обратная сила уголовного закона, память, помилование, преступность, прошлое, судимость, уголовное право

Для цитирования: Бойко А. И. Память о преступности и её отражение в уголовном праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 18–40. EDN UBVKKE

The memory of the war: reflections of scientists

Original article

Memory of crime and its representation in criminal law

Alexander I. Boiko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russia Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia, boyko-ai@ranepa.ru

Abstract

Introduction. The law enforcement system reacts to crimes only as to events of the past, and in the criminal procedure law (Part 2 of Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), the testimony of eyewitnesses (witnesses) and participants in a criminal conflict (suspect or accused, victim) is called the primary evidence in the case. Thus, the completeness and accuracy of the description of the criminal event by these persons depends to a significant extent on their memory. Parliamentary legislation should take into account public opinion and the will of the country's population, as the Constitution (Article 3) declares the people to be the bearers of sovereignty and the sole source of power, exercising it both directly and through state and local government bodies. The natural foundation of parliamentary legislation as an indirect form of popular rule is provided by mass legal education, which also involves the use of memory mechanisms, but not individual memory, but social memory. Consequently, the phenomenon of memory can and should be used to assess the quality of sectoral lawmaking, criminal prosecution, and crime prevention.

Therefore, **the purpose** of this article is to compare the criminal liability of individuals for long-term and multi-stage crimes, as well as the retroactive force of criminal law, convictions, amnesties, and pardons used by the state, with individual and collective (social and historical) memory in order to improve the practice of combating crime.

Theoretical foundations of the research is based on the works of ancient thinkers, as well as contemporary foreign and domestic philosophers, historians, sociologists, political scientists, philologists, and cultural experts who specialize in the study of memory, mnemonics (attention and memorization), and the forgetting of events, facts, and other information. The author has identified the institutions of criminal law that are most closely related to and rely on (or should be related to and rely on) the perceptions, expectations, and demands of the population, which are influenced by the information they receive about crime and the government's response to it. He took into account and critically evaluated both the relevant provisions of industry legislation and the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and a large group of scientists.

Results. It has been established that the phenomenon of individual and collective (historical, social) memory has long been actively discussed and evaluated in many areas of the humanities, but primarily in the field of psychology. The article examines the different types of memory, the dependence of its volume and quality on the processes of memorization, forgetting, and archetyping. It also considers the similarities and differences between social memory and historical science. The article highlights and supports the prevailing scientific view that the identification function of a nation's historical memory is particularly important. The study showed that: the public and scientific attitude towards memory goes through alternating periods of increased attention and decline; the issue is currently relevant due to the 80th anniversary of the Great Victory and the ongoing special military operation; information about tragic eras in the history of states is most firmly retained in people's memories; high-profile criminal events and crime in general generate the most interest compared to legal life in other areas of jurisprudence; memory issues are practically not studied in criminal law.

Conclusions. At the end of the article, a conclusion is presented in the form of seven points, the main of which is the assertion that human memory is a vast storehouse of experience, a universal means of identification and unity of ethnic groups, and that it has the ability to elevate criminal law, including through the institutions of guilt, retroactivity of the law, criminal record, amnesty and pardon, and statute of limitations. Criminal law experts should develop and offer the state technologies for accounting for social memory in order to more fully reflect the field of crime prevention.

Keywords: amnesty, future, history, present, retroactive criminal law, memory, pardon, crime, past, criminal record, criminal law

For citation: Boiko A. I. Memory of crime and its representation in criminal law. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(3):18–40. (In Russ.). EDN UBVKKE

Введение

В общественной системе разделения труда фиксация преступлений и розыск виновных, привлечение последних к уголовной ответственности, включая назначение и исполнение наказаний, возлагаются на правоохранительные органы и суды. Для них же любое преступление – это всегда событие прошлого, иногда очень далёкого. Полные сведения о нём правоохранители никогда знать не будут, поскольку: злодеи о координатах предстоящего посягательства им заблаговременно не сообщают; часть фактических данных о деликте (следы, предмет преступления, орудия и средства нападения) к моменту прибытия оперативно-следственной бригады на место совершения преступления утрачивается из-за погодных явлений, проезда по ним транспорта либо безрассудного поведения толпы зевак; очевидцы драматического происшествия удаляются по домам и местам работ; и т.д. Тем самым важнейшие фрагменты злодеяния криминалистам приходится восстанавливать с большим трудом и затратами времени. Даже если сотрудникам уголовного розыска и следователям «повезёт» с отысканием и закреплением физических улик, их по закону нужно подкреплять удостоверяющими факт криминального события показаниями очевидцев, потерпевших, подозреваемых (обвиняемых, подсудимых). Это значит обращаться к их памяти, гражданскому долгу и совести, что слабо работает в условиях либеральной политики и соответствующей информационной насыщенности СМИ, рекламного террора и детективной «бормотухи» на телеэкранах, особенно – в странах с громадным имущественным расслоением населения, коррумпированным госаппаратом, недоверием обывателей к правоохранительной и судебной системам.

Но отмеченные выше трудности высвечивают проблему только на *индивидуальном* уровне. А ведь власти любой страны, считающие себя подочётными корпусу налогоплательщиков, не могут игнорировать «безличностное» *общественное* мнение и заявляемые ожидания (иногда – даже требования) избирателей для сферы борьбы с делинквентным поведением, вызываемые либо резонансными посягательствами, оставляющими долго незаживающие раны в памяти народа, либо тенденциями преступности, явно свидетельствующими о перспективе нарастания угроз правам и интересам людей. Тем самым на общесоциальном уровне, в области криминализации и пенализации деяний парламентом, при уголовном преследовании, судебных разбирательствах и исполнении назначенных наказаний, а ещё при пользовании государством различными формами уголовно-правового поощрения преступников очень важно опираться на память территориальных общин либо всего народа о преступлениях прошлого и реагировании на них в соответствии с её содержанием, с длительностью персервации коллективных испугов и обид прошлого, в русле организованных либо стихийных требований населения к государству.

Вне сомнения, в сфере государственного управления, тем более для публичного уголовного права, коллективная память важнее личной, а потому данный феномен приложим преимущественно к тем институтам отрасли, которые наиболее расположены к опоре на социальные оценки и даже требования к властям. Отсюда **целью** своих печатных рассуждений автор ставит сопоставление институтов обратной силы уголовного закона, судимости, амнистии и помилования с индивидуальной и коллективной (социальной, исторической) памятью. Но что она представляет, каковы представления современной науки о ней?

Теоретические основы

Интеллектуальный багаж цивилизации наполнен умными, хлёсткими, назидательными, афористичными суждениями о памяти, призывами к бережному отношению к ней. П. Рикер титуловал память (самым надёжным – *А.Б.*) «хранилищем времени». Г. В. Лейбниц предупреждал современников и новые поколения мыслью, что исходящее из прошлого «настоящее чревато будущим». Для П. Хаттона изучающая прошлое «история (есть) искусство памяти». Люди должны помнить, что между тремя ипостасями несущейся мимо них Вечности существует неразрывная связь, а потому «затеяв (ненужный – *А.Б.*) спор настоящего с прошлым, они обнаружат, что потеряли будущее», предупреждал У. Черчилль. Безусловно, благое будущее куётся в настоящем и с пытливой оглядкой в прошлое. Наивно и опасно полагать, будто предыдущие поколения только то и делали, что заблуждались и ошибались, усиленно создавая проблемы себе и потомкам, а вот современники могут одним махом преодолеть все преграды и твёрдой рукой направить страну в сказочное завтра. Наконец, прозорливые люди, пусть односторонне, но в интересах нашего отраслевого предприятия величают историю «журналом регистрации преступлений, глупостей и несчастий человечества» (Э. Гиббон).

Память отражает прошлое, проверяется в настоящем и работает на будущее. Она страхует от неприятностей и повторения ошибок, соединяет в живую эстафету поколения, вносит элемент прочности в работу сознания, нейтрализует капризы общественного мнения, гармонизирует буйное бытие народных масс. Потому её чтут, к ней призывают и к её помощи при необходимости прибегают, а духовники человечества советуют «память упражнять» [1, с. 338]. И этим наставлениям человечество следует, создав и развивая мнемонику или мнемотехнику, то есть учение о приёмах запоминания информации. О памяти и шутят, намекая на коварную человеческую породу: «многие путают своё воображение со своей памятью» (Г. У. Шоу); «все жалуются на свою память, но никто не жалуется на свой разум» (Ф. Ларошфуко); «на людскую память нельзя полагаться; на беспамятство, к сожалению, тоже» (С. Лец); «напрягите память, и вам обязательно захочется что-то забыть» (О. Попов); «память хороша на плохое, и плоха – на хорошее» (Э. Кроткий)[1]. Одним словом, человеческая порода ущербна, ошибки нас не учат[2], принципам мы не следуем[3] и памятью предков брезгуем. Где выход, что делать, о чём думают специалисты?

Бездельничает ли «настоящая» наука? Отнюдь. Особо и продуктивно активничает психология по таким направлениям, как значение прошлой информации для адаптированного поведения, способности ума запоминать и хранить сведения, виды памяти и её физиология, искусство упреждающего отбора фактов для последующего пользования ими. Памятью в её представлении являются «процессы организации и сохранения прошлого опыта, делающие возможным его повторное использование в деятельности или возвращение в сферу сознания. П. связывает прошлое субъекта с его настоящим и будущим и является важнейшей познавательной функцией, лежащей в основе развития и обучения». Память «включает в себя не только процессы сохранения индивидуального опыта, но и механизмы передачи наследственной информации» [5, с. 230]. Отсюда *исходной точкой* памяти является человеческое внимание («сосредоточенность субъекта на каком-либо реальном или идеальном объекте»), а её движущим *каналом* – запоминание. Оно обеспечивает «удержание материала в памяти»

---

[1] Цит. по: [2, с. 566-567].

[2] «Нетъ человека, иже не согрешитъ» (3 Царств. 8, 46).

[3] Одно дело знать принципы, другое – соблюдать их. «Человек, – ядовито замечал ***П. Бейль***, – существо разумное, и с этим не стоит спорить, но он почти никогда не поступает сообразно своим принципам» [3, с. 575]. Может быть, потому так происходит, что в его природе буйствует протест против мертвящего конформизма или стадности, и потому атакам подвергаются именно принципы «вторичной реальности», то есть условности социальной организации, а не природы. Пример чаще всего подают правозащитники и прочие радикалы, готовые поставить под сомнение любое установление, самое аксиоматичное. Лидер заокеанских пацифистов ***К. Фицпатрик*** открыто признаётся, в частности, что «американцы часто нарушают свои принципы во имя якобы «высшей» цели, например, это борьба с преступностью, борьба за порядок» [4, с. 42].

и развивается посредством мнемоники или мнемотехники – «системы различных приёмов, облегчающих запоминание и увеличивающих объём памяти путём образования дополнительных ассоциаций)» [5, с. 40, 100, 185].

Различные аспекты индивидуальной и коллективной памяти, её форм, назначения и механизмов пользования активно разрабатывали *античные философы* и *богословы* Августин, Аристотель и Платон, а позже *иностранные* (А. и Я. Ассманы, П. Бергер, А. Бергсон, Ле Гофф, Э. Гуссерль, Р. Декарт, Э. Дюркгейм, И. Кант, П. Коннертон, Э. Левинас, Д. Локк, Т. Лукман, Ф. Ницше, П. Нора, П. Рикер, З. Фрейд, М. Фуко, М. Хальбвакс, П. Хаттон, Д. Чапман, А. Шюц, Г. Эббингауз, Д. Юм, К.Г. Юнг и др.) и *отечественные* (Ю.А. Арнаутова, Н.А. Бердяев, С.Н. Вершинин, Л.С. Выготский, О.В. Герасимов, Л.Н. Гумилёв, Г.Е. Зборовский, Н.И. Зоркая, И.А. Ильин, М.С. Каган, А.А. Кара-Мурза, И.С. Кон, Н.Е. Копосов, Г.В. Лебедева, А.Н. Леонтьев, Д.С. Лихачёв, Ю.М. Лотман, А.Р. Лурия, Н.Л. Пушкарёва, Л.П. Репина, М.В. Соколова, В.А. Тишков, Ж.Т. Тощенко, Н.Ф. Фёдоров, В.А. Шнирельман и др.) историки, социологи, политологи, культурологи, филологи и представители других гуманитарных отраслей знания. Великолепным фолиантом о значении памяти для сохранения национальной идентичности и традиционных духовных ценностей российского общества отметился недавно коллектив учёных Российской академии наук [6].

Специалисты различают и сопоставляют множество видов памяти (историческая, социальная, индивидуальная, коллективная, генетическая, коммуникативная, общенациональная и региональная либо локальная), её основное и непреходящее значение для каждого индивида и всего социума усматривают в формировании и поддержании персональной и этнической идентичности, а наш Президент много лет назад даже назвал историческую память «великолепным цементом, который из людей разных народов, разных этносов и разных религий делает одну, единую и неделимую российскую нацию, создаёт и укрепляет единую и неделимую великую Россию»[1].

Объёмы и качество памяти определяются соперничеством и взаимовлиянием трёх феноменов – запоминания, забвения и архетипирования прошлого. «Воспоминание рассматривается как запечатление в памяти состояний, образов, событий, которые, актуализируясь в настоящем, несут в себе идею сохранности знания. Забывание трактуется как утрата социально-значимого знания, в результате которого происходит изменение существующего бытия, утеря его первоначального смысла. Архетипы же – это структурные схемы и предпосылки образов, существующих в сфере коллективного бессознательного и, возможно, биологически наследуемых. Они представляют собой ту сторону социальной памяти, которая обладает способностью припоминать вещи, неведомые рассудку и практическому знанию, которая существует и развивается в древних первобытных обществах до возникновения письменности, как живая организация трансляции социального опыта» [7, с. 6-7]. Диалектика такова, что память понимается не только как хранилище прошлого, но и как ретроактивный процесс, дифференцирующий прошлое и будущее, а забвение проявляет себя как утрата доступа к прошлому, стирание и уничтожение его мнемических следов, но и как резерв, условие восприятия нового [8, с. 22].

Социальная память конкурирует с исторической наукой: имея один предмет отражения (прошлое), они различаются тем, что для первой характерны высокая эмоциональность, мифологизация и анахроничность при отборе и сохранении событий минувших эпох, в то время как учёный мир оценивает их бесстрастно, объективно и разносторонне; образы, создаваемые памятью, отличаются архаизмом и фольклорностью, тогда как исторические конструкты являются продуктом критического анализа и интеллекта; между профессиональной историей и социальной памятью лежит не резкая граница, а переходная зона, где они вступают в сложный и неоднозначный диалог, продуктом которого являются версии истории, включающие и те, и другие элементы; при этом оба канала отклика на прошлый социальный опыт вплетаются в сложную ткань национального и культурного самосознания [9, с. 13–15].

[1] https://tass.ru/politika/499288 (дата обращения – 11.07.2025 года).

Однако абсолютизировать объективность исторической науки нельзя и потому, что: а) она относится к заведомо субъективному гуманитарному знанию (учёный является живой частицей анализируемого им социума и потому пристрастен, у обществоведов не сложилась практика экспериментальных проверки и подтверждения своих оценок и опытов, их исследования социальных процессов в идеале предполагают критическую оценку государственного управления, что влечёт «опеку» властей и встречную угодливость учёных[1]); б) «историк подчинён времени, в котором он живёт», поскольку «коллективные образы прошлого, присущие данному обществу, оказывают… влияние и на профессиональных историков», принуждённых отражать «климат эпохи», ведь перед ними «всегда стоит проблема (т.н. – *А.Б.*) «полезного прошлого», которая с железной последовательностью проявляется в социально чувствительном историческом нарративе» [9, с. 15, 16].

Таким образом, многие обстоятельства сообщают историкам и прочим представителям гуманитарного знания известную «гибкость» их интеллектуального промысла. Но не только им: «(индивидуальная и даже коллективная – *А.Б.*) человеческая память коротка и избирательна. Этими же свойствами страдает историческая память народа, искажённая к тому же усилиями добросовестных и недобросовестных, добровольных и наёмных историков. Кастрация русской национальной памяти была произведена после Октябрьской революции – дело было ловко представлено так, что наша история начиналась с 1917 г. Операция не была успешной, коллективная память о существовании тысячелетнего Российского государства восстанавливалась вопреки воле правителей и идеологов, а иногда ради того, чтобы послужить их сиюминутным политическим нуждам, но восстанавливалась. Очередная операция по лишению русского народа памяти о прошлом и настоящем проходит у нас на глазах и с нашим невольным участием. Русская история начинается с августа 1991 г., мы – народ-несмышлёныш, которому ещё нет места в цивилизованном мире» [11, с. 4].

Результаты и обсуждение

В уголовном правоведении память пока не стала объектом массового специализированного анализа. Она пусть незримо, но обязательно присутствует в историко-правовых исследованиях и работах компаративистской направленности, в последние же годы к данному феномену приковано значительное внимание в связи с обострением геополитической обстановки на планете, переходом человечества к многополярному миру, ростом региональных конфликтов, яростными попытками западных институтов «Национального беспамятства» исказить историю второй мировой войны и принизить решающий вклад в её завершение советского народа.

Обычно же обращение отечественных кумиров и криминалистов к памяти скромное и неакцентированное. Осмысленные высказывания и глубинные оценки чаще всего порождаются чрезвычайными обстоятельствами, но не спокойными кабинетными размышлениями. «Ясность и краткость оных (законов – *А.Б.*) не допускает запутывать дела, – пояснял свою политическую и нравственную позицию перед членами Высочайшей следственной комиссии декабрист П. Г. Каховский, – они легко запечатлеваются в памяти и делаются известными всем; через них каждый знает свои обязанности, свои права…» [12, с. 24]. Приведённое суждение перекликается с заповедями древних римлян, которые в лаконизации законодательной речи видели приём мнемотехники: legem brevem esse oportet, quo facilius ab imperetis teneatur – закон должен быть краток, чтобы легче запоминался незнающими. Иногда это помогает в критических ситуациях, когда возникает необходимость восстанавливать разрушенную правовую систему «с нуля». Цицерон свидетельствовал, что самый важный нормативный памятник Древнего Рима – Leges XII tabularum был утрачен во время галльского нашествия на Великий Город, но был быстро и без искажений восстановлен апеннинцами по памяти, ибо каждый римлянин знал наизусть Законы XII таблиц.

[1] См. об этом: [10, с. 529–534].

Великолепный труд по обсуждаемому вопросу оставил в наследство потомкам А.Ф. Кони [13, с. 70–120]. Сожалительно только, что статья ориентирована на следственную тактику и в ней не анализируется влияние народной памяти на решение стратегических задач уголовного преследования. Но его рассуждения о работе индивидуальной памяти участников криминальных эксцессов также полезны. Гений отечественной юриспруденции полагает, что достоверность свидетельских показаний зависит и от концентрации внимания в момент преступления (источник), и от механизмов обработки запечатлённой информации в дальнейшем (усилия памяти). Однако оговаривается, что «внимание есть орудие для восприятия весьма не совершённое, а память с течением времени искажает запечатлённые вниманием образы и даёт им иногда совершенно выцвесть...», что приводит к её «усушке и утечке» (с. 78). Шанс на достоверность и полноту впечатлений всё же сохраняется по причине необычности и редкости криминальной обстановки для обывателя: ведь «преступление изменяет статику сложившейся жизни», а это «вызывает особую сосредоточенность внимания, запечатлевающую в памяти образы и звуки с особою яркостью» (с. 82).

А.Ф. Кони исследует различные обстоятельства, влияющие на работу памяти свидетеля и на его поведение в суде (с. 89–95), плюс выделяет её типы – сосредоточенное и рассеянное, эгоистическое, центробежное и центростремительное, обострённое и притупленное, а также связанное внешними условиями (с. 94–107). Приведённые результаты классификации настраивают на критическую оценку современных взглядов на содержание вины и совершенство технологий вменения. Согласно общепринятому в доктрине представлению вина толкуется как «психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному действию или бездействию и к наступившим в результате этого общественно опасным последствиям» [14, с. 306; 15, с. 80]. Известно, что в структурном отношении психика любого субъекта состоит из интеллектуальной, волевой и эмоциональной сфер, но нынешнее уголовное право отбирает для формулы вины и последующего упрёка причинителю вреда только первые две, игнорируя эмоции; фактор же памяти, всегда работающей в связке с эмоциями, в уголовном праве вообще не учитывается за исключением пиковых состояний, именуемых аффектом. Конечно, в работе памяти всегда сотрудничают сознание и воля, но активность и полнота их функционирования зависит и от эмоциональной конституции субъекта, от запасов его памяти.

Но трактовка памяти в рамках ответственности за отдельные посягательства микроуровневая, ибо в расчёт принимается психология конкретного индивида. А уголовное право как средство охраны базовых ценностей социума и предупреждения любых преступлений нуждается в опоре на общественное мнение, менталитет народа и генотип нации, настроения и даже психозы толпы. Это – хранилища коллективной памяти для посещения законодателем в канун криминализации поступков и обновления технологий уголовного преследования. Наиболее востребованы залежи народной памяти при введении и последующем применении в практике норм о давности[1], обратной силе уголовного закона, судимости, экстраординарных формах прощения преступника. Рассмотрим сочетание этих привычных, но исключительных положений закона с впечатлениями, выстраданными ожиданиями и требованиями населения к властям, порождёнными особо выдающимися криминальными эксцессами либо тенденциями преступности, что наверняка не может его (население) ни беспокоить.

Но перед тем как обсуждать наличие и качество связи между социальной памятью *о прошлом* и государственными решениями по борьбе с преступностью, нацеленными напротив *в будущее*, заявим ещё одно важное обстоятельство. Зарубежные специалисты обращают особое внимание на повышенную живучесть и требовательность коллективной памяти,

[1] С учётом того обстоятельства, что вопрос о сроках давности уголовного преследования докладывался автором на прошедшей в апреле с.г. международной конференции, что содержание выступления будет опубликовано в тематическом сборнике, данный ограничительный норматив отрасли и его связь с памятью в настоящей публикации не рассматривается.

буквально травмированной прошлыми событиями до уровня «душевных мук», отчего к воспоминаниям о них общество не только вновь и вновь возвращается, но и как бы заново проживает давно произошедшие события [16, P. 46–51]. И эти процессы не остановит ни один из семи видов социальной амнезии (решительное вычёркивание из этнической памяти очень неприятных фактов и эпизодов, уступка новому общественному интересу, амнезия ради «формирования новой идентичности» или социальной структуры, простое избавление от избыточной либо устаревшей информации, забвение «как замалчивание случаев унижения»), выделенных и обоснованных Полом Коннертоном [17, P. 77–78].

Несмотря на меняющуюся в нашей стране в силу различных факторов (от политических пристрастий вплоть до выгодных по времени мифов) тональность исторических дискурсов, неизменной остаётся память о самом трагическом периоде национальной истории – жертвенной, но и победоносной Великой Отечественной войны советского народа в 1941–1945 гг. Вот классический вариант суждений специалистов: «из всех событий XX в. нас как народ объединяет и роднит в первую очередь оценка Великой Отечественной войны. После распада Советского Союза практически исчезло представление о Великой Октябрьской социалистической революции как о главном событии отечественной истории XX в. Неоднозначны оценки индустриализации. Тем более противоречивы оценки позднего советского строя. А вот основные параметры массовых установок по отношению к Великой Отечественной войне остаются без изменения. Это позволяет констатировать, что данное событие приобрело главную символическую значимость уже для новых поколений, и сегодня продолжает быть опорной точкой национального самосознания» [18, с. 49]. Конечно, quod licet Jovi, non licet bovi[1], уголовно-правовые происшествия по своему влиянию на общественное сознание не достигнут порога впечатлительности от ужасов и жертв войны либо природных катастроф, но события отраслевой подотчётности всё-таки затмевают значимость цивилистических тяжб или административных деликтов. Не чувствовать и не реагировать на общественное знание и общественное мнение в сфере борьбы с преступностью властям сложнее.

«Но кто мы и откуда, когда от всех тех лет остались пересуды, а нас на свете нет?» (*Б. Пастернак*). Переходим в наши палестины, к разговору о практике и культуре внимания и учёта государством социальной памяти при пользовании такими экстравагантными инструментами противодействия преступности, как обратная сила уголовного закона, амнистия и помилование, судимость.

«Налево пойдёшь – коня потеряешь, направо пойдёшь – жизнь потеряешь, прямо пойдёшь – жив будешь, но себя позабудешь». Древние римляне сформулировали безупречные по содержанию, афористичные по форме и связанные между собой наставления практикующим юристам по соединению редко обновляемого уголовного закона (статика) с постоянно совершаемыми криминальными деяниями (динамика)[2]. Необходимость подобных рецептов, обусловленных связкой универсальной координаты Вечности – «безостановочного» времени и «оседлой» памяти, очевидна; последняя хранит прошлое и ждёт реагирования на него с помощью прежде действовавших правил, а обновившийся закон согласно своим задачам и назначению нацелен в будущее. Былинная ситуация с витязем на распутье порождается естественным запаздыванием юридической реакции на преступления, временным разрывом между запомнившимся для населения поступком и предстоящим уголовно-процессуальным реагированием на него. И обыватель, и правоприменитель используют механизмы запоминания и воспроизводства информации, но отзываются на происшествие по-разному: первый – реагирует как на случайно подвернувшийся случай (А.В. Кони определял свидетеля «носителем случайной повинности») и живо, используя ассоциации и эмоции; юрист же встречает

[1] Что положено Юпитеру, не положено быку – *лат.*

[2] Закон смотрит только вперёд, он не действует в обратном направлении – lex prospicit, non respicit; nova constitutio futuris formam imponere debet, non praeteretis – новый закон по своему действию должен быть обращён в будущее, но не в прошлое; lex de futuro; judex de praeterito – закон направлен в будущее, судья рассматривает прошлое (*лат.).*

казус хладнокровно – ex officio, через бесстрастный типовой текст Кодекса. Отмеченный диссонанс усиливается активностью преступника, пытающегося сделать «бывшее небывшим» в силу жажды выгоды от посягательства, но нежелания ответственности за свой поступок, и решающим свои задачи законодателем, чьи постоянные новеллы в УК не могут согласовываться с отдельными преступными атаками на чужие интересы. Как следствие, практикующие юристы вынуждены расследовать уголовные дела и выносить приговоры по преступлениям, совершённым до обновления закона, на основе случайно полученной и потому недостаточно освоенной информации очевидцев, да ещё и при намеренном «беспамятстве» виновника.

Как поступать: ставить на память и отменённое правило преследования или на осовремененные государством расчёты? предпочтительнее старый, соответствующий общественной атмосфере прошлого закон либо новый, соответствующий времени ответственности? В действующем УК РФ настоящая задача решена практически идеально, с использованием философской трихотомии «общее – особенное – единичное»: через сочетание *общего* правила – «преступность и наказуемость деяния определяется уголовным законом, действовавшим во время совершения преступления» (ч. 1 ст. 9 УК), *уточнения* к нему – «временем совершения преступления признаётся время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий (ч. 2 ст. 9 УК) и *исключения* из него, именуемого nunc pro tunc или обратной силой закона – «Уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу» (ст. 10 УК). В интересах нашей статьи упростим трёхзвенное государственное веление: память социума о преступлениях прошлого и сопутствующие ей по времени юридические предписания об ответственности обычно превалируют, но редко и как исключение из общего правила, настоянное на гуманитарных настроениях цивилизации, они должны уступать свежим нормативам.

К таковому, давнишнему и постепенно улучшающемуся в добавках по частностям, решению временно́й или памятной проблемы уголовного права юристы успели привыкнуть. Однако почва для множества сомнений в его идеальности присутствует: 1) послабление уголовной ответственности по новому закону коснётся единиц, уцелевших от преследования до вступления в силу новеллы; большинство же преступников попадает под каток следственно-судебной машины в период относительно продолжительного действия статей УК, охватывающих и время деяния, и время расправы. Выборочность возмездии заказывается не деянием и особенностями личности преступника, а неповоротливостью уголовной юстиции. Но это не главное: значительная часть общества удерживается от криминальных искушений и соблюдает уголовно-правовые запреты, а потом с горечью узнаёт, что судьба правонарушителей в связи с принятием более мягкого закона мало отличается от премии законопослушания. За сим почти автоматически следует совет для воздержавшихся: нужно брать пример с тех, кто рисковал, т.е. совершать злодеяния, надеясь на очередной либеральный ход законодателя и нерасторопность юристов;

2) древними обратная сила (уголовного) закона рассматривалась как крайняя мера, как действительно редкое исключение: leges quae retrospiciunt raro, et magna cum cautione sunt adhibendae neque enim Janus locatur in legibus – законы, имеющие обратную силу, редко и с осторожностью принимаются, ибо Янусу по сути дела нет места в праве. Сегодня норма о nunc pro tunc практически превратилась в распространённое правило, содержащееся в международных документах[1], Конституции РФ (ч. 2 ст. 54) и отраслевом законодательстве (ст. 10 УК), а при отраслевой кодификации, последняя из которых случилась в 1996 г., – сродни

[1] В ст. 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. устанавливается: «никто не может быть осужден за преступление на основании совершения какого-либо деяния или за бездействие, которые во время их совершения не составляли преступления по национальным законам или по международному праву. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое могло быть применено в то время, когда преступление было совершено» [19, с. 16]. Аналогичное положение содержится и в п. 1 ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах от 1966 г.

амнистии, поскольку более мягкий закон «распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость» (ч. 1 ст. 10 УК)[1]. Ещё хуже обстоит дело на практике: несколько лет назад председатель Верховного Суда РФ с горечью сообщил, что российские суды 50 % своего рабочего времени ежегодно тратят не на рассмотрение по существу новых уголовных дел, а на пересмотр законных и обоснованных вердиктов только потому, что беспрестанно обновляется текст УК РФ[2].

В отечественной отраслевой доктрине правомерность nunc pro tunc[3] никогда не подвергалась сомнению. Даже в те времена, когда законодательство не содержало нормы об обратной силе уголовного закона (впервые была введена в ст. 6 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.), проф. Н.С. Таганцев выделял 4 варианта реагирования на перемены в законодательной оценке деяния, случившиеся за время от его совершения до привлечения виновного к ответственности: 1. «может быть применяем только закон, действовавший в момент его учинения»; 2. «но законы более мягкие или более снисходительные к преступнику всегда получают обратную силу»; 3. «всегда применяется новый закон, но закон новый, более строгий, не распространяется на прежние деяния»; 4. «новый закон применяется ко всем деяниям, признававшимся преступными до его издания, но подлежащим суду и наказанию после его издания» [20, с. 118].

Современный уголовный закон (статьи 9 и 10 УК РФ 1996 года) практически совпадает с приведённой и другими, ранее разработанными и пропагандируемыми концепциями. В советские и нынешние времена данная проблема анализировалась в трудах М.И. Блум и А.А. Тилле, А.И. Бойцова и Б.В. Волженкина, Я.М. Брайнина и Н.Д. Дурманова, И.И Горелика и Л.А. Зайцева, А.М. Медведева и А.Н. Попова, И.С. Тишкевича и А.Е. Якубова. В книгах, статьях и диссертациях названных и других учёных затрагивались и предлагались к разрешению многие практически значимые вопросы данного норматива: о действии так называемых «промежуточных» законов, о возможности обратимости в прошлое норм Общей части, о ступенях сравнительной мягкости прежних и обновленных статей УК (декриминализация, послабление санкции по видам и размерам наказания, применение других способов понижения ответственности) и пр.

Но само по себе правило nunc pro tunc под сомнение никем не ставится, как будто оснований для обсуждения допустимости данного норматива исключительного профиля не существует. Единственные, кто поставил целую серию вопросов, оказались петербуржцы А.И. Бойцов и Б.В. Волженкин: «каково теоретическое обоснование обратной силы закона?; является ли она нормой законотворчества или нравственной нормой, освящённой традицией?; а может быть это просто утилитарное соображение, которое можно принять, но можно и отбросить без колебаний, если того требуют интересы общества?» [21, с. 16].

Можно ли надеяться, что под «интересами общества» авторы подразумевают актуализированную раздражением от посягательств и ожиданием достойного реагирования на них властей память – очевидцев, потерпевших, жителей территории, где криминальные казусы получили солидный социальный резонанс? К сожалению, аргументация обратной силы закона производится солидными специалистами отрасли не в плоскости удовлетворения сводного общественного интереса законопослушных граждан, а в традиционных логических расчётах. Их верные стартовые посылки не базируются на концентрированной памяти населения и выпестованными на её основе рецептами по криминализации и пенализации общественно опасных деяний. Доводы А.И. Бойцова и Б.В. Волженкина таковы: а) действие уголовного закона во времени – это не только «временные параметры бытия уголовной ответственности», но прежде всего действие отдельных правовых норм; б) отраслевая норма же

[1] Налицо так называемая *ревизионная* (более затратная в реализации и скандальная с точки зрения социальной психологии), в противовес *обычной* или *простой*, обратная сила закона.
[2] Интервью председателя Верховного суда РФ Вячеслава Лебедева «Российской газете». Федеральный выпуск № 6011 (35) от 19.02.2013 г. // www.rg.ru/2013/02/21/lebedev.html (дата обращения – 4.12. 2016 г.).
[3] Обратная сила закона – *лат*.

выполняет регулятивную (до деликта) и охранительную (после совершения преступления) функции одновременно, поэтому, «придавая обратную силу закону, *устанавливающему преступность деяния* (курсив наш – *А.Б.*), мы разрываем уголовно-правовую норму в единстве двух её сторон» (получается, что обратная сила *мягкого закона* единство нормы не разрывает?!); в) «логика права неумолимо требует от государства предъявлять счёт лишь за те деяния, которые были предусмотрены в качестве преступных до того, как они были совершены, и лишь в той мере (во всяком случае, не большей), чем они были наказуемы»; г) для преступников, которые оказываются «между предписаниями старого и нового законов», с неизбежностью «возникает «переходная» норма, вбирающая в себя наиболее удобные предписания как закона, утратившего силу, так и действующего»; д) «при этом новые предписания, подключаясь к обслуживанию старых, устанавливают с ними системообразующие связи… Умирает один закон и начинает свою жизнь другой, но продолжает существовать норма уголовного права… Это естественный процесс преемственности в уголовном праве» [21, с. 18–19].

В очень добротной, с безупречным выводным знанием и полностью пригодными для подготовки новелл нашим парламентом предложениями de lege ferenda, в буквально выстраданной книге доцента МГУ [22] обособленно анализируются «этическое обоснование обратной силы уголовного закона» и «право государства» на использование данного инструмента. Расположенный в первых двух параграфах материал пестрит и привораживает цитируемыми суждениями зарубежных и отечественных авторитетов о правиле nunc pro tunc, его гуманитарном мотиве, этической силе и практической полезности. В нём: а) поддерживается генеральная мысль, будто «обратная сила закона превратилась в центральную проблему действия закона во времени»[1]; б) оцениваются предложения об «уравнении в правах» на ретроактивное действие и принятых более строгих законов; в) высказано положительное отношение к распространению правила nunc pro tunc на иноотраслевые новеллы, образующие бланкетное содержание уголовно-правовых норм; г) заявлено сочувственное отношение к зарубежному разрешению ситуации, когда виновный желал наступления обязательных по закону последствий в иное время, чем это фактически произошло. В Заключении же по итогам исследования (с. 201–203) представлены новации из 5 пунктов для включения в текст статей 9–10 УК РФ со скромной оговоркой, что этими возможными поправками «недостатки Общей части УК РФ далеко не исчерпываются». Но рассуждений о влиянии на обратную силу закона памяти населения о преступности, даже в постановочном варианте, данный фолиант не содержит.

Резюмируем: для обоснования исключительного правила nunc pro tunc фактор памяти учёными отрасли не используется; предпочтение отдаётся внутренней логике юриспруденции, давлению растущих гуманитарных настроений и поиску достойных решений частных вопросов действия уголовного закона во времени. Зададимся потому естественными и болезненными одновременно вопросами: не подвергаем ли мы опасности коренящийся в памяти населения социально-правовой конформизм, надёжно гарантирующий гражданский мир в стране, отступлениями от идей неотвратимости и быстроты уголовной ответственности в пользу исключительных правил преследования или выборочного принуждения? не будут ли надругательством над народной памятью растущие поблажки виновникам в форме освобождения от уголовной ответственности и наказания?[2]. Проблема заслуживает обсуждения и требует общетеоретического фундамента.

---

[1] Автором книги цитируется текст давней рецензии на профильную по настоящей теме работу: Гулиев В.Е., Кравцов Г.А. Действие закона во времени и пространстве… [23, с. 156].

[2] Кажется бесспорной та мысль, что должна быть определённая пропорция между состоянием преступности в стране и мерами преследования, между степенью общей культурности народа и милосердностью управления. Как там, у Ч. Беккариа: «На грубые души народа, едва вышедшего из первобытного состояния, необходимо воздействовать более сильными и максимально будоражащими чувства впечатлениями… Но по мере перехода людей в состояние общественное смягчается и усиливается восприимчивость их чувств. А с развитием восприимчивости соответственно должна уменьшаться суровость наказаний…» [24, с. 246-247]. Учреждение сразу двух глав в УК 1996 г., посвящённых освобождению от уголовной ответственности и наказания, не есть ли пример чрезмерного либерального усердия, и не лучше ли было направить гуманитарные искания в область декриминализации, то есть сокращения законодательного списка преследуемых преступлений?

Фраза *«казнить нельзя помиловать»* давно вошла в состав знаменитых крылатых выражений прошлого и энциклопедических знаний, стала стендом для смысловых тренировок юристов в области амфиболий и наслаждений для обывателей. Давно установлено, что эта и прочие легендарные формулы порождены целым комплексом причин – произволом монархов под вывеской милости, стилистическими «ляпами» в законодательстве, неумелым вмешательством высших органов власти в профессиональную деятельность правоохранителей и судей. Очень уместны суждения на сей счёт от Ч. Беккариа: «прощение и милосердие являются самой любимой прерогативой престола и желанным атрибутом верховной власти»; однако увлечению настоящей добродетелью «не должно быть места в совершенном законодательстве, где наказания умеренны, а суд праведен и скор», ибо «потребность в прощении и милосердии прямо зависит от нелепости законов и суровости приговоров» [24, с. 243–245]. **Вывод, который мы повторяем много лет и во множестве публикаций:** амнистия и помилование при том условии, что карающий закон остаётся в неприкосновенности, а юристы, вынесшие приговор, – без упрёка, что помилование касается единиц из огромной массы им подобных, а потому более несчастных, что сразу после амнистии очередная порция граждан занимает только освободившиеся от счастливчиков пенитенциарные места по причине преступного поведения, – портят нравы не в меньшей мере, чем злодеяния.

Но если социум не готов к отказу от амнистии и помилования, а пользование государством данными средствами страдает изъянами, уместно изыскивать ограничения для этой сферы. Вот наш санитарный набор: во-первых, до применения акта амнистии либо помилования нужно удостовериться в том, не жесток ли Уголовный кодекс, понуждающий верховную власть к оптовой либо персональной милости, и не правильнее ли гуманизировать его, а всех потенциальных адресатов сострадания «угостить» нормой об обратной силе закона? 2) акты прощения по времени должны отстоять и значительно от факта преступления и осуждения с тем, чтобы зло хотя бы частично нашло возмездие и покрылось естественным мраком забвения, а память современников не была бы покороблена срочным благорасположением власти к виновникам; 3) амнистия и помилование предпочтительны по тем делам, где потерпел повреждение *государственный* интерес, но не *частный* или *общественный*, ибо память действует избирательно и задерживается обычно на тех объектах, которые наиболее любимы, ибо государственные преступления частенько выдумываются ангажированными властями, но общеуголовные – никогда[1].

Приведём показательные примеры ущербного пользования помилованием и амнистией в нынешней России. В начале века контрразведка задержала при получении секретных сведений от россиянина и предала правосудию представителя спецслужб США. Шпион струхнул и незамедлительно заболел сыпью, чем вызвал жалость отечественных правозащитников. В день, когда российский суд вынес обвинительный приговор чужестранцу, либеральные СМИ и председатель комиссии по помилованию при Президенте страны стали советовать: задержанному страстотерпцу – не подавать кассационную жалобу (из-за опасности процессуальной волокиты и задержки с освобождением), а главе государства – употребить право на помилование сразу по истечении срока на кассационное обжалование приговора. Оба адресата приняли предложения к исполнению. Через некоторое время США, куда уехал помилованный разведчик, посетил с дипломатическим визитом высокопоставленный чиновник союзного государства (России и Белоруссии). И был задержан на несколько месяцев. Просьбы и намёки российских властей на необходимость взаимного благородства были холодно остановлены одним доводом: в той стране правосудие независимо, а помилование из вежливости к чужой стране нецелесообразно.

Пример оплошности парламента – постановление Госдумы ФС РФ от 26.05.2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», обжалованное гр-кой Л.М. Запорожец, здоровью которой был причинён

[1] Как точно подметила Т.В. Клёнова: «не каждый уголовный закон научно обоснован, но все политически мотивированы» [25, с. 57].

вред в результате непрофессиональной деятельности дантиста. Врач был амнистирован на досудебной стадии, сразу после преступления. Государство, которое никак не пострадало от деликта, помиловало виновника, а потерпевшую об этом даже не спросили[1]. И она стала жаловаться во все инстанции, пока не пробилась в высшее политико-юридическое присутствие страны. Смысл петиции Л.М. Запорожец в КС РФ: амнистия лишила её права на доступ к правосудию и затруднила компенсацию причинённого вреда.

По просьбе суда автор настоящей статьи представил тогда экспертное заключение, в котором указывал, что конституционная ущербность «досудебной амнистии» явно подтверждается тем обстоятельством, что потерпевший лишается возможности публично высказать свои претензии преступнику, да ещё на фоне освобождения последнего от преследования. Государство решает судьбу виновных купно или обезличенно, самостоятельно и автономно от обиженных деликтами граждан, при наличии традиционного для страны режима преследования, который к тому же может быть завершён послаблениями для виновников (главы 11 и 12 УК РФ).

Для разрешения проблемы по существу нами рекомендовалось Суду обратиться к коллизии между ничем не ограниченным полномочием нижней палаты парламента по амнистированию граждан (выражено в п. «ж» ч. 1 ст. 103 Конституции РФ всего двумя словами – «объявление амнистии») и весьма неконкретной государственной гарантией «обеспечивать потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причинённого ущерба» (ст. 52 Конституции). Экспертом утверждалось, что логика Основного закона страны, отражённая в его содержании и структуре, предполагает 1) приоритет личного интереса над общественными и государственными, а также 2) прав и свобод человека и гражданина, закреплённых во второй главе, над полномочиями (нижней палаты) федерального парламента, установленными в ст. 103[2]. Отсюда: формально безграничное право Госдумы на производство амнистий должно уступать интересам соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, которые объявлены в России высшей ценностью, что государство должно признавать и чему следовать (ст. 2 Конституции). Отсюда парламент абсолютно волен амнистировать виновных в преступлениях против государственной власти (раздел X УК РФ), но не против личности (раздел VII УК). И это правильно: по давно выстраданному человечеством завету этического и юридического профиля «неясности и неполнота договоров, законов и прочих документов толкуется против тех, кто их написал, разработал, принял». Автор отраслевого законодательства, ущемляющего права и свободы граждан либо затрудняющего пользование ими, – национальный парламент, которому как породистому и уважаемому учреждению надлежит по собственному почину укоротить свои полномочия по амнистированию.

Пример для подражания – действующий Президент страны, полномочие которого на индивидуальное милосердие также выражено в двух словах («осуществляет помилование» – п. «в» ст. 89 Конституции) и практически не ограничено, через год после вступления в должность произвёл своеобразное самоограничение – упразднил «Комиссию по вопросам помилования при Президенте РФ и передал её функции в субъекты Российской Федерации»[3],

[1] Так поступали очень давно, в критикуемую ныне как «непросвещённая» *эпоху композиций* или прейскурантов штрафов, когда «совершивший преступление с помощью рода расплачивался определённым количеством меновых единиц» с двумя адресатами – властью и потерпевшим [26, с. 15], причём первый делился «добычей» со вторым явно эгоистично, ибо государство присваивало себе львиную долю уголовных штрафов, сама не потерпев никаких убытков. (См. об этом: [27, с. 182–183]).

[2] Согласно ч. 1 ст. 135 Основного закона «положения глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием» (прерогатива корпуса избирателей, реализуемая через процедуру референдума), а это значит, что вопросы компетенции высших органов власти уступают по своей конституционно-правовой значимости основным и неотчуждаемым правам и свободам человека (ч. 2 ст. 17 Конституции).

[3] Указ Президента РФ от 28. 12. 2001 г., № 1500 (ред. от 14.12.2020 г.) «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» (вместе с «Положением о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации») // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34674/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения – 19.05. 2025 г.).

что привело «к снижению как общего числа поданных ходатайств о помиловании, так и к существенному сокращению числа лиц, к которым была применена эта мера милосердия». И действительно: если в ельцинской России «в 1992 году из исправительных колоний в результате актов помилования было освобождено 2726 человек», «в 1995 году – 4988», то «в 1999 году таких лиц было уже 7418». А после реорганизации системы помилования ситуация кардинально изменилась: «В 2004 году было помиловано 72 осужденных, в 2005 году – 42. В 2006 году правовая база «Гарант» содержала сведения о 9 осужденных, к которым Президентом Российской Федерации было применено помилование»[1].

Жалоба гр-ки Л.М. Запорожец слушалась в Конституционном Суде России трижды и всякий раз доводы её петиций оценивались как недостаточные[2]. Понять позицию состава высшего политико-правового присутствия страны, призванного не только режиссировать отраслевое законодательство по учредительному акту народа и государства, но и прогнозировать социально-экономические последствия своих правовых позиций и решений по конкретным делам, можно. Если удовлетворить претензии частного заявителя к национальному парламенту о лишении его права на доступ к правосудию как потерпевшего от преступления в результате «огульной» амнистии, авторы которой не могли и потому не учли все последствия своего решения для конкретной жертвы посягательства, а причинитель вреда был освобождён от уголовного преследования, то в очередь за (теперь автоматическим) удовлетворением подобных жалоб выстроятся сотни и тысячи граждан. И никакой казны не хватит на удовлетворения их исков, и престиж власти существенно пострадает.

От тюрьмы, сумы и судимости не зарекайся. Судимость олицетворяет древнюю традицию уголовного права и любимое властью свидетельство её аристократичности, а практический смысл данного института заключается в проверке состоятельности вынесенного судом приговора. По сути она сводится к официальной негативной аттестации всех преступников на сроки, установленные в ст. 86 УК РФ, но по справедливости должна коррелировать и с памятью населения о деликтах. Вне сомнения, рецидив в течение сроков судимости обнажает проблемы на многих фронтах борьбы с преступностью: чрезмерную мягкость приговора и закоренелость антисоциальных установок преступника, недостаточность усилий профилактических и пенитенциарных учреждений, плохую социальную атмосферу в стране и не соответствующий ей уровень либерализации уголовного законодательства. Ситуация требует реагирования по всем указанным направлениям, но в тексте УК, то есть наглядно и назидательно, отклик властей направлен лишь на повышение ответственности «рецидивиста». Это создаёт почву для общественной нервозности и правозащитной нетерпимости к институту судимости.

В предыдущие эпохи власти, обеспокоенные ростом и повторением насильственных посягательств, неисправимостью злодеев из касты «черни», а равно слабостью правоохраны, нашли спасение в телесной «регистрации» преступников: «изустным указом 9 июня 1746 г. (№ 9293) велено было клеймить… воров: во лбу **ВО**, на правой щеке **Р**, а на левой **Ъ**, чтобы они от прочих добрых и не подозрительных людей были отличны и что если кто из них учинит утечку, таковым по поимке через клеймение удобный способ быть может» [29, с. 973].

---

[1] Здесь и выше цитируется труд: [28, с. 5–6].

[2] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 24. 04. 2003 г., № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42062/ (дата обращения – 7.06.2025 г.); Определение Конституционного Суда РФ от 17. 10. 2006 г., № 425-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Запорожец Ларисы Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью шестой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64848/ (дата обращения – 7.06.2025 г.); Определение Конституционного Суда РФ от 15. 05. 2007 г., № 369-О-О «Об отказе в удовлетворении ходатайства гражданки Запорожец Ларисы Михайловны об официальном разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2003 года № 7-П» // sudact.ru/law/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-15052007-n_5/ (дата обращения – 7.06.2025 г.).

Эта первичная форма подтверждения судимости стала практиковаться многими народами по причине дешевизны и простоты исполнения. Но прогрессивная критика[1] и технический прогресс сделали своё дело: в России рвание ноздрей было отменено в 1817 г., а от лицевого клеймения отказались в 1863 г.; на смену варварским приёмам наглядной и пожизненной фиксации судимости на теле преступника пришли архивные справки, фотографирование и антропологические измерения преступников. Сформировалась современная культура пользования судимостью, без каких-либо травм удостоверяющая память о злодеянии и препятствующая пользованию наказанными некоторыми гражданскими правами и свободами. И с этим, как с вполне допустимой практикой, цивилизация согласилась на долгие годы, вплоть до настоящего времени: «осужденный может отбыть наказание полностью, в том числе и дополнительное.., но на нём остаётся ещё пятно судимости» [26, с. 567, М. М. Исаев].

Но времена меняются, и после кончины И.В. Сталина, практически в форме общенациональной дискуссии[2], отраслевики обсуждали вопрос кардинально – о целесообразности сохранения судимости вообще. Тогда норматив устоял, но испытания продолжились: судьба этого средства, постоянно провоцирующего разговоры об отвергнутом доктриной «опасном состоянии личности» и нарушении принципа non bis in idem, стала предметом рассмотрения в Конституционном Суде России[3]. Поводом к слушанию дела явились запрос суда и жалобы нескольких граждан, осужденных по признакам неоднократности и судимости за прежние преступления либо наказанных длительными сроками лишения свободы по причине рецидива (как отягчающего наказание обстоятельства). Заявители утверждали, что положения статей 16, 18, 68 и 86 УК РФ допускают «повторное возложение уголовной ответственности за одно и то же преступление, что выражается в усилении наказания по причине наличия у лица непогашенной или неснятой судимости и в двойном учёте самого факта судимости – как квалифицирующего признака состава преступления и как обстоятельства, отягчающего наказание».

По мнению Конституционного Суда России: а) уголовно-правовая судимость порождает особые публично-правовые отношения виновного и государства, «которые при совершении этим лицом новых преступлений служат основанием для оценки его личности и совершённых им преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью и потому предполагают применение к нему более строгих мер уголовной ответственности»; б) дополнительные обременения в отношении судимых лиц вытекают из ч. 3 ст. 55 Конституции, допускающей ограничения прав и свобод граждан в целях «защиты основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»; в) судимость может быть использована отраслевым законодательством как отягчающее наказание обстоятельство («если само по себе совершение преступления лицом, уже имеющим судимость, повышает его общественную опасность безотносительно к виду преступления») либо как квалифицирующий признак отдельных составов («если для данных составов преступлений характерен специальный рецидив, т.е. систематичность преступного поведения»); г) отказ от институтов

[1] Адмирал Н.С. Мордвинов, автор исследований «О смертной казни» и «Об умерении публичных наказаний», писал в одной из работ: «наш Уголовный устав был бы, по мнению моему, согласен с нашим веком, если бы клейма были совсем отменены. Многие народы оставили сии древней лютости напоминание и признак, который при бдительном и благоустроенном правительстве ненужен и бесполезен, а потому что бесполезен, то и предосудителен в Уголовном уставе». (Цит. по: [30, с. 109]).

[2] Имеется в виду серия статей с указанием страниц, где обсуждается институт судимости, выполненных В.Н. Кудрявцевым и Б.С. Никифоровым [31, с. 86], А.А. Пионтковским [32, с. 112–14]и П.С. Ромашкиным [33, с. 77].

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г., № 3-П по делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-9 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 г. – «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» – в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда г. Москвы и жалобами ряда граждан // Собрание законодательства РФ. 07.04.2003. № 14. Ст. 1302.

неоднократности, рецидива и судимости противоречил бы конституционному запрету дискриминации и выраженным в Основном законе страны принципам справедливости и гуманизма, поскольку игнорировались бы сведения о личности виновного[1]; д) уголовный закон уже содержит (ч. 2 ст. 63 УК) предохранительную норму против двойного учета одних и тех же обстоятельств на стадиях квалификации преступления и назначения наказания за него, реализация которой – дело судов общей юрисдикции и других правоохранительных органов.

В итоге КС РФ признал не противоречащими Конституции обсуждаемые нормативы уголовного закона, но в первом же пункте постановления употребил многозначительную оговорку для федерального законодателя – о возможности «установить иное регулирование судимости, неоднократности и рецидива преступлений и их уголовно-правовых последствий». Оговорка была понята как сильнодействующий намёк: по № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 г. судимость перестала существовать как квалифицирующий признак преступлений в статьях Особенной части УК, а неоднократность как форма множественности упразднена. Многолетний лидер уголовно-правовой науки, проф. Н.Ф. Кузнецова первой «поздравила» население и специалистов с очередной либерализацией отрасли: «Госдума в противовес генеральным направлениям уголовной политики гуманизировала наказуемость профессиональной преступности и криминального рецидива. В тех немногих нормах, где криминологически обоснованно предусматривался квалифицирующий признак «судимость», он отменен. Профессиональный вор может только радоваться. Рецидивист тоже теперь будет недолго пребывать в ИТУ. Ему дозволяют назначать наказание ниже низшего предела санкции соответствующей статьи УК» [34, с. 27]. От себя скажем, что данная новелла, принятая законодателем невольно либо расчётливо, означает следующее: память о преступлениях как о рядовых событиях не должна быть длительной, а охватывать впечатления лишь от периода отбывания наказания; гуманитарное увлечение личностным подходом важнее высоковероятного общественно опасного поведения освобождённого от наказания в постпенитенциарный период.

В современных работах о судимости по российскому уголовному законодательству увязка данного института с памятью населения не заявляется. Лишь косвенно, только по желанию исследователя, всего приблизительно и с большими допусками её можно усмотреть в упоминании фактора времени законотворцами при регулировании судимости. Вот характерный пример – кандидатское исследование по анализируемой теме четвертьвековой давности, автор которого научную новизну своего предприятия акцентировано обосновывает тем, что оно представляет собою «первое монографическое исследование института судимости на нормативной базе УК РФ 1996 года» [35, с. 4-5]. Первые два положения на публичную защиту звучат так: «1. Судимость – это имеющий срочный характер юридический факт осуждения (выраженного во вступившем в законную силу обвинительном приговоре суда с назначением наказания) лица за совершённое им преступление, влекущий за собой определённые уголовно-правовые и общеправовые последствия для осужденного» (а не наоборот ли: «определённые уголовно-правовые и общеправовые последствия для осужденного, порождённые отбыванием им наказания по обвинительному приговору суда»!)… «Юридическая природа судимости» проявляет себя в соединении двух юридических фактов – обвинительного приговора с назначением наказания в отношении преступника и возникающей на его основе судимости (без комментариев).

Как следствие, анализируемый нами институт в представлении соискательницы комплектуется из двух групп факторов различной значимости: а) «к существенным **основным признакам** (вероятно, называются **условия**, а не важнейшие **свойства** судимости, ибо

[1] Пренебрежение данными о личности рецидивиста, то есть о прошлом, есть отступление от памяти – потерпевшего, его родственников, очевидцев и свидетелей, всех знающих и думающих людей из разряда законопослушного населения. В Конституционном Суде России это понимают и потому не решились на объявление судимости антиконституционным нормативом, противоречащим идеально толкуемому запрету non bis in idem.

даже в словаре для школьников «признак» толкуется как «примета, знак, по которому можно узнать, определить что-л., отличительное свойство, качество»[36, с. 285–286] объекта, предмета, процесса, а не их окружающая среда либо последствия – *А.Б.*) **судимости** относятся обвинительный приговор суда, назначение наказания и «само преступление» (такова последовательность порождающих судимость событий в тексте автореферата – *А.Б.*); б) а к **производным** – категория преступления, характер преступления, вид назначенного приговором суда наказания, его срок, применение отдельных мер уголовно-правового воздействия (условного осуждения, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и т.п.), фактическое отбывание (любого? – *А.Б.*) наказания; фактическое отбывание наказания определённого вида, количество судимостей, наконец.

Предположим, что учёный мир считает достаточным тот факт, что властью судимость дифференцируется по времени на четыре разряда, а в основание данного нормативного решения заложена опять же четырёхступенчатая категорийность преступлений. Но последняя базируется на предельном сроке всего одного (из 13-ти!) видов наказаний (вероятное и весьма отдалённое по времени от породивших их преступлений правовое последствие!), а для двух первых категорий – ещё и на форме вины. Сложные, согласимся, логика и конструкция: а) аксиоматично, что преступления опережают по времени наказания, а потому их срок не является имманентным признаком преступлений и потому не может использоваться для классификации последних; б) «обещанный» парламентом в ч. 1 ст. 15 УК РФ критерий (характер и степень общественной опасности деяний = ценность поражаемых благ и размер причиняемого им вреда) явно расходится с тем, что фактически послужило базой для нормативной сортировки посягательств в следующих частях ст. 15 УК; в) формирование на этой основе и применение на практике института судимости как комплекса правоограничений для лиц, уже отбывших наказания или полностью рассчитавшихся с обществом за свои криминальные деликты, выглядит не очень убедительно и потому перманентно вызывает возражения со стороны отбывших наказания лиц, их адвокатов и правозащитников.

Где социологическая (криминологическая) база для регламентации судимости и коррекции её сроков в ст. 68 УК (и вообще всех законопроектов по противодействию преступности), в чём Законодательное Собрание РФ постоянно попрекают специалисты отрасли и чему посвятили специальное заседание Конгресса уголовного права [37]? Может ли служить убедительной основой для дополнительных правоограничений в адрес уже отбывших наказания лиц нормотворческая логика, по которой разряды преступлений определяются *по характеру и степени общественной опасности* последних (пусть и сведённой в санкциях статей Особенной части закона к срокам самого применяемого наказания), но классификация последних производится *по порядку назначения* (ст. 45 УК РФ), а не по суровости уголовных кар, созвучной с опасностью эксцессов? Когда будет реализован беккариевский призыв к законодательной унификации критериев сортировки обоих институтов отрасли? Вспомним его слова, звучащие как завет потомкам: «если бы существовала… точная и всеобщая классификация наказаний и преступлений, то она могла бы служить нам, вероятно, в качестве единой шкалы ценностей и для определения степени узурпации власти и свободы, гуманности и жестокости различных народов» [24, с. 85]. И дозирования уголовной ответственности, добавим. В том числе по линии учёта памяти населения о преступлениях и преступности, без чего шансы на особо требуемое сегодня единство народа уменьшаются.

Допустимые выводы

1. Время – важнейшая координата социальной организации, в том числе в сфере борьбы с преступностью. Параметрируя несущуюся вечность на прошлое – настоящее – будущее, вводя и модифицируя системы исчисления времени (приноравливая их к природным закономерностям – вращение Земли и расположение её по отношению к Светилу, к идеологическим оценкам истории – до нашей эры, Возрождение, эпоха НТР или к хозяйственным потребностям – сезонные манипуляции со стрелками часов), человечество демонстрирует и возможности своей памяти.

2. Тезаурус добытой, в том числе ценой жертв и заблуждений[1], техногенных катастроф, войн и преступлений[2], информации составляет достояние цивилизации, цену которому даже определить невозможно. Эта памятная информация должна быть надлежащим образом, то есть без потерь и искажений, оприходована, расфасована, сохранена и предоставлена в пользование потомкам, в том числе для юридического регулирования.

3. Вот с пользованием-то проблем больше всего и возникает. Часть информации засекречивается властями, иногда необоснованно; по материально-техническим причинам, т.е. вынужденно блокируется доступ к хранилищам опыта, знаний и экспонатов; «интеллектуальные пираты», промышленные шпионы, террористы и мошенники разрушают либо затрудняют цивилизованные формы культурных обменов. Но самый больной участок – трансмиссия полезных культурных отложений от поколения к поколению. Перманентные революционные скачки в жизни Отечества и постоянно раздуваемые социальные фантазии (прежняя ставка на построение «коммунизма» или современное обольщение «правами и свободами человека или гражданина» без обязанностей) этому никак не способствуют. Препятствием же для критического обсуждения и смелых прогнозов в исполнении отечественных криминалистов относительно будущего амнистии, помилования и обратной силы уголовного закона является то обстоятельство, что эти варианты корректировки правоприменительных решений по уголовным делам легитимированы на высшем уровне – вписаны в текст Конституции Российской Федерации. Данный подспудный мотив воздержания работал ещё в советское время: «… мы склонны считать наиболее верной точку зрения тех авторов, которые рассматривают амнистию и помилование в рамках государственного (ныне конституционного – *А.Б.*) права»[3].

4. Проблема соотношения памяти и права (как фрагмент более глубинной темы сочетания юриспруденции и нравственности) и образующие её поисковую почву вопросы отнюдь не надуманы и мы это показали в тексте. При выполнении правотворческих и правоприменительных функций власть не может игнорировать мнения, настроения, оценки и ожидания населения, формируемые памятным образом – из накопленной им за предыдущий период информации о реагировании государств на юридически значимое поведение в стране и за рубежом. Чего стоит пример профашистской политики современных прибалтийских государств, преследующих бывших советских партизан и офицеров, но помпезно благоволеющих к тогдашним пособникам нацистов из числа этнических латышей, литовцев и эстонцев.

5. Конечно, проблема соотношения памяти и уголовно-правовых нормативов является сложной. В интересах прогресса, как они его искренне видят, власти могут игнорировать прежние стереотипы жизни и поведения, хранящиеся этносом в нравственных назиданиях, поговорках и пословицах, исторических летописях, примерах старшего поколения. К этому располагает и наш стремительный век, когда стандарты сосуществования людей обновляются в течение жизни одного поколения и даже неоднократно. Современные возрастные группы не поспевают оценить накопленную практику из-за высоких эволюционных скоростей; их опытный багаж стареет прежде обработки и потому не передаётся следующему поколению в полном и понятном виде. Но память не дешевеет, она просто уплотняется, вбирает в себя стереотипы нескольких поколений. Потому обращаться с ней, прежде всего юристам, нужно ещё более бережно.

---

[1] В 1697 году ***Пьер Бейль*** выпустил свой «Исторический и критический словарь», представлявший на то время гигантскую энциклопедию заблуждений и ошибок человечества и состоявший из 2044 статей или фрагментов (в нашей стране опубликован: [38–39]).

[2] Достаточно вспомнить о работе ***Ю. Торвальда*** «Сто лет криминалистики» (другой вариант названия – «Век криминалистики» [40]), содержащей в последовательном изложении примеры того, как развивалась прикладная для уголовного права отрасль знаний вслед за совершенствованием преступлений и путешествующих за ними технических наук, как накапливалась в памяти криминалистов мира бесценная информация о технологии криминального поведения.

[3] [41, с. 87]. Эту же позицию занимал и проф. Н.Д. Дурманов [42, с. 47–50].

6. Для понятного и убедительного внедрения памяти населения в государственные расчёты и практику применения анализируемых исключительных нормативов отрасли следует задействовать фактор времени, который «сам просится в лыко». Ведь в классическом правоприменении между созданием законодателем запретов (санкций), конкретными обвинительными приговорами и послаблениями для виновных усилиями Федерального Собрания РФ (декриминализация и депенализация), главы государства (помилование) или нижней палаты парламента (амнистия), а равно деятельностью пенитенциарных учреждений (исполняющих наказания и готовящих спецконтингент к освобождению для последующего самостоятельного соблюдения правоограничений, составляющих содержание судимости) всегда имеется темпоральный разрыв. Возможно, разработку сроков памятного хранения населением информации о преступности и реагировании на неё государством следует сопрягать с каскадом сроков, установленных в Уголовном кодексе в отношении условно-досрочного освобождения, замены неотбытого наказания на более мягкие виды, условного осуждения и т.д.

7. Специалисты по правосознанию на основании проведённых социологических исследований утверждают, что «законопослушные граждане (а их в любой стране мира большинство – *А.Б.*) превосходят преступников в знании исходных правовых положений, но уступают в знании частностей»[43, с. 16]. Исходя из того, что институты обратной силы закона, амнистии, помилования и судимости относятся к положениям Общей части уголовного права, есть основания заявить, что общественное мнение и память большинства населения могут и должны служить дополнительным путеводителем для главы государства, парламента и правоприменителей. И весь вопрос в подборе методик установления оптимальных (предельных) сроков хранения в коллективной памяти такой информации о преступлениях и преступности, которая достигает уровня устойчивых настроений и требований к государству по противодействию преступности и пределов употребления обсуждаемых в настоящей статье послаблений.

8. Но это – первая часть предстоящей работы; а вторая заключается в определении оптимальных качественно-количественных характеристик народной памяти для использования властями. Поскольку эта задача располагается в эпицентре диалектического противоречия между общими и исключительными нормативами, потребно средство из разряда «золотой середины». И здесь подойдёт предложение представителей естествознания по методу достижения устойчивого динамического равновесия между конкурирующими системами (установками, ценностями, технологиями), который получил образное название «золотой пропорции» или «золотого сечения» [44]. Оно (предложение) покоится на использовании т.н. «числа Фидия» (1,618) и близких к нему чисел, с помощью которых устанавливается гармоничное соотношение между ставкой на испытанные принципы неотвратимости и быстроты репрессии, с одной стороны, и применяемые из гуманных соображений исключения из этих идеалов в виде обратной силы уголовного закона, амнистии, помилования и судимости, с другой.

9. Память (преступника, потерпевшего, очевидца, населения) не только бесценна, но и избирательна, подвергается аберрации от меняющейся жизни и давления заинтересованных лиц. Правда, что времена цензуры, костров для книг и прямых запретов на сообщительные собрания канули в лету[1]. Но пришла эпоха СМИ: этот основной поставщик информации призван помогать памяти людей, но не манипулировать ею; однако он работает на обоих направлениях, а на втором, щедро оплачиваемом – даже более азартно. Заведомая ложь СМИ, распространяемая в форме пиар-кампаний, информационных войн [45], заказных статей, «трудолюбия» папарацци, рекламных материалов о кандидатах во власть и пр., уродует память. А ведь есть ещё финансово выгодная, но низкопробная детективная пища, скармливаемая книгоиздателями и телеканалами нашему обывателю без каких-либо ограничений.

[1] Сегодня мы можем лишь улыбаться, вспоминая иронию великого пересмешника России М.Е. Салтыкова-Щедрина, писавшего о попытках создания в России XIX века вольнодумных организаций с названиями «Общество предвкушения гармоний будущего» либо «Общество чарующих движения воды».

В результате самый надёжный поставщик информации о преступлениях – старушка с биноклем на балконе – забывает все подробности увиденной криминальной драмы на улице до разговора с пинкертоном; она возвращается в комнату, к телевизору, где 24 часа в сутки в цветном изображении, со спецэффектами и другими запоминающимися приёмами адской режиссерской кухни смакуются подробности многих, чаще выдуманных преступлений. Плакали надежды А.Ф. Кони не то, что криминальное происшествие удержится в памяти свидетеля своей неординарностью и яркими красками, ибо искусственный монтаж картины преступления рассчитан именно на приманку зрителя, а реальные посягательства исполняются в надежде избежать внимания очевидцев, строго рациональны, лишены показной аффектации.

10. Уголовно-правовая доктрина пока не оприходовала память, внимание и запоминание для своих нужд – ни на отраслевом, ни на криминологическом и уголовно-политическом уровнях. А необходимость в этом есть: для уточнения интеллектуального компонента вины, развития теории криминализации, более свежего взгляда на институты давности, судимости, обратной силы закона, амнистии и помилования. Для того, чтобы сохранить себя в бушующем геополитическом море, российскому этносу следует знать и управлять механизмами формирования, хранения и передачи генной памяти – для поиска оптимальных вариантов её учёта в области использования исключительных норм уголовного права, для сохранения самобытности населения и целостности страны. Мы же ходим в должниках у кормящего нас народа; честное и упреждающее обслуживание потребностей производителя материальных и духовных благ есть благородная и естественная повинность образованного класса.

Обобщим написанное до предела и заявим, что память человеческая представляет собою не только огромное хранилище опыта; она в состоянии нейтрализовывать произвол публичной администрации на этапах правотворчества и правоприменения и даже облагораживать уголовное право – в том числе через институты обратной силы закона, давности, амнистии и помилования, судимости; она – противоядие против социально-политических обольщений и ненужных духовных займов за границей.

Список источников

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / АН СССР, Ин-т философии; Общ. ред. и вступит. статья А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979. 620 с.
2. Душенко К.В. Большая книга афоризмов. М.: «Эксмо», 1999. 1056 с.
3. Таранов П.С. Мудрость трёх тысячелетий. М.: Изд-во «АСТ», 1999. 736 с.
4. История, философия, принципы и методы правозащитной деятельности: Сборник материалов семинара Московской Хельсинской группы. Выпуск 1. М.: ИНТУ, 1995. 105 с.
5. Краткий психологический словарь. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
6. Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. 508 с.
7. Соломина И.Ю. Социальная память: структура и феномены: Автореф. дисс… канд. философ. наук. Самара: Самар. гос. ун-т, 2005. 22 с.
8. Лебедева Г.В. Память и забвение как феномены культуры: Автореф. дисс… канд. философ. наук. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 2006. 25 с.
9. Шнирельман В.А. Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. 508 с. С. 12-34.
10. Бернал Дж. Наука в истории общества / Пер. с англ. А. М. Вязьминой и др.; Общая ред. Б. М. Кедрова, И. В. Кузнецова. М.: Иностр. литература, 1956. 735 с.
11. Леонид Шебаршин. Хроники безвременья. Афоризмы начальника советской разведки. М.: «Центрполиграф», 2018. 223 с.
12. Щёголев П.Е. Пётр Григорьевич Каховский. М.: Альциона, 1916. 153 с.
13. Кони А.Ф. Память и внимание // Собр. соч. в 8 томах. Т. 4. М.: Юрид. литература, 1967. 543 с.
14. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / Учебник для вузов под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М.: ИКД «Зерцало», 2002. 661 с.
15. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. М.: Наука, 1987. 278 с.

16. Wertsch J.V. Voices of collective remembering. New York: Cambridge Univ. Press, 2002. 203 p.
17. Connerton P. How societies remember. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 121 p.
18. Кащенко Т.Л., Положенцева И.В., Пилоян М.Г. Феномен исторической памяти в XXI в. // Журнал исторических исследований. Том 4. 2019. № 1. С. 46-50.
19. Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов / [Сост. и авт. вступ. ст. Г.М. Мелков]. М.: Юрид. лит-ра, 1990.
20. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции: часть Общая: [в 2 т.]; [сост. и отв. ред. Н.И. Загородников]. М.: Наука, 1994. Т. I. 419 с.
21. Бойцов А.И., Волженкин Б.В. Уголовный закон: действие во времени и пространстве: Учебное пособие. СПб.: Ин-т повыш. квалиф. прокурор.-следств. работников, 1993. 104 с.
22. Якубов А.Е. Обратная сила уголовного закона: Некоторые проблемы совершенствования УК РФ. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 206 с.
23. Гулиев В.Е., Кравцов Г.А. Действие закона во времени и пространстве: Рец. на: Тилле А.А. Время, пространство, закон. М., 1969. 201 с. // Советское государство и право. 1966. № 7.
24. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: «Стелс-БИМПА», 1995. 304 с.
25. Клёнова Т. В. Принципы уголовного права и принципы кодификации // Государство и право. 1997. № 1. С. 54-59.
26. Уголовное право: Учебник; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. – 4-е изд., перераб. – М.: Юрид. изд-во, 1948 (тип. «Кр. Пролетарий»). 576 с.
27. Зощенко М.М. Избранные произведения: В 2 т. Л.: Худож. лит-ра; Ленингр. отд-ние, 1968. Т. 2. 464 с.
28. Саженков Ю.В., Селиверстов В.И. Правовые проблемы помилования в России: учебное пособие. – 2-е изд., доп. – М.: Юриспруденция, 2008. 168 с.
29. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции Н.С. Таганцева, д-ра уголов. права: в 2-х томах. Т. 2. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1902. С. 816-1460.
30. Ошерович Б.С. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли (2-я половина XVIII в. – 1-я четверть XIX в.). М.: Юрид. изд-во, 1946. 312 с.
31. Кудрявцев В.Н., Никифоров Б.С. Ограничение прав по проекту основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик // Советское государство и право. 1958. № 7. С. 112–114.
32. Пионтковский А. А. Основные вопросы уголовного права в проекте основных начал уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик // Советское государство и право. 1958. № 9.
33. Ромашкин П.С. Основные проблемы кодификации советского уголовного законодательства // Советское государство и право. 1957. № 5.
34. Кузнецова Н. Мнение учёных о реформе УК (или qui prodest?) // Уголовное право. 2004. № 1. С. 26-27.
35. Шаутаева Г.С. Судимость в уголовном праве России и её правовое значение: Автореферат дис. … канд. юрид. наук. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2000. 28 с.
36. Лапатухин М.С. и др. Школьный толковый словарь русского языка: Пособие для учащихся / Под ред. Ф.П. Филина. М.: Просвещение, 1981. 463 с.
37. Криминологические основы уголовного права: Материалы X Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26-27 мая 2016 г. / отв. ред., докт. юрид. наук, проф. В.С. Комиссаров. М.: Юрлитинформ, 2016. 568 с.
38. Исторический и критический словарь в двух томах. Общ. ред. и вступит, статья В.М. Богуславского. / Пер. с франц. М.: «Мысль». Т. 1. 1967. 391 с.
39. Исторический и критический словарь в двух томах. Общ. ред. и вступит, статья В.М. Богуславского. / Пер. с франц. М.: «Мысль». Т. 2 1968. 510 с.
40. Торвальда Ю. Сто лет криминалистики. М.: Прогресс, 1984. 203 с.
41. Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М.: Наука, 1974. 232 с.
42. Дурманов Н. Д. Амнистия – государственно-правовой акт // Советское государство и право. 1976. № 5-6. С. 47-50.
43. Общественное мнение о преступности и мерах борьбы с ней (Сборник науч. трудов). М.: Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1977. 84 с.
44. Кокин А.В., Кокин А.А. Золотое сечение и эволюция (введение в общую теорию нелокальной эволюции). М.: «ООО Информ-Право», 2022. 232 с.
45. Черняк Е.Б. Химеры старого мира. Из истории психологической войны. М.: Молодая гвардия, 1970. 272 с.

References

1. Diogenes Laertius. *On the life, teachings and sayings of famous philosophers* / USSR Academy of Sciences, Institute of Philosophy; General Ed. and he will join. article by A. F. Losev. Moscow: Mysl, 1979. 620 p. (In Russ.)

2. Dushenko K.V. *The Big Book of aphorisms.* Moscow: Eksmo, 1999. 1056 p. (In Russ.)

3. Taranov P.S. *The wisdom of three millennia.* Moscow: AST Publishing House, 1999. 736 p. (In Russ.)

4. *History, philosophy, principles and methods of human rights work: A collection of materials from the seminar of the Moscow Helsinki Group.* Issue 1. Moscow: INTU; 1995. 105 p. (In Russ.)

5. *Short psychological dictionary.* Moscow: Politizdat; 1985. 431 p. (In Russ.)

6. *Historical memory and Russian identity* / ed. by V.A. Tishkov, E.A. Pivneva. Moscow; 2018. 508 p. (In Russ.)

7. Solomina I.Y. *Social memory: structure and phenomena:* Abstract. dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences. Samara: Samara State University, 2005. 22 p. (In Russ.)

8. Lebedeva G.V. *Memory and oblivion as cultural phenomena:* Abstract. dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences. Ekaterinburg: Ural State University named after A.M. Gorky; 2006. 25 p. (In Russ.)

9. Shnirelman V.A. Social memory: questions of theory. In: *Historical memory and Russian identity* / ed. by V.A. Tishkov, E.A. Pivneva. Moscow: RAS; 2018. 508 p. Pp. 12-34. (In Russ.)

10. Bernal J. Science in the history of society. Translated from English by A.M. Vyazmina et al.; General editorship by B. M. Kedrov, I. V. Kuznetsov. Moscow: Inostr. literature, 1956. 735 p. (In Russ.)

11. Leonid Shebarshin. *Chronicles of timelessness. Aphorisms of the chief of Soviet intelligence*. Moscow: Tsentrpoligraf; 2018. 223 p. (In Russ.)

12. Shchegolev P.E. *Peter Grigorievich Kakhovsky.* Moscow: Alcyone; 1916. 153 p. (In Russ.)

13. Koni A.F. Memory and attention. In: *Collected works in 8 volumes.* Vol. 4. Moscow: Yurid. literature, 1967. 543 p. (In Russ.)

14. *Criminal law course. The general part.* Volume 1: The Doctrine of Crime. Textbook for universities edited by N.F. Kuznetsova and I.M. Tyazhkova. Moscow: IKD "Zertsalo", 2002. 661 p. (In Russ.)

15. *Criminal law. The experience of theoretical modeling* / Ed. by V.N. Kudryavtsev, S.G. Kelina. Moscow: Nauka; 1987. 278 p. (In Russ.)

16. Wertsch J.V. *Voices of collective remembering.* New York: Cambridge Univ. Press; 2002. 203 p.

17. Connerton P. *How societies remember.* Cambridge: Cambridge University Press; 1989. 121 p.

18. Kashchenko T.L., Polozhentseva I.V., Piloyan M.G. The phenomenon of historical memory in the 21st century. *Journal of Historical Research.* 2019;4(1):46–50. (In Russ.)

19. I*nternational protection of human rights and freedoms: A collection of documents* / [Comp. and auth. introductory article by G.M. Melkov]. Moscow: Yurid. lit., 1990. (In Russ.)

20. Tagantsev N.S. *Russian criminal law: lectures: General part*: [in 2 volumes]; [comp. and ed. by N.I. Zadorodnikov]. Moscow: Nauka, 1994. Vol. I. 419 p. (In Russ.)

21. Boytsov A.I., Volzhenkin B.V. *Criminal law: action in time and space: The training manual.* St. Petersburg: Higher Education Institute. the qualification. Prosecutor. -investigations. workers, 1993. 104 p. (In Russ.)

22. Yakubov A.E. *The retroactive force of the criminal law: Some problems of improving the Criminal Code of the Russian Federation.* St. Petersburg: Law Center Press, 2003. 206 p. (In Russ.)

23. Guliev V.E., Kravtsov G.A. The effect of law in time and space: Rec. in: Tillet A.A. Time, space, law. Moscow, 1969. 201 p. *Soviet state and law.* 1966;(7). (In Russ.)

24. Beccaria Ch. *About crimes and punishments.* Moscow: "Stealth-BIMPA"; 1995. 304 p. (In Russ.)

25. Klenova T. V. Principles of criminal law and principles of codification. *State and law.* 1997;(1):54–59. (In Russ.)

26. *Criminal law: Textbook*. – 4th ed., reprint. – Moscow: Legal publishing house, 1948 (type. "Kr. The Proletarian"). 576 p. (In Russ.)

27. Zoshchenko M.M. *Selected works: In 2 volumes*. Leningrad: Artist. lit.; Leningrad Publishing House, 1968, vol. 2. 464 p. (In Russ.)

28. Sazhenkov Yu.V., Seliverstov V.I. *Legal problems of pardon in Russia: textbook*. – 2nd ed., supplement. Moscow: Jurisprudence; 2008. 168 p. (In Russ.)

29. Tagantsev N.S. Russian criminal law. General part: lectures by N.S. Tagantsev, Dr. Ugolov. Rights: in 2 volumes. Vol. 2. St. Petersburg: State Printing House; 1902. Pp. 816-1460. (In Russ.)

30. Osherovich B.S. *Essays on the history of Russian criminal law thought (2nd half of the 18th century – 1st quarter of the 19th century).* Moscow: Legal Publishing House, 1946. 312 p. (In Russ.)

31. Kudryavtsev V.N., Nikiforov B.S. Restriction of rights under the draft basic principles of criminal legislation of the USSR and the Union Republics. *The Soviet State and law.* 1958;(7):112–114. (In Russ.)

32. Piontkovsky A. A. Basic issues of criminal law in the draft basic principles of criminal legislation of the USSR and the Union Republics. *The Soviet State and law.* 1958;(9). (In Russ.)

33. Romashkin P.S. The main problems of codification of the Soviet criminal legislation. *The Soviet State and law.* 1957;(5). (In Russ.)

34. Ninel Kuznetsova. The opinion of scientists on the reform of the Criminal Code (or qui prodest?). *Criminal law.* 2004;(1):26–27. (In Russ.)

35. Shautaeva G.S. *Criminal record in the criminal law of Russia and its legal significance:* Abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. Izhevsk: Udmurt State University; 2000. 28 p. (In Russ.)

36. Lapatukhin M.S. et al. *School explanatory dictionary of the Russian language: A guide for students /* Edited by F.P. Filin. Moscow: Prosveshchenie; 1981. 463 p. (In Russ.)

37. *Criminological foundations of criminal law: Proceedings of the X Russian Congress of Criminal Law,* held on May 26-27, 2016 / ed., doc. jurid. V.S. Komissarov. Moscow: Legal-litinform; 2016. 568 p. (In Russ.)

38. Historical and Critical dictionary in two volumes. General ed. and an article by V.M. Boguslavsky will enter. Translated from French Moscow: "Mysl"; 1967. Vol. 1. 391 p. (In Russ.)

39. Historical and Critical dictionary in two volumes. General ed. and an article by V.M. Boguslavsky will enter. / Translated from French. Moscow: Mysl; 1968. Vol. 2. 510 p. (In Russ.)

40. Torvalda J. "One hundred years of criminology" (another version of the name is "The Century of criminology". Moscow: Progress; 1984. 203 p. (In Russ.)

41. Kelina S.G. *Theoretical issues of exemption from criminal liability.* Moscow: Nauka; 1974. 232 p. (In Russ.)

42. Durmanov N. D. Amnesty – a state legal act. *The Soviet State and law.* 1976;(5-6):47–50. (In Russ.)

43. *Public opinion on crime and measures to combat it (Collection of scientific papers).* Moscow: All-Union. institute for the study of Causes and Development. Crime Prevention Measures; 1977. 84 p. (In Russ.)

44. Kokin A.V., Kokin A.A. *The Golden Section and evolution (an introduction to the general theory of non-local evolution).* Moscow: Inform-Pravo LLC; 2022. 232 p. (In Russ.)

45. Chernyak E.B. *Chimeras of the old world. From the history of psychological warfare.* Moscow: Molodaya Gvardiya; 1970. 272 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. И. Бойко – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления

Information about the author

A. I. Boiko – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 04.09.2025; принята к публикации 05.09.2025. The article was submitted 26.06.2025; approved after reviewing 04.09.2025; accepted for publication 05.09.2025.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 41–52
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(3):41–52

Научная статья
УДК 343.291
EDN YCGHPU

Прочность уголовно-правовой памяти (о преступлениях без срока давности)

Артем Владимирович Горбань

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Южно-Российский институт управления, г. Ростов-на-Дону, Россия,
gorban-av@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0001-9612-9025

Аннотация

Введение. Закрепленные в ст. 78 и ст. 83 УК РФ нормы являются законодательным отражением такого свойства правового регулятора, как прочность уголовно-правовой памяти. В свою очередь, нормы-исключения, не допускающие применение давностных сроков по отдельным видам преступлений, выступают дополнительным инструментом дифференциации уголовно-правовой реакции.

Цель. Представленное исследование направлено на описание этапов формирования рассматриваемых норм и выявление потребности в их дальнейшем изменении; изучение зарубежного (стран постсоветского пространства) опыта ограничения пределов применения давностных сроков в уголовном праве; установление правоприменительных тенденций и обобщение судебных позиций по вопросу применения ч. 4 ст. 78 УК РФ.

Методы. При проведении исследования использовался комплексный методологический подход, включающий следующие общенаучные и специализированные методы: общелогические (анализ, обобщение, аналогия, индукция), исторический, сравнительно-правовой и статистический.

Результаты и выводы. Современный подход российского законодателя, устанавливающий запрет на применение по ряду преступлений давностных сроков, соответствует международным требованиям и в целом аналогичен текущему механизму правового регулирования в странах постсоветского пространства. В ходе исследования рассмотрены этапы становления и реформирования ч. 4 и ч. 5 ст. 78 УК РФ. Автор отмечает отсутствие оснований для расширения сферы действия ч. 5 ст. 78 УК РФ. На основе судебных актов обобщена совокупность обстоятельств, учитываемых при рассмотрении вопроса о неприменении срока давности в порядке ч. 4 ст. 78 УК РФ. Согласно данным судебной статистики в последние годы наблюдается рост в целом освобожденных от уголовной ответственности и наказания по истечении давностных сроков и, в особенности, по тяжким и особо тяжким преступлениям, в том числе по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Последнее объясняется положительными результатами работы по расследованию преступлений прошлых лет. Обоснована потребность в усилении уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших простое убийство, распространив на такое преступление действие диспозитивного порядка применения давностных сроков (ч. 4 ст. 78 УК РФ).

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, давность уголовного преследования, принцип гуманизма, преступления без срока давности, преступления прошлых лет, судейское усмотрение, преступления исключительной тяжести, уголовно-правовая память, убийство, пожизненное лишение свободы, смертная казнь

Для цитирования: Горбань А. В. Прочность уголовно-правовой памяти (о преступлениях без срока давности) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 41–52. EDN YCGHPU

© Горбань А. В., 2025

The memory of the war: reflections of scientists

Original article

Durability of criminal-legal memory (on crimes without a statute of limitations)

Artem V. Gorban

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russia Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia,
gorban-av@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0001-9612-9025

Abstract

Introduction. The norms enshrined in Art. 78 and Art. 83 of the Criminal Code of the Russian Federation are a legislative reflection of such a property of the legal regulator as the strength of criminal-legal memory. In turn, the exceptions that do not allow the application of statutes of limitations for certain types of crimes act as an additional tool for differentiating the criminal-legal reaction.

Purpose. The presented study is aimed at describing the stages of the formation of the norms in question and identifying the need for their further change; studying foreign (post-Soviet countries) experience in limiting the scope of application of statutes of limitations in criminal law; establishing law enforcement trends and generalizing judicial positions on the issue of applying Part 4 of Art. 78 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Methods. When conducting the study, an integrated methodological approach was used, including the following general scientific and specialized methods: general logical (analysis, generalization, analogy, induction), historical, comparative legal and statistical.

Results and conclusions. The current approach of the Russian legislator, which prohibits the application of statutes of limitations for a number of crimes, complies with international requirements and is generally similar to the current mechanism of legal regulation in the post-Soviet countries. The study examines the stages of formation and reform of Part 4 and Part 5 of Article 78 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author notes the absence of grounds for expanding the scope of Part 5 of Article 78 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on judicial acts, the set of circumstances taken into account when considering the issue of non-application of the statute of limitations in accordance with Part 4 of Article 78 of the Criminal Code of the Russian Federation is summarized. According to judicial statistics, in recent years there has been an increase in the number of people generally released from criminal liability and punishment upon expiration of the statute of limitations, and especially for grave and especially grave crimes, including Part 1 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation. The latter is explained by the positive results of the work on investigating crimes of past years. The need to strengthen criminal-legal influence in relation to persons who committed simple murder by extending the effect of the optional procedure for applying statutes of limitations to such a crime (Part 4 of Article 78 of the Criminal Code of the Russian Federation) is substantiated.

Keywords: release from criminal liability, release from punishment, statute of limitations for criminal prosecution, principle of humanism, crimes without a statute of limitations, crimes of past years, judicial discretion, crimes of exceptional gravity, criminal-legal memory, murder, life imprisonment, death penalty

For citation: Gorban A. V. Durability of criminal-legal memory (on crimes without a statute of limitations). *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(3):41–52 (In Russ.). EDN YCGHPU

Введение

Философия и право всегда находились в тесном взаимодействии. Сложно представить ряд правовых явлений и принципов, сформулированных без интеграции философского знания. Феномен памяти в философии занимает особое место и имеет разные трактовки. Приведем лишь одну из них, рассматривающую память как способность хранить информацию о событиях внешнего мира и многократно использовать её в сфере сознания

для организации последующей деятельности [1, с. 40]. Отличительным свойством памяти является ее прочность, иначе – длительность хранения информации до ее забывания. Эти и другие философские начала в сочетании с гуманистическими представлениями о праве породили такое правовое явление, как уголовно-правовая память, отражающее свойство правового регулятора с течением времени придавать юридическое значение событиям, получающим уголовно-правовую квалификацию, сохранять и дифференцировать по темпоральному признаку уголовно-правовую реакцию на них.

«Прочность» уголовно-правовой памяти находит свое законодательное отражение в институтах освобождения от уголовной ответственности и от наказания в связи с давностью. Лицо, совершившее преступление, по истечении сроков, указанных в ч. 1 ст. 78 УК РФ, со дня совершения преступления до вступления приговора суда в законную силу императивно освобождается от уголовной ответственности, а по истечении сроков, указанных в ч. 1 ст. 83 УК РФ, со дня вступления приговора в законную силу до его приведения в исполнение – от отбывания наказания.

Теоретические основы

В доктрине сформировалось многообразие точек зрения относительно правовой природы института давности в уголовном праве. З.И. Сагитдинова обобщила представленные подходы, согласно которым в основе указанного института выделяют: гуманизм, гуманистическую идею прощения, милости к преступнику; нецелесообразность применения наказания, нецелесообразность уголовной ответственности; значительное уменьшение общественной опасности совершенного преступления; отпадение или существенное снижение общественной опасности лица, совершившего преступление; процессуальные соображения – непреодолимые трудности доказательственно-процессуального характера, создающие препятствия для успешного расследования и судебного рассмотрения дела [2, с. 470]. Согласно позиции Конституционного Суда РФ, отказ от уголовного преследования по срокам давности «обусловлен как нецелесообразностью применения мер уголовной ответственности ввиду значительного уменьшения общественной опасности преступления по прошествии значительного времени с момента его совершения, так и осуществлением в уголовном судопроизводстве принципа гуманизма»[1]. Также отмечается: «хотя само деяние и не утратило признак преступности, однако за истечением срока давности устраняется основание (возможность) его наказуемости»[2].

С процессуальной точки зрения освобождение от уголовной ответственности в порядке ст. 78 УК РФ возможно только с согласия лица, совершившего преступление, и в зависимости от стадии уголовного судопроизводства, на которой истекают сроки давности и выражается согласие лица, влечет за собой отказ в возбуждении уголовного дела либо прекращение уголовного преследования (уголовного дела) по нереабилитирующему основанию (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Если срок давности истек и лицо возражает против прекращения уголовного дела по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ либо сроки давности истекли после постановления приговора, но до его вступления в законную силу, суд выносит по делу обвинительный приговор с освобождением осужденного от назначенного ему наказания (ч. 8 ст. 302 УПК РФ).

При этом ни решение об освобождении от уголовной ответственности по срокам давности, ни освобождение по этому же основанию от отбывания наказания не освобождает

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2013 № 786-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Зубенко Елены Ивановны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 27 и пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2022 года № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта "в" части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова» // СПС КонсультантПлюс.

лицо от возмещения ущерба, причиненного преступлением, и не препятствует защите потерпевшим своих прав в гражданском судопроизводстве.

Кроме того, после истечения сроков давности уголовного преследования запрещается задержание лица (ч. 3 ст. 91 УПК РФ), применение к нему мер пресечения (ч. 3 ст. 97 УПК РФ), возобновление производства по ранее прекращенному уголовному делу (ч. 3 ст. 214 УПК РФ), пересмотр оправдательного приговора, или определения, постановления о прекращении уголовного дела, или обвинительного приговора в связи с мягкостью наказания либо необходимостью применения к осужденному уголовного закона о более тяжком преступлении (ч. 3 ст. 414 УПК РФ), выдача лица (п. 4 ч. 1 ст. 464 УПК РФ), передача лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является (ст. 471 УПК РФ), передача исполнения наказания, не связанного с лишением свободы, а также применения условного осуждения или отсрочки отбывания (исполнения) наказания в государство, гражданином которого является осужденный (ст. 471.1 УПК РФ).

Вместе с тем, возражение лица относительно применения положений ст. 78 УК РФ, влечет осуществление уголовного судопроизводства в общем порядке. Однако, с введением ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ при продолжении производства по уголовному делу в общем порядке и незавершенности расследования в течение установленного в зависимости от категории преступления пресекательного периода после наступления давности уголовного преследования, в отношении лица должно быть (норма обязывающего характера) принято реабилитирующее решение, причем вне зависимости от наличия доказательств его причастности к преступлению. Проблема включения в законодательство указанных положений и их применения требует отдельного изучения и выходит за рамки текущего исследования.

Дискуссия

Наряду с указанными выше положениями законодатель установил исключения, позволяющие применять классическую уголовно-правовую реакцию в отношении лиц, совершивших ряд преступлений, тем самым закрепив ее бессрочность (некая уголовно-правовая злопамятность). Речь идет о положениях, предусмотренных частями 4 и 5 ст. 78 УК РФ.

Первый вид исключений: сроки давности императивно не применяются при совершении исчерпывающего перечня преступлений (ч. 5 ст. 78 УК РФ). В первоначальной редакции современного уголовного закона к числу таковых относились лишь 4 вида преступления против мира и безопасности человечества: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны; применение запрещенных средств и методов ведения войны; геноцид; экоцид (ст.ст. 353, 356, 357 и 358 УК РФ). Затем в 2014 и 2016 годах перечень расширен и дополнен преступлениями террористической направленности (ст. 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, 361 УК РФ) и сопряженными с осуществлением террористической деятельности преступлениями (ст. 277, 278, 279, 360 УК РФ).

Это своего рода новелла в уголовно-правовом регулировании по сравнению с предшествовавшими уголовными законами. Ее появление и изначальный перечень преступлений без срока давности были обусловлены международными обязательствами. В соответствии с Конвенцией о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества «никакие сроки давности не применяются к следующим преступлениям, независимо от времени их совершения: a) военные преступления, а также, в частности, «серьезные нарушения», перечисленные в Женевских конвенциях о защите жертв войны от 12 августа 1949 г.; b) преступления против человечества, независимо от того, были ли они совершены во время войны или в мирное время»[1].

За время существования ч. 5 ст. 78 УК РФ депутатами неоднократно вносились предложения о расширении сферы действия нормы. Предлагалось распространить ее действие

[1] Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (принята резолюцией 2391 (XXIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 26 ноября 1968 года) // СПС Гарант.

на государственную измену и шпионаж[1], ряд должностных и коррупционных преступлений[2], а также преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних и преступлений, связанных с организацией занятия детей проституцией и оборотом детской порнографии [3]. Все вышеуказанные предложения свое воплощение в законе не получили и были отклонены по вполне обоснованным причинам.

К примеру, критикуя последний из упомянутых законопроектов, А.И. Рарог, выступая в качестве эксперта Государственной Думы РФ, отметил, что «вторжение в этот институт (*давности в уголовном праве – А.Г.*) в угоду сиюминутным уголовно-политическим соображениям способно подорвать фундаментальные основы уголовного права и, по сути, подменить его произволом: сегодня сделать исключение для одной группы преступлений, завтра – для другой и так до бесконечности. … Отказ от применения давности за преступления различных категорий тяжести для какого-то одного вида преступлений означает ломку одного из фундаментальных институтов уголовного права. Неприменение сроков давности имеет международно-правовое происхождение, носит характер исключения из общего правила и касается преимущественно самых опасных преступлений против мира и безопасности человечества. В то же время закон дает суду право не применять сроки давности к лицам, совершившим преступления, по закону караемые пожизненным лишением свободы. К ним относятся и преступления, предусмотренные частью пятой ст. 131, частью пятой ст. 132, частью шестой ст. 134 УК РФ, а также развратные действия в отношении лиц в возрасте до 12 лет (с учетом примечания к ст. 131 УК РФ), поэтому предложение не применять к ним сроки давности не имеет смысла. Снижение уровня посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних может быть достигнуто только своевременным возбуждением уголовного преследования виновных и последующим применением к ним мер безопасности» [3, с. 10–12].

Действительно, указанный в ч. 5 ст. 78 УК РФ перечень преступлений не должен постоянно масштабироваться, поскольку носит исключительный характер, сформулирован с учетом не только важности объекта уголовно-правовой охраны, но и особой общественной опасности данных преступлений. По этой причине, а также в связи с наличием положений ч. 4 ст. 78 УК РФ оснований для дальнейшего расширения сферы действия ч. 5 ст. 78 УК РФ в настоящее время не усматриваем.

Второй вид исключений получил свое начало в советский период (ст. 48 УК РСФСР) и дальнейшее развитие в действующем уголовном законе (ч. 4 ст. 78 УК РФ): суд по своему усмотрению может отказать в освобождении от уголовной ответственности и не применять 15-летние сроки давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью или пожизненным лишением свободы[4].

---

[1] Законопроект № 989812-6 «О внесении изменения в статью 78 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/989812-6 (дата обращения: 13.05.2025); законопроект № 1097292-6 «О внесении изменения в статью 78 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части исключения применения сроков давности привлечения к уголовной ответственности к лицам, совершившим такие деяния, как государственная измена и шпионаж)». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1097292-6 (дата обращения: 13.05.2025)

[2] Законопроект № 1144756-6 «О внесении изменения в статью 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в части неприменения сроков давности к лицам, совершившим коррупционные преступления». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1144756-6 (дата обращения: 13.05.2025); законопроект № 157827-7 «О внесении изменения в статью 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в части неприменения сроков давности к лицам, совершившим коррупционные преступления». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/157827-7 (дата обращения: 13.05.2025)

[3] Законопроект № 775599-6 «О внесении изменений в статьи 78 и 83 Уголовного кодекса Российской Федерации в целях усиления защиты детей от преступлений сексуального характера (в части расширения перечня категорий лиц, к которым не применяются сроки давности)». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/775599-6 (дата обращения: 13.05.2025)

[4] По состоянию на 13.04.2025: ч. 2 ст. 105, ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 3 ст. 205, ч. 1.1, ч. 2, ч. 4 ст. 205.1, ст. 205.3, 205.4, ч. 1 ст. 205.5, ч. 4 ст. 206, ч. 4 ст. 210, ч. 4 ст. 211, ч. 5 ст. 228.1, ч. 4 ст. 229.1, 275, 277, 279, ч. 3 ст. 281, ч. 1, ч. 2, ч. 4 ст. 281.1, ст. 281.2, ч. 1 ст. 281.3, 295, 317, 357, ч. 1, ч. 2, ч. 3 ст. 361 УК РФ.

Долгое время вызывал споры вопрос о допустимости применения ч. 4 ст. 78 УК РФ в отношении лиц, совершивших неоконченное преступление либо заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, а также женщин, несовершеннолетних, мужчин, достигших 65 лет, то есть лиц, которым согласно положениям Общей части УК РФ не могут назначаться пожизненное лишение свободы или смертная казнь. Ряд авторов придерживались позиции, что в отношении таких лиц подлежат применению общие положения о сроках давности (ч. 1 ст. 78 УК РФ), то есть по их истечении императивно принимается решение об освобождении от уголовной ответственности [4, с. 237–238]. Некоторые исследователи пошли еще дальше. П. Коробов при определении сроков давности считает необходимым исходить не из санкции, указанной в законе, по которой определяется категория преступления, а из максимально возможного к назначению наказания после применения предусмотренных Общей частью УК РФ правил, к примеру, относя по такой логике приготовление к ч. 2 ст. 105, ст.ст. 277, 295, 317, 357 УК РФ к числу тяжких преступлений [5, с. 20–24]. Однако, для правоприменительной практики Верховный Суд РФ поставил точку: «исходя из положений части 4 статьи 78 УК РФ вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, за которое предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы, разрешается только судом и в отношении всех субъектов независимо от того, может ли это наказание быть назначено лицу с учетом правил части 2 статьи 57, частей 2 и 2.1 статьи 59, части 4 статьи 62 и части 4 статьи 66 УК РФ»[1].

Безусловно, на степень общественной опасности влияет не только сама направленность и вид посягательства, но и степень его завершенности. Как видно, применение нормы-исключения из общего правила об уголовно-правовой давности законодателем не ставится в зависимость от степени завершенности деяния, однако это обстоятельство может быть принято во внимание судом при реализации предоставленных ему ч. 4 ст. 78 УК РФ дискреционных полномочий и послужить основанием для освобождения от уголовной ответственности. Поэтому, на наш взгляд, подход Верховного Суда РФ соответствует логике законодателя, представляется верным и, надо отметить, признается соответствующим Конституции РФ[2], а также находит поддержку среди ученых [6, с. 115].

В этом смысле преступления, перечисленные в ч. 4 и ч. 5 ст. 78 УК РФ и других нормах-исключениях уголовного закона, фактически образуют особую категорию преступлений – «исключительной тяжести». Т.Ю. Орешкина, критикуя ряд законодательных изменений, включивших в УК РФ положения, влекущие в отношении некоторых групп преступлений по видовому объекту (а не по их категории) более строгие правовые последствия, чем для особо тяжких преступлений, предлагает законодательно выделить новую группу преступлений исключительной тяжести (преступления, которые наряду с наказанием в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет, предусматривают более строгое наказание) [7, с. 43–52]. По сути, аналогичное предложение с необходимостью закрепления в законе для таких преступлений отдельных уголовно-правовых последствий высказывает О. А. Михаль [8, с. 113–117]. Но далеко не все правоведы поддерживают реформирование ст. 15 УК РФ, хотя и признают исключительную тяжесть некоторых преступлений [9, с. 66–71]. Вызывает неподдельный интерес позиция А.И. Бойко, который в серии работ, подчеркивая не противодействие вектору гуманности, а поиск его рационального воплощения, предлагает «отказ от применения за подобные злодеяния любых форм уголовно-правового поощрения, накопленных прогрессом», в том числе сроков давности [10, с. 117–129].

[1] П. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 №19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС КонсультантПлюс.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2020 №1331-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шорчева Юрия Валентиновича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 30, пунктом "г" части первой статьи 78 и пунктами "а", "е", "ж" и "з" части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

Рассуждая о совершенствовании правового регулирования, В. В. Сверчков [11, с. 39], С. В. Маликов [12, с. 277] и З. И. Сагитдинова [2, с. 517] предлагают руководствоваться предусмотренным ч. 4 ст. 78 УК РФ диспозитивным правилом применения сроков давности уголовного преследования при совершении любого особо тяжкого преступления. На наш взгляд, такое предложение заслуживает внимания.

Так, анализ судебной статистики за 2020–2024 гг. (см. табл. 1) позволяет выявить несколько тенденций. В последние три года (по сравнению с 2020 г.) по истечении сроков давности освобождено от уголовной ответственности в 1,5 раза больше, а от наказания – практически в 3 раза больше. Примечательно, что доля применения давностных сроков по тяжким и особо тяжким преступлениям возросла еще значительней: в аналогичные периоды от уголовной ответственности освобождено по тяжким преступлениям в 2,5-3 раза больше, по особо тяжким – в 6,5 раз больше, а от наказания освобождено по тяжким преступлениям в 2 раза больше, по особо тяжким – в 2,5-3 раза больше. При этом, если применение давностных сроков по ч. 2 ст. 105 УК РФ является единичным (по всей видимости из-за диспозитивности ч. 4 ст. 78 УК РФ), то в числе особо тяжких преступлений более трети (35–42%) освобождений от уголовной ответственности и наказания ввиду давности приходится на ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Таблица 1. Применение судами давностных сроков по результатам рассмотрения уголовных дел[1]

Table 1. Application of limitation periods by courts based on the results of consideration of criminal cases

Освобождение в связи с истечением сроков давности уголовного преследования:		2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
от уголовной ответственности (ст. 78 УК РФ)		3804	4687	5790	5634	5574
из них:	по тяжким преступлениям	161	283	421	474	427
	по особо тяжким преступлениям	42	114	275	291	289
из них:	по ч. 1 ст. 105 УК РФ	11	33	102	124	104
	по ч. 2 ст. 105 УК РФ	3	11	10	6	15
от наказания (ч. 8 ст. 302 УПК РФ)		581	1138	1475	1581	1568
из них:	по тяжким преступлениям	57	63	110	123	130
	по особо тяжким преступлениям	12	17	18	30	36
из них:	по ч. 1 ст. 105 УК РФ	4	5	8	10	11
	по ч. 2 ст. 105 УК РФ	1	2	2	3	3

Такие тенденции вполне объяснимы. Особенно в последние годы правоохранительными органами придается важное значение такому направлению работы, как раскрытие и расследование преступлений, совершенных в прошлые годы. Эта работа ведется непрерывно и имеет свои положительные результаты. Председатель Следственного комитета Российской Федерации и представители ведомства в своих выступлениях неоднократно

[1] Отчеты об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 2020-2024 годы. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 13.05.2025).

отмечали, что ежегодно раскрываются тысячи преступлений прошлых лет, большую часть из которых составляют тяжкие и особо тяжкие деяния, в том числе убийства[1]. Увеличение числа лиц, освобождаемых от ответственности и наказания по тяжким и особо тяжким преступлениям, с одной стороны, демонстрирует успешную работу по установлению, раскрытию и доказыванию таких преступлений, даже спустя многие десятилетия, с другой стороны, такие лица по истечении 15-летних сроков автоматически получают снисхождение со стороны государства, несмотря на их изобличение и умышленное посягательство на жизнь. Однако, при всей результативности работы с учетом остающегося большого количество нераскрытых преступлений прошлых лет, сложности и кропотливости работы по их раскрытию и доказыванию, можно прогнозировать, что в силу объективных причин с течением времени число преступлений, по которым истекут сроки давности, будет только прирастать.

Вместе с этим, отнесение ч. 1 ст. 105 УК РФ к числу преступлений, в отношении которых императивно применяются 15-летние сроки давности, полагаем несправедливым. На практике нераскрытыми убийствами остаются преступления, тщательно продуманные и совершенные в условиях неочевидности, при использовании методов конспирации и сокрытии следов преступления, своей личности (в том числе дальнейшее проживание по поддельным документам), что еще раз подчеркивает опасность таких преступлений и необходимость неотвратимого изобличения причастных к ним лиц.

С учетом высокой степени общественной опасности таких деяний, отсутствия в качестве условия снисхождения какого-либо позитивного посткриминального поведения со стороны преступника, гуманистическая направленность ч. 1 ст. 78 УК РФ в отношении рассматриваемых преступлений может быть скорректирована (ограничена). Из соображений особой ценности основного объекта уголовно-правовой охраны (жизни), именно умысла на причинение невосполнимого по естественным причинам вреда полагаем важным простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) отнести к числу вышеупомянутых преступлений «исключительной тяжести», при совершении которых должен применяться диспозитивный порядок учета давностных сроков, предусмотренный ч. 4 ст. 78 УК РФ.

Зарубежный опыт

Проведенный сравнительный анализ уголовного законодательства стран постсоветского пространства позволяет выявить как сходства, так и значительные различия в правовом регулировании рассматриваемого вопроса.

Так, нормативное закрепление недопустимости привлечения к уголовной ответственности после истечения давностных сроков, а также ограничение сферы действия института давности уголовной ответственности характерно для всех стран постсоветского пространства. Вместе с тем, по сравнению с российским законодательством в ряде стран перечень преступлений, в отношении которых сроки давности императивно не применяются, расширен и дополнительно включает: экстремистские преступления (Узбекистан[2], Казахстан[3], Кыргызстан[4]); преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, в том числе государственную измену и шпионаж (Узбекистан, Казахстан); особо тяжкие преступления против личности (Казахстан); пытки, унижение достоинства или бесчеловечное

[1] Интервью А.И. Бастрыкина «След взят». Российская газета. Выпуск №237 (9182) от 19.10.2023. С. 1, 7; Интервью А.И. Бастрыкина. Газета «Комсомольская правда». URL: https://www.kp.ru/daily/27648/4999196/ (дата обращения: 13.05.2025); «СК с 2007 года раскрыл более 86 тысяч преступлений прошлых лет». https://ria.ru/20200722/1574747070.html (дата обращения: 13.05.2025).

[2] Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: https://lex.uz/docs/111457 (дата обращения: 13.05.2025)

[3] Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K14000002 (дата обращения: 13.05.2025).

[4] Уголовный кодекс Кыргызской Республики. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/112309/edition/28701/kg (дата обращения: 13.05.2025).

обращение (Грузия[1], Кыргызстан, Армения[2]); преступления, наказываемые пожизненным лишением свободы и повлекшие утрату жизни человека, в частности, особо квалифицированные виды убийства (Грузия); квалифицированные составы преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности (Грузия, Кыргызстан, Таджикистан[3]); квалифицированные составы вовлечения в проституцию и содействия ей, особо квалифицированные виды мошенничества, присвоения и растраты, а также коррупционное преступление (Кыргызстан); превышение должностных полномочий с применением насилия (Армения).

Кроме этого, правовой механизм неприменения давностных сроков по преступлениям, наказуемым смертной казнью или пожизненным лишением свободы, в законодательстве Литвы[4] и Эстонии[5] отсутствует, в законодательстве Армении установлен императивный запрет на применение в таких ситуациях давностных сроков, а в законодательстве остальных стран постсоветского пространства решение о неприменении давностных сроков по обозначенным преступлениям отдано на усмотрение суда без указания подлежащих учету критериев (полная аналогия ч. 4 ст. 78 УК РФ).

Примечательно, что в отношении простого убийства по латвийскому законодательству давностный срок применяется по усмотрению суда, по казахскому законодательству – установлен запрет на применение давностного срока, а по грузинскому законодательству – относится к числу преступлений, по которым установлен более длительный по сравнению с российским уголовным законом – 30-летний срок давности.

Правоприменительные подходы

Согласно закону «если суд сочтет возможным» – единственный законодательный критерий при решении вопроса о допустимости применения давностных сроков по преступлениям, наказуемым смертной казнью и пожизненным лишением свободы. Это означает, что положения закона предполагают усмотрение правоприменителя, следовательно, искомые критерии можно выявить только при анализе судебной практики.

Анализ судебных актов позволяет сделать вывод, что в основе решений, принимаемых на основании ч. 4 ст. 78 УК РФ лежит совокупность учитываемых обстоятельств: характер и степень общественной опасности, а также фактические обстоятельства содеянного; мотивы преступления; данные о личности подсудимого, включая его поведение после совершенного преступления, образ жизни; количественный и качественный показатель преступных последствий (например, число погибших); мнение потерпевших; длительность периода времени, прошедшего после совершения преступления и после истечения срока давности; причины длительных сроков расследования и принятые меры, направленные на установление виновного. Причем невозможно утверждать, что какое-то из указанных обстоятельств имеет предрешающее значение.

Зачастую, мотивируя решение об отказе в применении давностных сроков, суды используют стандартную формулировку сродни следующей: «исходя из фактических обстоятельств дела, характера и тяжести совершенных преступлений, личности ФИО, суд не нашел оснований для применения к нему сроков давности...»[6]. В некоторых случаях решения

[1] Уголовный кодекс Грузии. URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=274 (дата обращения: 13.05.2025).

[2] Уголовный кодекс Республики Армения. URL: https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=153080 (дата обращения: 13.05.2025).

[3] Уголовный кодекс Республики Таджикистан. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 13.05.2025).

[4] Уголовный кодекс Литовской Республики. URL: https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.111555 (дата обращения: 13.05.2025).

[5] Уголовный кодекс Эстонии. URL: https://www.riigiteataja.ee/akt/128042022027?leiaKehtiv (дата обращения: 13.05.2025).

[6] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 07.02.2017 № 10-АПУ17-2 // СПС КонсультантПлюс; приговор Краснокаменского городского суда Забайкальского края от 27.05.2024. URL: https://krasnokam--cht.sudrf.ru/ (дата обращения: 13.05.2025); Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2025 по делу № 77-982/2025 // СПС КонсультантПлюс.

дополнительно мотивированы выполнением задач уголовного законодательства, целью восстановления социальной справедливости, реализацией принципов справедливости и гуманизма. На основе этих критериев суд посчитал не утратившим высокой общественной опасности совершенные более 27 лет назад убийство двух лиц с целью скрыть другое преступление, а также посягательство на жизнь двух работников милиции[1].

Отказывая в освобождении от уголовной ответственности наряду с указанными критериями, суды акцентировали внимание на количество потерпевших – погибших либо выживших[2]. Правомерное поведение после совершения преступления, наличие семьи и иных социальных связей, места работы при принятии решения учитываются наряду с другим обстоятельствами. Так, оставляя в силе обвинительный приговор по п. «ж», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, суд указал: «доводы о законопослушном поведении О.В.Н. и М. после освобождения из мест лишения свободы, то обстоятельство, что осужденные не скрывались от органов предварительного следствия, работали, отбывали срок за совершенное другое преступление, имеют малолетних детей и другие положительные данные об их личности … достаточным основанием для освобождения от уголовной ответственности за истечением сроков давности не признаны, поскольку сами по себе не уменьшают степень общественной опасности совершенного преступления, конкретных обстоятельств его совершения и иных данных, учтенных судом»[3].

По другому делу, освободив от уголовной ответственности в связи с истечением давностных сроков по п. «в», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, суд учел, что обвиняемый совершил преступление в возрасте 14 лет, с момента совершения преступления прошло более 26 лет, он проживал с родителями в благополучной семье, был приучен к труду, на учете в комиссии по делам несовершеннолетних не состоял, жалоб от жителей поселка на его поведение не поступало, по месту учебы характеризовался положительно, с момента совершения преступления получил полное среднее образование, рабочие специальности, к уголовной и административной ответственности не привлекался, трудоустроен, состоит в браке, по месту работы и в семье характеризуется положительно, по результатам экспертизы признаков злоупотребления алкоголем не выявлено, отмечены социальная адаптированность, уравновешенность, хороший контроль над поведенческими реакциями, низкие показатели враждебности и агрессивности, прошедший с момента совершения преступления срок в разы превышает срок давности привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего особо тяжкое преступление в несовершеннолетнем возрасте (7 лет 6 месяцев), и максимальный срок лишения свободы, который мог быть назначен ему за преступление (6 лет 8 месяцев), длительные сроки расследования преступления не связаны с каким-либо противодействием следственным органам со стороны подсудимого, ранее по делу проверялась причастность подсудимого, в 1999 году его уголовное преследование было прекращено, затем следственными органами никакие процессуальные действия, направленные на установление виновных в убийстве лиц, не проводились, а решение о прекращении уголовного преследования впоследствии отменено только после поступления от самого подсудимого явки с повинной[4].

Важно также отметить, что недопустимо освобождать от уголовной ответственности по перечисленным в ч. 4 ст. 78 УК РФ преступлениям только по причине истечения общего срока (15 лет) со дня совершения преступления без обсуждения возможности применения

[1] Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 14.02.2024 № 22-32/2024 // КонсультантПлюс.

[2] Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 02.12.2020 по делу № 55-668/2020 // СПС КонсультантПлюс; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2019 № 20-АПУ19-13 // СПС КонсультантПлюс; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.06.2021 по делу № 77-1910/2021 // СПС КонсультантПлюс

[3] Апелляционное определение Тульского областного суда от 28.03.2024 по делу № 22-708/2024 // СПС КонсультантПлюс.

[4] Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 24.06.2024 № 22-841/2024 // СПС КонсультантПлюс.

ч. 4 ст. 78 УК РФ[1]. Равно как недопустимо на основании ч. 4 ст. 78 УК РФ применять к лицу сроки давности до рассмотрения уголовного дела по существу[2] (на предварительном слушании или до завершения судебного следствия).

Заключение

Приводимые примеры – лишь часть работы правоохранительных органов по расследованию так называемых преступлений прошлых лет. Рассмотренные выше законодательные положения как раз составляют правовую основу, позволяющую бессрочно сохранять классическую осуждающую уголовно-правовую реакцию на особо опасные преступления, что, в свою очередь, перед правоохранительными органами ставит задачу обеспечения неотвратимости ответственности и восстановления социальной справедливости вне зависимости от давности таких преступлений.

Проведенное исследование отчетливо демонстрирует, что правовой механизм неприменения давностных сроков по отношению к отдельным видам преступлений отвечает международным требованиям и в целом согласуется с современными подходами стран постсоветского пространства. При этом указанный механизм выступает дополнительным инструментом дифференциации уголовно-правовой реакции на преступление.

На основе судебных актов обобщена совокупность обстоятельств, учитываемых при рассмотрении вопроса о неприменении срока давности в порядке ч. 4 ст. 78 УК РФ. Рассмотренная судебная практика также свидетельствует, что применение сроков давности после их истечения по преступлениям, наказуемым пожизненным лишением свободы или смертной казнью, носит исключительный характер, что соответствует целям и принципам правового регулирования.

Вместе с тем, представленное исследование обосновывает наличие потребности в корректировке правовых последствий для лиц, совершивших простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ), посредством неприменения по этим преступлениям сроков давности по усмотрению суда. Такое расширение сферы действия ч. 4 ст. 78 УК РФ, на наш взгляд, позитивно скажется на эффективности правового регулирования и приведет к более справедливому уголовно-правовому воздействию на преступника.

Список источников

1. Бабакова Т.А. Педагогика и психология высшей школы: методика работы с понятийным аппаратом. Петрозаводск, 2013. 64 с.
2. Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс. В 10 т. Т. 7. Условное осуждение. Освобождение от уголовной ответственности. М., 2021. 767 с.
3. Рарог А.И. Уголовно-правовые амбиции российского законодателя // Судья. 2016. № 4. С. 10–12.
4. Энциклопедия уголовного права. Т. 10. Освобождение от уголовной ответственности и наказания. СПб., 2008. 890 с.
5. Коробов П. Определение классификационной принадлежности неоконченного преступления // Уголовное право. 2009. № 6. С. 20-24.
6. Дуюнов В.К., Подройкина И.А., Закомолдин Р.В. Освобождение от уголовной ответственности и от уголовного наказания в механизме уголовно-правового воздействия. М., 2022. 264 с.
7. Орешкина Т.Ю. Категории преступлений и место среди них преступлений исключительной тяжести // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12. С. 43–52.
8. Михаль О.А. Категория преступления исключительной тяжести // Современное право. 2022. № 10. С. 113-117.

[1] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.02.2018 № 4-АПУ18-3 // СПС КонсультантПлюс.
[2] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.10.2008 №66-008-74 // СПС Гарант.

9. Артеменко Н.В., Шимбарева Н.Г. Об исключительных отягчающих обстоятельствах // Российская юстиция. 2023. № 5. С. 66–71.

10. Бойко А. И. Проблема ценностей в уголовном праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 117–129. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-117-129.

11. Сверчков В.В. Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. … докт. юрид. наук. Н.Новгород, 2008. 60 с.

12. Маликов С.В. Учение о времени и сроках в уголовном праве: дис. … докт. юрид. наук. М., 2019. 461 с.

References

1. Babakova T.A. *Pedagogy and psychology of higher education: methods of working with conceptual apparatus.* Petrozavodsk; 2013. 64 p. (In Russ.)

2. C*riminal Law. General Part. Punishment. Academic Course.* In 10 Volumes. Volume 7. Conditional Sentence. Release from Criminal Liability. Moscow; 2021. 767 p. (In Russ.)

3. Rarog A.I. Criminal-legal ambitions of the Russian legislator. *Sudia.* 2016;(4):10–12. (In Russ.)

4. *Encyclopedia of Criminal Law.* Vol. 10. Release from Criminal Liability and Punishment. St. Petersburg; 2008. 890 p. (In Russ.)

5. Korobov P. Determination of the classification of an unfinished crime. *Ugolovnoe pravo.* 2009;(6):20–24. (In Russ.)

6. Duiunov V.K., Podroikina I.A., Zakomoldin R.V. *Exemption from criminal liability and from criminal punishment in the mechanism of criminal-legal influence.* Moscow; 2022. 264 p. (In Russ.)

7. Oreshkina T.Iu. Categories of crimes and the place of crimes of exceptional gravity among them. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).* 2018;(12):43–52. (In Russ.)

8. Mikhal O.A. Category of crime of exceptional gravity. *Sovremennoe pravo.* 2022;(10):113–117. (In Russ.)

9. Artemenko N.V., Shimbareva N.G. On exceptional aggravating circumstances. Rossiiskaia iustitsiia. 2023;(5):66–71. (In Russ.)

10. Boiko A. I. The problem of values in criminal law. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2022;(1):117–129. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-117-129

11. Sverchkov V.V. *Conceptual foundations for solving problems of release from criminal liability:* avtoref. dis. … Dr. Sci. (Law). Niznii Novgorod, 2008. 60 p. (In Russ.)

12. Malikov S.V. *The doctrine of time and terms in criminal law:* dis. … Dr. Sci. (Law). Moscow; 2019. 461 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Горбань – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the author

A. V. Gorban – Senior Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 27.08.2025; принята к публикации 29.08.2025.
The article was submitted 26.06.2025; approved after reviewing 27.08.2025; accepted for publication 29.08.2025.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 53–62
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(3):53–62
Проблемы теории и истории права и государства

Научная статья
УДК 34+352
EDN XOLLHO

Реформирование местного самоуправления в свете его интеграции в систему публичной власти Российской Федерации

Павел Петрович Баранов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия, baranov-pp@ranepa.ru

Аннотация

Введение. Интерес к конституционной реформе 2020 года не ослабевает, не смотря на достаточно долгий срок с момента ее окончания. Виной тому - множественные изменения конституционного текста, в том числе, касающиеся введения новой категории «единая система публичной власти» и правовых последствий легитимизации данной идеи и обеспечения соответствующего принципа на уровне текущего законодательства. Особенно актуальной в этой связи представляется попытка интеграции местного самоуправления в систему публичной власти в ситуации, когда статья 12 Конституции РФ гарантирует, что местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно, а органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. В этой связи особенно показательным представляется анализ муниципальной реформы (занявшей десяточно долгий период времени,), которая, по заявлению ее авторов (в контексте нового закона о местном самоуправлении), одной из главных своих целей провозглашала реализацию идеи единой системы публичной власти в правовом пространстве современной России.

Цель. Представленный в данной статье анализ реформ основ местного самоуправления на протяжении нескольких десятилетий призван показать, как менялось отношение отечественного законодателя к пониманию места и роли местного самоуправления и его органов на отдельных этапах развития российского общества и государства. В том числе, ставилась цель определить, как понимание публичной власти в целом влияло на понимание места и роли местного самоуправления в контексте его соотношения с государственной властью.

Методы. При написании статьи использовались общенаучные, частнонаучные и специальные методы исследования в юриспруденции. Особое внимание было уделено культурологическим, социологическим, историко-правовым, сравнительно-правовым и формально-юридическим методам исследования.

Результаты. По итогам исследования были сформулированы положения, касающиеся тесной взаимосвязи конституционной новеллы о единой системе публичной власти и последующих изменений в законодательстве, а также долгой и политически-обусловленной предыстории хода муниципальной реформы.

Выводы. Доказывается, что общее содержание и направленность муниципальной реформы было определено сформировавшимся за десятилетия существования местного самоуправления в России особым подходом политической элиты к реализации курса на учреждение

© Баранов П. П., 2025

единой системы публичной власти, так как начало системных преобразований в рамках организации местного самоуправления началось задолго до принятия соответствующих конституционных поправок и последовавших за ними изменений в законодательстве. Кроме того, показано, что полностью упразднить двухуровневую систему местного самоуправления не удалось по причине имеющего место противодействия со стороны субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная власть, единая система публичной власти, конституционная реформа, конституционные поправки, местная демократия, местное самоуправление, муниципальная власть, органы местной власти, органы публичной власти, публичная власть

Для цитирования: Баранов П. П. Реформирование местного самоуправления в свете его интеграции в систему публичной власти Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 53–62. EDN XOLLHO

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Reformation of local self-government in the light of its integration into the system of public authority of the Russian Federation

Pavel P. Baranov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia, baranov-pp@ranepa.ru

Abstract

Introduction. Interest in the constitutional reform of 2020 does not wane, despite the rather long period since its completion. This is due to multiple changes in the constitutional text, including those related to the introduction of a new category of "unified system of public authority" and the legal consequences of legitimizing this idea and ensuring the corresponding principle at the level of current legislation. In this regard, an attempt to integrate local self-government into the public authority system seems especially relevant in a situation where Article 12 of the Constitution of the Russian Federation guarantees that local self-government is independent within its powers, and local self-government bodies are not part of the system of state authorities. In this regard, the analysis of the municipal reform (which took a long period of time) seems particularly indicative, which, according to its authors (in the context of the new law on local self-government), one of its main goals was to implement the idea of a unified system of public authority in the legal space of modern Russia.

Purpose. The analysis of the reforms of the foundations of local self-government presented in this article over several decades is intended to show how the attitude of the domestic legislator to the understanding of the place and role of local self-government and its bodies changed at certain stages of the development of Russian society and the state. In particular, the goal was to determine how the understanding of public authority as a whole influenced the understanding of the place and role of local self-government in the context of its relationship with state authority.

Methods. When writing the article, general scientific, specific scientific and special research methods in jurisprudence were used. Particular attention was paid to cultural, sociological, historical and legal, comparative legal and formal and legal research methods.

Results. Based on the results of the study, provisions were formulated concerning the close relationship between the constitutional novella on a unified system of public authority and subsequent changes in legislation, as well as the long and politically determined history of the municipal reform.

Conclusions. The article proves that the general content and direction of the municipal reform were determined by the special approach of the political elite to the implementation of the course on the establishment of a unified system of public authority, formed over the decades of the existence of local self-government in Russia, since the beginning of systemic transformations within the framework of the organization of local self-government began long before the adoption of the relevant

constitutional amendments and the subsequent changes in legislation. In addition, it is shown that it was not possible to completely abolish the two-tier system of local self-government due to the existing opposition from the subjects of the Russian Federation.

***Keywords**:* state power, unified system of public authority, constitutional reform, constitutional amendments, local democracy, local self-government, municipal authority, local authorities, public authorities, public authority

For citation: Baranov P. P. Reformation of local self-government in the light of its integration into the system of public authority of the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(3):53–62. (In Russ.). EDN XOLLHO

Введение

Одной из наиболее активно обсуждаемых сегодня проблем, касающихся дальнейшего государственно-правового развития России, является реформа местного самоуправления. Ушедший в историю Федеральный закон № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления» был принят еще в начале нулевых годов и очень активно изменялся весь период своего существования. Подготовленный на замену ему проект нового закона вызвал значительное количество вопросов у законодателей и на протяжении последних нескольких лет активно дорабатывался при участии субъектов Российской Федерации, непосредственно самих муниципальных образований в условиях активной дискуссии в среде научного сообщества [1, с. 15 – 19.]. Одновременно в действующий закон продолжали вносить изменения, что актуализировало вопрос о том – а будет ли когда-нибудь новый закон все-таки принят. Совершенно очевидно, что наибольшее количество вопросов вызывало предстоящее упразднение двухуровневой системы в рамках территориальных основ местного самоуправления, что и вызывало наибольшие споры. Однако новый закон все же был принят.

Теоретические основы

Теперь, когда Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» вступил в силу, можно отметить, что окончательного упразднения двухуровневой системы местного самоуправления в России не состоялось. Какой-то части субъектов, по итогам муниципальной реформы, удастся сохранить двухуровневую систему, а как надолго – покажет время. Следует подчеркнуть, что ожидаемой реформой территориальных основ местного самоуправления новый закон не ограничивался, что также не вызвало удивления. Значительный блок вопросов, затрагивает непосредственные правовые последствия интеграции местного самоуправления в единую систему публичной власти, что в формально-юридическом смысле произошло в ходе конституционной реформы 2020 г. Последний вопрос не является формальным, речь идет о частичной реорганизации сложной системы взаимоотношений между федеральной, региональной и местной властью с точки зрения большей управляемости, зависимости и подчиненности последней.

Результаты и обсуждение

Напомним, что по итогам конституционной реформы 2020 г. из ст. 131 Конституции РФ, было убрано упоминание о двух единственных видах муниципальных образований – городских и сельских поселениях, что и дало повод утверждать – вопрос, о ликвидации городских и сельских поселений – практически решенный. Соответствующие опасения были не случайны. Аналогичным образом отсутствие упоминания о конституционных и уставных судах субъектов Российской Федерации в перечне судов, которые составляют судебную систему Российской Федерации (ч. 3 ст. 18 Конституции РФ), привело к достаточно быстрому упразднению последних. Существовала, правда, еще одна теоретическая возможность, что исключение и текста Конституции двух видов муниципальных образований, свидетельствует

о желании законодателя сделать ее текст более соответствующим текущим реалиям в сфере территориальных основ местного самоуправления. Напомним, что на тот момент действующий федеральный закон предусматривал в несколько раз большее количество видов муниципальных образований, чем текст Конституции. Однако время подтвердило, что верным было первое предположение – городские и сельские поселения предполагалось полностью упразднить. Надо сказать, что сама история, касающаяся медленного упразднения двухуровневой системы местного самоуправления в России, началась еще раньше. Остановимся на этой проблеме подробней.

Обращаясь к истории происхождения конституционного текста, вспомним о теории (безусловно заслуживающей внимания), что изначально речь в Конституции не шла именно о видах муниципальных образований. Буквальное прочтение текста свидетельствует о том, что речь шла о территориях, на которых могло осуществляться местное самоуправление – «местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях» (ч. 1 ст. 131 недействующей редакции Конституции РФ). Теперь же конституционная формулировка, после реформы 2020 года, звучит следующим образом – «местное самоуправление осуществляется в муниципальных образованиях, виды которых устанавливаются федеральным законом» (ч. 1 ст. 131 Конституции РФ). Подчеркнем, что речь идет именно о видах муниципальных образований, перечень которых в самой Конституции не представлен.

Отметим, что на момент принятия Конституции РФ, полноценный перечень возможных видов муниципальных образований отсутствовал. Действующий на тот момент Закон РФ от 06.07.1991 № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» какой-либо исчерпывающий перечень муниципальных образований, по сути, не содержал. Однако даже после принятия новой Конституции РФ ни городские, ни сельские поселения в тексте соответствующего закона не появились, даже в качестве территории, на которой может осуществляться местное самоуправление. Городские и сельские поселения появились в Федеральном законе от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Однако и в этом случае они не рассматривались в качестве видов муниципальных образований, а рассматривались в качестве территориальных единиц, на базе которых может осуществляться местное самоуправление. Можно сказать, что в последнем случае положения новой Конституции РФ были реализованы буквально.

После принятия федерального закона 2003 г. городские и сельские поселения, наряду с другими видами муниципальных образований, такими как – муниципальный район, городской округ, внутригородская территория городов федерального значения, утвердились в качестве базовых видов муниципальных образований. По обстоятельствам, на которые мы уже указали, формально это не противоречило Конституции РФ, так как речь шла не о территориях, а о видах муниципальных образований. В связи с этим в юридической науке утвердилась, на наш взгляд, точка зрения, что в Конституции упоминаются лишь отдельные виды муниципальных образований, тогда как перечень их открыт. С данной позицией, как мы уже объясняли, можно поспорить. Вместе с тем очевидно, что на уровне федерального закона утвердилась совершенно иная модель организации местного самоуправления – как с точки зрения концептуального понимания территориальных основ местного самоуправления (с определением конкретных видов муниципальных образований при этом используемых), так и в контексте сильно обновленного категориального и терминологического аппарата. Родилась, так называемая, двухуровневая система местного самоуправления. Последнее обстоятельство не помешало развитию в специальной научной литературе понимания особого (привилегированного) статуса городских и сельских поселений, как наиболее приближенных к местному населению, с точки зрения понимания особого предназначения местного самоуправления и его роли в процессе самоорганизации населения на локальных территориях.

В дальнейшем в Федеральный закон были добавлены такие виды муниципальных образований, как городской округ с внутригородским делением и, соответственно, внутригородской район. По своей сути это была попытка повторить двухуровневую систему на базе городских округов. Цель, которую преследовал законодатель в этой связи, понять не сложно – продолжить попытки приблизить население к территории, которая формально управляется с их ведома и под их ответственность, приблизить людей, которые от имени населения управляют локальной территорией непосредственно к населению во имя реализации ст. 12 Конституции и иных статей характеризующих самостоятельный статус местного самоуправления.

Соответствующий «эксперимент» в добровольно-принудительном порядке проводился в Челябинске, Самаре и Махачкале. Во всех трех случаях эксперимент на уровне высказываний представителей публичной власти был признан «удачным», однако на территории других субъектов попыток повторить его не было. При этом в научной литературе оценки данного эксперимента не столь однозначны. Причем речь идет и о высказываниях сегодняшних (когда городские округа в внутригородским делением ушли в прошлое), так и актуальных для времен проведения данного эксперимента. В свое время О. И. Баженова отмечала, что «единственный удел» внутригородского «выступать местом концентрации и выплеска общественного недовольства», тогда как без «функциональной и имущественно-финансовой самостоятельности», отсутствии самостоятельности функциональной, ориентированности на мнение городской власти – деятельность соответствующей администрации или значительным образом ограничена или вообще невозможна, а такие цели как опора на мнение граждан и защита их интересов – недостижимы [2, с. 49–55]. Можно предположить, что в данном конкретном случае автор выступает не против самой идеи, а против способов ее реализации.

Сегодня же достаточно часто можно услышать мнение о том, что «анализ правоприменения с 2014 г. по настоящее время показывает неудовлетворительные результаты данного нововведения» [3, с. 15–18], хотя и в последнем случае речь скорее идет о непродуманности самого механизма реализации, а не непосредственно идеи «нововведения». Рассматривая соответствующую проблематику в контексте вопроса о городских агломерациях, некоторые авторы ставят вопрос о политической ангажированности данной реформы, тогда как в ситуациях ее реальной необходимости никаких подобных шагов субъекты предпринимать не стали, хотя именно реализация идея городской агломерации должна лежать в основе образования городских округов с внутригородским делением.

А.П. Ушакова отмечает, что норма о городских округах с внутригородским делением – «яркий пример невостребованности нормы в целевой для нее сфере» [4, с. 2–6.]. Так или иначе речь идет о попытках развитии идеи двухуровневой системы местного самоуправления в России. Однако всего через семь лет двухуровневую систему решили полностью упразднить. К 2021 г. был окончательно готов первый вариант проекта соответствующего федерального закона.

Последний вид муниципального образования был добавлен в 2019 г. – муниципальный округ, с одновременным изменением требований к городскому округу. На наш взгляд, именно с этого момента вопрос о дальнейшем существовании городских и сельских поселений стал особо обсуждаемым, да и само их существование стало под вопросом. Одновременно сформировалась и рабочий механизм упразднения городских и сельских поселений. Поселения, при соблюдении специально обозначенных в законе процедур, присоединялись к городскому округу, после чего городской округ переставал соответствовать специальным требованиям, предъявляемым к нему законом, еще после чего – городской округ реорганизовывался в муниципальный округ. Действовавший тогда закон данный механизм именно в таком виде не закреплял, но и не запрещал, что повлекло за собой его активное применение в условиях выявившейся пробельности законодательства.

Справедливости ради, отметим, что соответствующие процессы (еще до введения понятия муниципальный округ) стали набирать силу задолго до принятия обозначенных изменений к федеральному закону, что уже тогда актуализировало вопрос о дальнейшим существовании не только городских и сельских поселений, но и самой двухуровневой системы местного самоуправления. Начиная с 2015 г., в субъектах Российской Федерации особую популярность приобрели процессы, так называемого, укрупнения муниципальных образований и преобразования двухуровневой системы местного самоуправления (муниципальные районы с городскими и сельскими поселениями) в одноуровневую (городские округа на их основе). Процессы эти носили хоть и не всеобщий, но регулярный характер и формально инициировались самими субъектами. Учет мнения населения в этих случаях, за счет особенностей российского законодательства происходил исключительно формально. И если долгое время многие субъекты Российской Федерации считали не вполне логичным создавать на преимущественно сельских территориях городские округа, то после введения муниципальных округов этот в большей степени формальный барьер был ликвидирован.

В конце 2019 г. преобразование муниципальных районов в городские округа завершилось в Московской области, а к моменту принятия нового федерально закона соответствующая ситуация сложилась и Ставропольском крае. Вспомним и о городских округах с внутригородским делением. Реорганизация (упразднение) последних также стартовала значительно раньше принятия нового закона, который сделал эту процедуру обязательной – в Челябинске упразднили внутригородские районы. Напомним, что Челябинск был одним из трех городов, в котором в качестве эксперимента была введена двухуровневая система местного самоуправления. Решение об упразднении сразу в трех чтениях на заседании 28 марта 2024 г., приняли депутаты Законодательного Собрания Челябинской области. Новый устав Челябинска был принят 21 мая 2024 г. на заседании Челябинской городской Думы, после чего Челябинск перестал быть поделен на внутригородские районы со статусом самостоятельных муниципальных образований и наделялся статусом городского округа с 1 октября 2024 г. В этой связи Председатель Челябинской городской Думы А.В. Шмидт констатировал, что городской округ – это единый организм, а решение соответствующих вопросов, входящих в компетенция местного самоуправления должно быть сосредоточено на уровне города. Последние соображения были аргументированы разнопорядковыми аргументами, в частности, пробельностью законодательства в данной сфере и необходимостью реализации принципа единой системы публичной власти.

Вспоминая соответствующую риторику представителей региональной и местной власти 2014 г., отметим, что она значительным образом отличалась, да и само отношение к проводимой реформе было совершенно иным. Отметим, что еще в 2014 г. ряд представителей научного сообщества указывали на то, что отсутствие по вине федерального и регионального законодателя необходимых механизмов реализации данного института не может выступать аргументом доказательства его неэффективности.

Аналогичные соображения высказывались и в отношении некорректности упразднения двухуровневой системы местного самоуправления на уровне городских округов как способа обеспечения идеи единой публичной власти [5, с. 133–139]. Однако сегодня, когда новый закон уже принят, подобные соображения можно воспринимать как элемент общей научной дискуссии по местной проблематике – возвращения к реализации идеи городских округов с внутригородским делением в ближайшее время по понятным причинам не предвидится.

В соответствии с ч. 2 ст. 9 Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в Росси устанавливается три вида муниципальных образований: городской округ, муниципальный округ, внутригородское муниципальное образование города федерального значения. В прошлом варианте закона допускалось такое обозначение как «внутригородская территория города федерального значения», однако законодатель видимо решил окончательно распрощаться с имевшей место неопределенностью в понимании терминов «территория» и «виды

муниципальных образований». Итог – формальная ликвидация двухуровневой системы, однако, с оговоркой.

В соответствии с ч. 7 ст. 9 субъектам все же разрешается сохранить двухуровневую систему, в значении – муниципальный район, поселение (городское, сельское). Разрешено это сделать субъектам по причинам имеющих место особых социально-экономических, исторических, национальных и иных особенностей, при условии, что двухуровневая система уже существовала в региональном законе на момент принятия нового федерального закона. При этом федеральным законом не предусмотрен какой-либо особый механизм «доказывания» наличия соответствующих «особенностей» не предусмотрен (о том, как будет происходить данный процесс можно только догадываться), что, по сути, нивелирует и делает формальными и «неправовыми» соответствующие требования закона. Интересным и заслуживающим внимания в этой ситуации является тот факт, что субъектам Российской Федерации удалось доказать федеральной власти целесообразность пусть и частичного, но сохранения данного института. Напомним, что проект закона декларировал полную отмену двухуровневой системы и никаких компромиссов и оговорок не предполагал. Это, с одной стороны, подчеркивает особую важность института местного самоуправления для современной России, с другой все еще существующие возможности властей субъектов вступать в дискуссию с федеральной властью по наиболее актуальным для последних вопросам.

Однако соответствующая оговорка федерального законодателя совершенно очевидно породила ситуацию правового вакуума. Раньше механизм распределения полномочий в двухуровневой системе был расписан федеральным законодателем. Теперь же такие положения в федеральном законе отсутствуют. В этой связи актуализируется вопрос о том, насколько вольны регионы в изменении характера распределения соответствующих полномочий. Возможна ли в данной ситуации полная законодательная свобода субъекта, или же необходимо каким-то образом соответствовать положениям утратившего силу закона, что было бы достаточно странно. Аналогичные вопросы возникают и в отношении возможности территориального преобразования все еще разрешенной к функционированию двухуровневой системы, и многих других вопросов, возникающих в ходе функционирования органов местного самоуправления. Действительно вся логика нового закона исходит из такого принципа территориальной организации местного самоуправления как «территория муниципального образования не может входить в состав территории другого муниципального образования» (ч. 7 ст. 9 Федерального закона).

Как мы уже отмечали новый закон переосмысли не только территориальные основы местного самоуправления, но и многие другие вопросы, большая часть из которых концептуально является продолжением реализации идеи единой системы публичной власти в России. Прообразом недавно принятого закона о местном самоуправлении был соответствующий законопроект, внесенный в Государственную Думу в декабре 2021 г. Данный закон был принят в первом чтении в январе 2022 г., однако последующее количество предполагаемых правок было так велико, что это, по сути, заблокировало дальнейшую работу над проектом. В этой связи долгое время бытовало мнение (ныне опровергнутое), что от идеи принятия нового закона окончательно отошли. Однако основные нововведения данного законопроекта активно обсуждались, т.к. именно они, предположительно должны были определить дальнейшее направление муниципальной реформы в России.

В частности, наряду с изменением территориальных основ, активно обсуждались положения (озвученные авторами законопроекта), предполагающие развитие положений Конституции о единой системе публичной власти, уточнение компетенции органов местного самоуправления, изменение порядка формирования органов местной власти, усиление ответственности местной власти перед властью субъекта и др. Надо отметить, что в большей части своих положений по озвученной проблематике текст проекта закона, особенно на концептуальном уровне, остался практически без изменений. Органы местного самоуправления действительно были максимальным образом интегрированы в систему публичной власти,

а точнее поставлены в прямую зависимость от органов государственной власти и в значительно меньшую, непосредственно от населения муниципального образования. Последний тезис нашел свое подтверждение и в изменении порядка формирования органов местного самоуправления. Рациональность и эффективность такой максимальной интеграции в систему публичной власти покажет время.

Отметим, что в рамках данной работы мы совершенно не касались проблемы широкого понимания категории «публичная власть», которое хоть и формально не представлено на уровне отечественного законодательства, однако достаточно активно используется на уровне научных исследований. В частности, в науке представлены такие понимания публичной власти, как власть в общественных объединениях, власть самих общественных объединений или, например, публичная власть как форма непосредственной демократии. Данные понимания публичной власти в научном аспекте также представляются достаточно перспективными в контексте реформы местного самоуправления, однако в этой статье мы оставили их за скобками.

Однако подчеркнем тот факт, что как на концептуальном уровне, так и на практическом непосредственная роль населения в осуществлении местного самоуправления была некоторым образом снижена. Обратим внимание на тот факт, что в проекте федерального закона, как и в его последней редакции отсутствует формулировка - «деятельность населения под свою ответственность». В утратившем силу федеральном законе такая формулировка присутствовала. Интересно, что фраза – «под свою ответственность» присутствовала еще в Законе РФ от 06.07.1991 № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» и в Федеральном законе от 1995 года. Сегодня она утратила с точки зрения законодателя свою актуальность. Это, на первый взгляд, достаточно формальное отличие наглядно демонстрирует, что местное самоуправление в современной России начинает ассоциироваться в большей степени именно с уровнем публичной власти, а не относительной «бесконтрольной» со стороны государства деятельности населения под свою ответственность.

Отметим еще некоторые особенности нового закона. Из перечня объединений, которые могут инициировать проведение местного референдума были исключены инициативные группы. В действующем варианте закона присутствует формулировка «по инициативе, выдвинутой гражданами Российской Федерации, имеющими право на участие в местном референдуме» (ст. 43). Формально никаких радикальных изменений не произошло, однако у «инициативных групп» на местном уровне уже сегодня возникают значительные трудности с выдвижением инициативы о местном референдуме.

Кроме того, в новом законе к формам непосредственного осуществления населением местного самоуправления относятся только местный референдум, муниципальные выборы и сход граждан. Опросы, публичные слушания, территориальное общественно самоуправление и другие формы отнесены к «формам участия населения в осуществлении местного самоуправления» (ст. 42 Федерального закона), тогда как раньше все перечисленные формы участия населения в осуществлении местного самоуправления были даны в одной главе «Формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления».

Таким образом, на наш взгляд, подчеркивалась их единая природа и целеполагающее значение в процессе осуществления местного самоуправления, несмотря на отсутствие или присутствие признака императивности принимаемых населением решений. Отметим также окончательное упразднения института отзыва выборного лица местного самоуправления. В новом законе обозначенный институт уже не присутствует. Обратим внимание и на равнозначное использование в новом законе терминов «вопросы местного значения» и ««вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения», как и на замену понимания местного самоуправления как одной из форм осуществления народом своей власти, на – самоорганизацию граждан [6, с. 11-12], что, как минимум, на концептуальном уровне вызывает значительное количество вопросов.

Заключение

На сегодняшний день мы наблюдаем достаточно радикальное переосмысление роли и места местного самоуправления в системе российского государства и права. Если в утратившем силу законе местное самоуправление рассматривалось, в том числе, как одна из основ конституционного строя Российской Федерации, то в новом – подобное упоминание отсутствует. В полном соответствии с обновленными положениями Конституции РФ местное самоуправление – это третий уровень публичной власти.

С другой стороны, тот факт, что местное самоуправление окончательно интегрировано в единую систему публичной власти не должно быть неожиданностью. Конституционный Суд РФ еще в 1997 году в Постановлении от 24 января 1997 г. № 1-П рассматривал местное самоуправление именно как уровень публичной власти. В соответствии современными реалиями, принцип единства системы публичной власти в контексте правовой позицией Конституционного Суда предполагает «согласованное действие различных уровней публичной власти как единого целого во благо граждан» (Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3).

В настоящее время мы видим перенос акцентов в системе организации деятельности местного самоуправления на контроль со стороны органов государственной власти и частичное упразднение двухуровневой системы местного самоуправления. Это олицетворяет новый этап в системе функционирования публичной власти в России. Вместе с тем, значительное количество авторов, положительно характеризуя итоги преобразований в сфере местного самоуправления, отмечают значительный эффект муниципальной реформы, в частности, говоря о том, что «внесенные в 2020 г. конституционные поправки свидетельствуют об изменении вектора местного самоуправления в сторону взаимодействия муниципальных и государственных органов как единых органов в механизме управления государством». В свою очередь, основные моменты муниципальной реформы базируются на уже традиционно сложившейся системе российского законодательства и способствуют повышению «эффективности местного самоуправления и публичной власти в целом» [7, с. 43–54.].

Список источников

1. Комлев Е. Ю. Межмуниципальное сотрудничество: некоторые проблемы и перспективы развития в контексте муниципальной реформы // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 9. С. 15–19.

2. Баженова О. И. Об участии муниципальных образований в управлении развитием территории в контексте реформы городских округов // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 3. С. 49–55.

3. Ананьев И. А. Реформы местного самоуправления: модели организации, статус муниципальных образований, особенности административных центров // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2024. № 4. С. 15–18.

4. Ушакова А. П. Законодательство в сфере управления городскими агломерациями: три тенденции становления и развития // Экологическое право. 2024. № 4. С. 2–6.

5. Шахов А. А. "Существенных плюсов не выявлено": преобразование Челябинского городского округа с внутригородским делением // Местное право. 2024. № 3. С. 133–139.

6. Диденко А. Н., Бабичев И. В. Федеральный закон от 6 октября 2023 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» как национальный проект развития местного самоуправления: история трансформации и прогнозы // Местное право. 224. № 2. С. 3–18.

7. Михеева Т. Н., Михеев Д. С. Новое "окно возможностей" государства для участия в делах местного самоуправления // Журнал российского права. 2025. № 2. С. 43–54.

References

1. Komlev E. Yu. Inter-municipal cooperation: some problems and development prospects in the context of municipal reform. *State power and local self-government.* 2022;(9):15–19. (In Russ.)

2. Bazhenova O. I. On the participation of municipalities in managing the development of the territory in the context of the reform of urban districts. *Constitutional and municipal law.* 2015;(3):49–55. (In Russ.)

3. Ananyev I. A. Local government reforms: organizational models, status of municipalities, features of administrative centers. *Municipal service: legal issues.* 2024;(4):15–18. (In Russ.)

4. Ushakova A. P. Legislation in the field of urban agglomeration management: three trends in formation and development. *Environmental law.* 2024;(4):2–6. (In Russ.)

5. Shakhov A. A. "No significant advantages were identified": transformation of the Chelyabinsk urban district with intracity division. *Local law.* 2024;(3):133–139. (In Russ.)

6. Didenko A. N. Babichev I. V. Federal Law of October 6, 2023 No. 131-FZ "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" as a national project for the development of local self-government: history of transformation and forecasts. *Local law.* 224;(2):3–18. (In Russ.)

7. Mikheeva T. N., Mikheev D. S. New "window of opportunity" for the state to participate in local government affairs. *Journal of Russian Law.* 2025;(2):43–54. (In Russ.)

Информация об авторе

П. П. Баранов – Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой конституционного и муниципального права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the author

P. P. Baranov – Honored Scientist of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Department of Constitutional and Municipal Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.07.2025; одобрена после рецензирования 25.08.2025; принята к публикации 26.08.2025.
The article was submitted 08.07.2025; approved after reviewing 25.08.2025; accepted for publication 26.08.2025.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 63–70
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(3):63–70

Научная статья
УДК 34.01
EDN XKKQGK

Идеи консервативной правовой идеологии в контексте государственных доктрин

Елена Александровна Казачанская

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, elk.13@yandex.ru

Аннотация

Введение. Анализ идей консервативной правовой идеологии в юриспруденции традиционно сталкивается с целым спектром общих теоретико-методологических, конкретно-исторических и ценностно-смысловых проблем. Первая проблема связана с тем, что традиционно в общей теории права доминируют различные типы понимания природы государства (государствопонимание), которые задают принципиально разные исследовательские способы рассмотрения данного феномена. Вторая проблема связана с конкретно-историческими интерпретациями самого феномена «консерватизм», с различными концептуально правовыми версиями, обусловленными разворачивающимися в обществе социально-экономическими, политическими, культурными и иными процессами. Третья проблема обусловлена специфическим дискурсом самого консерватизма. Четвертая проблема связана с так называемой временной перспективой и хронотипическими характеристиками в понимании фундаментальных государственно-правовых, а также других явлений и процессов общественной жизнедеятельности.

Цель. Рассмотреть основные виды консервативной правовой идеологии, сложившейся в рамках отдельных государственных доктрин, а также выявить теоретические, исторические и методологические проблемы консервативной идеи права в контексте различных подходов к сущности государства.

Методы. В работе использован: историко-правовой и аксиологический методы в части анализа марксистского учения о государстве, где речь идет о конкретно-исторической структуре отношений и публично-властном господстве, в чем выражается природа и сущность государства, сравнительно-правовой метод при рассмотрении различных подходов к формированию института государства (цивилизационный, естественно-правовая доктрина, а также в рамках анализа консервативно-правовых учений), методы истории политических и правовых учений: теоретический, логико-семантический и сравнительно-исторический.

Результаты. В статье рассматриваются теоретические, исторические и методологические проблемы различных государственных доктрин сквозь призму консервативной правовой идеологии, выявляется ее связь с различными типами понимания сущности государства, права и другими явлениями и процессами общественной жизнедеятельности. Статья содержит анализ различных трактовок государственно-правового развития в сравнении с различными течениями и идеями консервативной идеологии. Рассматриваются также основные консервативно-правовые традиции и определяется их сущность.

Выводы. Консервативная правовая идеология не может рассматриваться в современных условиях как исключительно антитеза рационалистической теории либерализма или естественно-правовой теории либерально-демократического государства: все гораздо сложней ввиду вкрапления консервативных идей и ценностей в различные концепции государственного развития. Консервативные идеи присутствуют, в том числе, в неомарксистких и естественно-правовых концепциях, представляя собой сложный и многогранный феномен,

© Казачанская Е. А., 2025

который варьируется в зависимости от исторического, культурного и методологического контекста. Для всех представителей разных доктрин очевидно, что консерватизм играет ключевую роль в формировании стабильного и гармонично функционирующего правопорядка, в котором основой стабильности является сочетание традиционных ценностей с модернизационными. Именно такой синтез характерен для трех типов понимания государства. Если марксистский подход понимает государство как инструмент классового господства, отражающий социально-экономические отношения, то консерватизм необходим для закрепления господства. Цивилизационный подход, в котором государство как продукт культуры, обеспечивающий стабильность и легитимность через соответствие национальным традициям, заинтересован в легализации традиций и их консервации. Естественно-правовая доктрина в условиях постлиберального общества толкует государство как воплощение естественного порядка, защищающего права и свободы человека, где консервативная христианская традиция становится гарантом их защиты.

***Ключевые слова**:* консервативная правовая идеология, сущность государства, институт государства, общественные отношения, правовой порядок

Для цитирования: Казачанская Е. А. Идеи консервативной правовой идеологии в контексте государственных доктрин // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 63–70. EDN XKKQGK

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Ideas of conservative legal ideology in the context of state doctrines

Elena A. Kazachanskaya

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, elk.13@yandex.ru

Abstract

Introduction. The analysis of the ideas of conservative legal ideology in jurisprudence traditionally faces a whole range of general theoretical and methodological, concrete historical and value-semantic problems. The first problem is related to the fact that traditionally, the general theory of law is dominated by different types of understanding of the nature of the state (state understanding), which set fundamentally different research ways of considering this phenomenon. The second problem is related to the specific historical interpretations of the phenomenon of "conservatism" itself, with various conceptual and legal versions due to the socio-economic, political, cultural and other processes unfolding in society. The third problem is caused by the specific discourse of conservatism itself. The fourth problem is related to the so-called time perspective and chronotypic characteristics in understanding fundamental state-legal, as well as other phenomena and processes of social life.

Purpose. To consider the main types of conservative legal ideology that have developed within the framework of individual state doctrines, as well as to identify the theoretical, historical, and methodological problems of the conservative idea of law in the context of various approaches to the essence of the state.

Methods. The work uses the following methods: historical-legal and axiological methods for analyzing the Marxist doctrine of the state, which focuses on the specific historical structure of relations and public power domination, which reflects the nature and essence of the state; comparative-legal method for examining various approaches to the formation of the state institution (civilizational, natural law doctrine, and analysis of conservative legal theories); and methods of the history of political and legal theories, including theoretical, logical-semantic, and comparative-historical methods.

Results. The article examines the theoretical, historical and methodological problems of various state doctrines through the prism of conservative legal ideology, reveals its connection with various types of understanding of the essence of the state, law and other phenomena and processes of social life. The article contains an analysis of various interpretations of state and legal development in comparison with various trends and ideas of conservative ideology. The main conservative legal traditions are also considered and their essence is determined.

Conclusions. In modern conditions, conservative legal ideology cannot be considered solely as an antithesis to the rationalist theory of liberalism or the natural law theory of the liberal-democratic state: it is much more complex due to the incorporation of conservative ideas and values into various concepts of state development. Conservative ideas are present, among other things, in neo-Marxist and natural law concepts, representing a complex and multifaceted phenomenon that varies depending on the historical, cultural, and methodological context. It is obvious to all representatives of different doctrines that conservatism plays a key role in the formation of a stable and harmoniously functioning legal order, in which the combination of traditional values with modernization values is the basis for stability. This synthesis is characteristic of the three types of understanding of the state. If the Marxist approach understands the state as an instrument of class domination that reflects socio-economic relations, then conservatism is necessary to consolidate this domination. The civilizational approach, which views the state as a product of culture that ensures stability and legitimacy through adherence to national traditions, is interested in the legalization and preservation of these traditions. In a post-liberal society, the natural law doctrine interprets the state as the embodiment of the natural order that protects human rights and freedoms, where the conservative Christian tradition serves as a guarantor of their protection.

***Keywords**:* conservative legal ideology, the essence of the state, the state institution, social relations, and the legal order

For citation: Kazachanskaya E. A. Ideas of conservative legal ideology in the context of state doctrines. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(3):63–70. (In Russ.). EDN XKKQGK

Введение

Анализ идей консервативной правовой идеологии в юриспруденции традиционно сталкивается с целым спектром общих теоретико-методологических, конкретно-исторических и ценностно-смысловых проблем.

Первая проблема связана с тем, что традиционно в общей теории права доминируют различные типы понимания природы государства (государствопонимание), которые задают принципиально разные исследовательские способы рассмотрения данного феномена. При этом в каждом из них можно выделить как консервативные, умеренные, так и прогрессистские и иные направления государственно-правовой мысли.

Вторая проблема связана с конкретно-историческими интерпретациями самого феномена «консерватизм», с различными концептуально правовыми версиями, обусловленными разворачивающимися в обществе социально-экономическими, политическими, культурными и иными процессами.

Третья проблема обусловлена специфическим дискурсом самого консерватизма. В правовой науке консервативность тех или иных теорий или позиций всегда было «сущностно оспариваемым» феноменом. С одной стороны, это связано с тем, что сам феномен «право» по своей сути консервативен, является одним из самых стабильных и достаточно медленно трансформирующимся. С другой стороны, консервативное направление в правовой науке и, в частности, в исследовании государства, достаточно специфическое, поскольку базируется в основном на метаюридической (ценностно-нормативной, духовно-нравственной) и общественно-политической аргументации.

Справедливо в этом плане отмечает современный исследователь консервативной правовой идеологии А.А. Васильев, что «юридический компонент слабо выражен в европейском консерватизме. Преимущественно источники европейского консерватизма посвящены мировоззренческим основаниям традиционной цивилизации Европы, в котором право тесно примыкает к религии и этике или занимает незначительную роль в качестве социального регулятора» [1, с. 250]. В то же время следует констатировать, что европейский консерватизм существенно влияет на правовую идеологию, на разработку доктринально-правовых и правотворческих программ, а также на выработку направлений совершенствования государственного управления.

Четвертая проблема связана с так называемой временной перспективой и хронотипическими[1] характеристиками [2, с.668] в понимании фундаментальных государственно-правовых, а также других явлений и процессов общественной жизнедеятельности.

Теоретические основы

Очевидно, что консервативная правовая идеология в качестве фундамента для разработки тех или иных доктринально-программных положений и конкретных направлений правовой политики государства, закладывает традиции в самом широком смысле слова, т.е. правовые и управленческие традиции, государственно-правовой опыт и обычно-правовые регулятивные основы жизни нации, устойчивые и воспроизводящееся национально-культурные ценности, духовно-нравственные стандарты и моральные требования, воспроизводящиеся от поколения к поколению, обеспечивающие национальное единство и культурную целостность общества.

Следует констатировать, что, исходя из хронотипической трактовки государственно-правового развития существуют разные исследовательские оптики в понимании государства, в трактовке его социального значения и роли в общественной жизни. В консервативной идеологии выделяют различия в восприятии времени и государственно-правового развития в зависимости от ориентации на прошлое (традиционалистские версии консерватизма, обосновывающие восстановление исконного правового и политического порядка из того или иного «золотого века» государственно-правового развития), настоящее – так называемый классический консерватизм (ратующий за сохранение существующего положения дел, существующей властно-иерархической организации общества, действующего правового порядка и т.д.) или будущее (так называемый «динамичный консерватизм» [3, с. 51], где ключевым моментом является ориентация на развитие, опирающееся на традиции, опыт прошлого и проблемы настоящего). Причем последний вид консервативной идеологии был фундаментально разработан русским революционером, а после монархистом, дореволюционным юристом Л.А. Тихомировым, а идеи и трактовки консерватизма как целостного эволюционного развития оказали существенное влияние не только на отечественную, но и зарубежную консервативно-правовую идеологию.

Результаты и обсуждение

С учетом того, что интерпретация сущности государства в рамках консервативной идеологии весьма разнообразна, рассмотрим основные виды консервативной правовой идеологии, сложившиеся в рамках отдельных типов понимания государства. В рамках *марксистского учения о государстве* последнее рассматривается в качестве конкретно-исторической формы организации публичной власти, закрепляющей политическое господство одного класса над другим, институционально выражая сложившуюся систему социально-экономических отношений. Именно в закреплении конкретно-исторической структуры отношений и публично-властном господстве выражается природа и сущность государства.

Другими словами, институт государства с одной стороны выступает итогом исторического развития общественных отношений (общественно-производительных сил и производственных отношений), а с другой институционально-правовым закреплением итогов социально-экономической эволюции: «государственное властвование является простым отражением этих экономических отношений. Государство есть та организация, которая придает социально-экономическим отношениям официальный характер, легализует их, покрывает авторитетом права» [4, с. 467].

Естественно, что и консервативная правовая идеология в рамках классового типа понимания природы государства на каждом этапе развития «отсылает» к этим фундаментальным теоретико-методологическим основаниям государства при анализе, например,

[1] В юридической науке хромотипические характеристики позволяют описать фон для юридически значимых действия, развития общественных отношений, который активно влияет на траекторию и содержание того или иного социально-правового взаимодействия.

современных трансформаций правовой, политической, экономической и другой социальной организации общества. Так, например, сегодня, в период интенсификации процессов цифровизации государственного управления и цифровой трансформации институтов государства и властно-правовой организации, марксистское понимание сущности и социального назначения государства позволяет представить одно из наиболее непротиворечивых и стройных теоретических моделей описания масштабных изменений в государственно-правовой жизни общества.

Современные консервативно ориентированные неомарксисты настаивают, что классический теоретико-методологический потенциал и категориально-понятийный аппарат марксистского учения может наиболее полно, точно и последовательно исследовать фундаментальные сдвиги в общественных отношениях, знаменующих переход к новой формации и классовой структуре господства [5, с. 367].

В рамках *цивилизационного (социокультурного) подхода* институт государства формируется, развивается и функционирует в конкретной социально-культурной среде. Можно сказать еще более конкретно государство и есть продукт/феномен цивилизации, его существование возможно именно как государство-цивилизация, а его социальная роль обусловливается прежде всего сохранением цивилизации, обеспечением, прежде всего, цивилизационного безопасности и цивилизационного развития общественных отношений.

При этом известный английский консерватор Дж. Грей, убежден, что нет универсальной трактовки сущности государства и его функциональных характеристик, есть лишь «разнообразие исторических форм, каждая из которых коренится в плодотворной почве культуры, присущей определенной общности» [6, с. 115]. В связи с этой позицией социальное назначение государства в его правовом оформлении (посредством законодательства, действующих юридических институтов и учреждений) обусловлено цивилизационной спецификой общества, гарантирует воспроизводство и развитие национально-культурной целостности в меняющейся социально-экономической, политической и иных условий.

Ключевым для Дж. Грея является то, что как властно-правовые институты, так и публично-управленческая деятельность, не учитывающая и не выражающая «национальную культуру или не соответствующие ей, не могут быть ни легитимными, ни стабильными: они либо видоизменяются, либо будут отвергнуты теми народами, которым они навязаны» [6, с. 115]. Именно такое понимание сущности государства и его функциональной направленности позволяет сформировать стабильный политический и правовой порядок, т.е. способствует «приверженцам различных культурных традиций обеспечить отражение этих традиций в правовых порядках, которым они должны подчиняться» [6, с. 264].

Здесь в консервативной правовой идеологии очевидно преобладание метаюридических оснований, как в трактовке сущности и социального назначения государства, так и в обосновании стабильности государственно-правового порядка, а главный упор делается на проблематику воспроизводства последних из поколения в поколение. При этом обосновывается, что продвижение конкретного цивилизационного (социально-культурного) стандарта в понимание права, государства, власти, а также ценностно-нормативных оснований общественной системы в другие незападные политико-правовые пространства является невозможным и достаточно опасным (как для неевропейских общественных систем, так и для самих западных цивилизации).

Именно обсуждения данных проблематик в рамках западноевропейской консервативной правовой мысли, привели многих современных исследователей к убеждению, что «юридический компонент слабо выражен в европейском консерватизме. Преимущественно источники европейского консерватизма посвящены мировоззренческим основаниям традиционной цивилизации Европы, в котором право тесно примыкает к религии и этике или занимает незначительную роль в качестве социального регулятора» [1, с. 250]. Соглашаясь с последним, отметим, что эта характеристика приемлема только для определенного направления консервативно-правовой мысли и не может быть распространена на весь спектр консервативных учений и подходов.

В рамках *естественно-правовой доктрины* также можно достаточно четко выделить прогрессистские и консервативные версии и трактовки последнего. В целом сущность государства здесь выводится из соотношения двух состояний общества – естественной и гражданской. Первое состояние олицетворяет идеальное и объективное положение вещей, характеризующееся разумным основанием всего сущего, полнотой прав и свобод человека или божественным замыслом (воплощения божественного закона в естественный порядок вещей). В естественно-правовых консервативных учениях данное состояние рассматривается в качестве исходного «общественного кода», в соответствии с которым должны организовываться жизнь и взаимодействие людей, адаптироваться неизбежно возникающие новации в государственно-правовом развитии к естественно-правовой традиции.

В этом плане второе, гражданское состояние, по своей сути выражает и закрепляет естественно-правовой идеал (должный порядок) в государственно-правовой форме организации общества. Практически это воплощается в договорной сущности государства , а его социальное назначение – в защите прав и свобод человека, создании условий для реализации его законных интересов.

Сам исконный правовой порядок консервативен, он существует исконно до всякого гражданского состояния, а государство посредством своего механизма воплощает его в конкретно-исторических условиях развития общества: «неотчуждаемость и неумолимость естественных прав, с одной стороны, и весьма ограниченная способность людей к автономному самообязыванию, с другой, ведет к организации таких союзов, которые должны устанавливать и ограждать естественный порядок посредством гетерономных правил и поддерживать их соблюдение силою внешнего, общепризнанного, властвующего авторитета. Единая власть, уполномоченная правом, и сама подчиненная праву, получает обязанность формулировать естественное право в виде объективно-значащих, общеобязательных правил внешнего поведения (т.е. в виде положительного права)» [7, с. 110].

В этом плане демаркация между естественным и гражданским порядком обосновывается как противопоставление естественной (природной) и искусственной, созданной человеком, организации. Здесь природа, естество всего сущего, представляет собой основу истинности, с которой соотносится искусственная человеческая организация. Как отмечал Г. Рормозер, для представителей данной интеллектуальной традиции «основной вопрос политики формулируется следующим образом: “Кто вправе интерпретировать истину, принимать обязательные для всех решения?”» [8, с. 86]. Неслучайно, что многие теоретики права и государства обосновывали естественную сущность государства, природность государственно-правовых форм, а разнообразные правовые положения и государственные институты обосновывали через служение и воплощения естественному праву, исконному порядку.

Как отмечалась выше, в рамках этого понимания сущности и назначения государства существуют две консервативно-правовые традиции – рационалистическая и теологическая, в которых правовая концепция «индивида», его естественные права и свободы, представлены как высшее основание действующего законодательства и функционирования государства. При этом последнее является прямым олицетворением всеобщего разума или мудрости Бога. Соответственно, любые, с одной стороны, государственно-правовые инновации или правотворческие новеллы, а с другой – социально-правовая и публично-властная практика и ее реальные юридические результаты, соотносятся с этим высшим началом.

Равно как и то, что это высшее разумное начало является легитимирующим источником государства и права. Отход от этих базовых разумных и (или) божественных оснований для представителя консервативной правовой идеологии чреват потерей фундаментальных оснований социальной организации, делегитимацией действующих государственно-правовых институтов, конкретного властно-управленческого или правотворческого решения.

В рамках западноевропейского католицизма и его виднейших представителей (Ж. Маритена, Тейяра де Шардена и др.) сущность государства и его назначение – в воплощении и реализации высшего божественного разума, который проявляется в естественном

порядке вещей. Lex naturalis исходный, божественный код с помощью которого обеспечивается существование государственно-правовой организации. Таким образом, государство должно воплощать и оберегать установленный естественный порядок, который благодаря человеческому разуму находит отражение в создании государственных институтов, разработке нормативных правовых актов и т.п. Именно в постижение последнего в человеческом разуме формируется духовно-нравственная матрица, позволяющая различать доброе и злое, моральное и аморальное, правомерное и антиправовое и т.д.: «эта сопричастность вечного закона разумной твари называется естественным законом» [9, с. 91].

В рамках современных теологических консервативно-правовых учений в интерпретации сущности института государства доминируют два основных дискурса. Один ориентирован на обоснование сближения и гармонизации человеческого и божественного, сверхъестественного и профанного, духовного и мирского, ориентирующее на «примирение веры и закона» [10, с. 15], государства и церкви. Государство и церковь служат в своей публично-властной и духовно-нравственной деятельности воплощению, охранению и воспроизводству этого высшего начала в социальной организации [11, с. 181].

Второй дискурс обосновывает эволюцию натуралистской интерпретации ценностно-нормативных оснований общества и их сближения с современной индивидуалистической моделью Запада, вписывая консервативные учения как в либерально-персоналистскую ориентацию правового общественно-политического вектора развития западноевропейских государств, так и в коммунитарные (солидаристские) устремления правых сил западных обществ, предлагая своеобразную *интегративную консервативную правовую идеологию*.

Справедливо в этом плане отмечает Ф.Г. Овсиенко, что признание индивидуальной активности и известной автономности «в установлении и даже обогащении содержания естественного права необходимо идеологам Церкви по двум причинам. Во-первых, чтобы доказать, что установленное Богом вечное право не перечеркивает, не исключает естественного права, поскольку его исполнение осуществляется на основе свободного прочтения голоса собственной совести. Во-вторых, чтобы показать динамический характер этого права – дескать, в ходе осуществления естественного права совершенствуется и сам человек» [12, с. 132].

Другой тип понимания государства трактует его сущность в *формально-юридическом контексте*, где последний рассматривается в качестве особого властно-правового состояния общественной системы, а сама государственная воля, его социальное назначение и функции выражены в совокупности учредительных и регулятивных норм, образующих юридический порядок властвования: «нормы эти высказывают долженствование, нечто предписывают, нечто повелевают, и сила такого долженствования ощущается людьми как некая власть» [4, с. 463].

Выводы

В современный период консервативная правовая идеология не может рассматриваться как противопоставление либеральной или естественно-правовой теории. Это связано с тем, что отдельные консервативные идеи последовательно встраиваются в различные концепции государственного развития, присутствуя как в неомарксистских, так и в естественно-правовых концепциях. По сути, это сложный феномен, который меняется в зависимости от исторических или культурных условий. Для представителей разных доктрин консерватизм бесспорно играет важную роль в функционировании стабильного правопорядка, а синтез традиционных ценностей с современными характерен как для марксистского и цивилизационного подхода, так и для естественно-правовой доктрины.

Таким образом, в отличие от фундаментализма и традиционализма, для которых характерно развитие от высшего к низшему, т.е. восстановление первоначальной традиции, утраченных форм и моделей общественного взаимодействия, что предполагает негативное отношение к различным изменениям и трансформациям, консерватизм, напротив, «не требует сохранения традиции неизменной несмотря ни на что, он лишь стремится ввести эти изменения в рамки “естественного развития” самой традиции» [13, с. 53].

Список источников

1. Васильев А.А. Консервативная правовая идеология в России и Западной Европе: сравнительный анализ // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. 2016. № 12–13. С. 250–261.
2. Philippopoulos-Mihalopoulos A. Mariana Valverde: Chronotopes of Law: Jurisdiction, Scale and Governance // Journal of Law and Society. 2015. № 42 (December). P. 668-673.
3. Eisenstadt S.N. Tradition, Change, and Modernity. N.Y., Sydney, Toronto, 1973. P. 51–52.
4. Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Русский народ и государство. М.: Изд-во «Аграф», 1998. 640 с.
5. Мамычев А.Ю. «Цифровой левиафан: сценарии развития гоббсовского чудовища в XXI веке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Том 24. № 3. С. 367–392.
6. Грей Дж. Поминки по просвещению: политика и культура на закате современности. М.: Праксис, 2003. 366 с.
7. Ильин И.А. О Сущности правосознания. Мюнхен, М., 1993. 235 с.
8. Рормозер Г. Кризис либерализма. М., 1996. 191 с.
9. Аквинский Ф. Сумма теологии. Киев, 2002. 560 с.
10. Берман Г. Вера и закон: примирение права и религии. М.: «Ad Marginem», 1999. 432 с.
11. Сорокина Ю.В. Персонализм как ответ на духовный кризис человека // Кризис права: история и современность. СПб., 2018. С. 181–205.
12. Овсиенко Ф.Г. Эволюция социального учения католицизма. М.: Изд-во МГУ, 1987. 256 с.
13. Никитаев В. Повестка дня для России: власть, политика, демократия // Логос. 2005. № 5 (50). С. 41-62.

References

1. Vasiliev A. A. Conservative legal ideology in Russia and Western Europe: a comparative analysis. *Scientific Notes of the Altai Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.* 2016;(12–13):250–261. (In Russ.)
2. Philippopoulos-Mihalopoulos A. Mariana Valverde: Chronotopes of Law: Jurisdiction, Scale and Governance. *Journal of Law and Society.* 2015;№42(December):668–673.
3. Eisenstadt S. N. *Tradition, Change, and Modernity.* N.Y., Sydney, Toronto; 1973. Pp. 51-52.
4. Alekseev N.N. The current state of the science of the state and its immediate tasks. In: *Russian people and the state.* Moscow: Publishing house "Agraf"; 1998. 640 p. (In Russ.)
5. Mamychev A.Y. "Digital Leviathan: scenarios for the development of the Hobbesian monster in the 21st century. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science.* 2022; 24(3):367–392. (In Russ.)
6. Gray J. *Commemoration of the Enlightenment: politics and culture at the end of modernity.* Moscow: Praxis; 2003. 366 p.
7. Ilyin I. A. *About the essence of legal awareness.* Munich, Moscow; 1993. 235 p. (In Russ.)
8. Rohrmoser G. *The Crisis of liberalism.* Moscow; 1996. 191 p. (In Russ.)
9. Aquinas F. *The Sum of theology.* Kiev; 2002. 560 p. (In Russ.)
10. Berman G. *Faith and the law: reconciliation of law and religion*. Moscow: "Ad Marginem"; 1999. 432 p. (In Russ.)
11. Sorokina Yu.V. Personalism as a response to the spiritual crisis of man. In: *Crisis of law: history and modernity.* Saint-Petersburg; 2018. Pp. 181-205. (In Russ.)
12. Ovsienko F. G. *The evolution of the social teaching of Catholicism.* Moscow: Publishing House of Moscow State University; 1987. 256 p. (In Russ.)
13. Nikitaev V. Agenda for Russia: power, politics, democracy. *Logos.* 2005;5(50):41–62. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. А. Казачанская – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета.

Information about the author

E. A. Kazachanskaya – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.
Статья поступила в редакцию 18.07.2025; одобрена после рецензирования 01.09.2025; принята к публикации 02.09.2025. The article was submitted 18.07.2025; approved after reviewing 01.09.2025; accepted for publication 02.09.2025.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 71–78
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(3):71–78
Проблемы теории и истории права и государства

Научная статья
УДК 340.5
EDN VAFQSC

Правовой статус немусульманского населения в Османской империи периода зарождения миллетной системы

Иван Вячеславович Федосов[1, 2]

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Россия, fedosov-iv@ranepa.ru, https://orcid.org/0009-0005-7687-0760, SPIN-код: 7705-0138 AuthorID: 932032

[2]Институт востоковедения и африканистики Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу правового статуса немусульманского населения на территории Османской империи времен учреждения миллетной системы и первого этапа ее существования. Автором анализируются нормы мусульманского права в части регламентации жизни иноверческого населения в рамках исламской юрисдикции, а также, с учетом исторического и историко-правового материала, освещается вопрос соотношения доктрины исламского права в части регулирования жизни иноконфессиональных общин и применявшихся османскими властями управленческих практик. Показывается роль, которую сыграла миллетная система в формировании структуры османского общества.

Цель. Публикация ставит своей целью освещение, во-первых, роли учреждения миллетной системы в формировании специфических социально-политических условий существования и развития гетерогенного османского социума; во-вторых, значения социальных условий оттоманского общества в развитии правовой системы Порты, в том числе в части регламентации жизни иноверческих общин – миллетов.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составил системный анализ научной литературы и источников по соответствующей тематике на русском, английском, новогреческом и турецком языках.

Результаты. Показано авторское видение проблемы формирования домодерной социальной структуры османского общества на основе правового разделения социума на автономные и мало взаимодействовавшие друг с другом сегменты – миллеты. Автором также показывается и объясняется роль доктрины исламского права в части формирования специфической османской социально-политической реальности.

Выводы. Миллетная система Османской империи, представлявшая собой на момент создания эффективно функционировавшую социальную структуру всего османского общества, с течением времени оказалась слишком костной и мало подверженной реформированию, что негативно сказалось на попытках танзиматистов провести преобразования и «модернизировать» старое здание Порты. Это стало одной из причин крушения османской государственности. Мусульманское право как самостоятельная правовая система, действовавшая на территории Османской империи в сочетании со светским султанским правом – канунами, внесло значительный вклад на этапе формирования миллетной системы и ее структурного оформления, однако это же и послужило причиной постепенного закоснения социальной структуры османского общества и последовавшей стагнации.

© Федосов И. В., 2025

Ключевые слова: мусульманское право, ислам, Османская империя, Оттоманская Порта, миллет, миллетная система, право личного статуса, шариат, фикх, немусульманское население

Для цитирования: Федосов И. В. Правовой статус немусульманского населения в Османской империи периода зарождения миллетной системы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 71–78. EDN VAFQSC

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

The legal status of the non-Muslim population in the Ottoman Empire during the early millet system stage

Ivan V. Fedosov[1, 2]

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russia,
fedosov-iv@ranepa.ru, https://orcid.org/0009-0005-7687-0760,
SPIN-код: 7705-0138 AuthorID: 932032

[2]Institute of Oriental and African Studies, HSE University, Saint Petersburg, Russia

Abstract

Introduction. The article is devoted to the analysis of the legal status of the non-Muslim population in the territory of the Ottoman Empire during the establishment of the millet system and the first stage of its existence. The author analyzes the norms of Muslim law in terms of regulating the life of the non-Muslim population within the framework of Islamic jurisdiction, and, taking into account historical and historical-legal material, sheds light on the issue of the relationship between the doctrine of Islamic law in terms of regulating the life of non-Muslim communities and the administrative practices used by the Ottoman authorities. The role played by the millet system in shaping the structure of Ottoman society is shown.

Purpose. The publication aims to highlight, firstly, the role of the institution of the millet system in the formation of specific socio-political conditions of existence and development of the heterogeneous Ottoman society; secondly, the significance of the social conditions of the Ottoman society in the development of the legal system of the Porte, including in terms of regulating the life of non-Muslim communities - millets.

Materials and methods. The methodological basis of the study was a systematic analysis of scientific literature and sources on the relevant topic in Russian, English, Turkish and Greek.

Results. The author's vision of the problem of the formation of the pre-modern social structure of the Ottoman society is shown on the basis of the legal division of society into autonomous and little interacting with each other segments - millets. The author also shows and explains the role of the doctrine of Islamic law in the formation of the specific Ottoman socio-political reality.

Conclusions. The millet system of the Ottoman Empire, which at the time of its creation represented an effectively functioning social structure of the entire Ottoman society, over time turned out to be too ossified and little susceptible to reform, which negatively affected the attempts of the Tanzimatists to carry out transformations and modernize the old building of the Porte. This became one of the reasons for the collapse of the Ottoman state. Muslim law as an independent legal system, which operated in the territory of the Ottoman Empire in combination with the secular sultanic law – the kanuns, made a significant contribution at the stage of the formation of the millet system and its structural design, but this also served as the reason for the gradual ossification of the social structure of Ottoman society and the subsequent stagnation.

Keywords: Muslim law, Islam, Ottoman Empire, Ottoman Porte, millet, millet system, law of personal status, sharia, fiqh, non-Muslim population

For citation: Fedosov I. V. The legal status of the non-Muslim population in the Ottoman Empire during the early millet system stage. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(3):71–78. (In Russ.). EDN VAFQSC

Введение

Статья ставит своей целью освещение, во-первых, роли учреждения миллетной системы в формировании специфических социально-политических условий существования и развития гетерогенного османского социума; во-вторых, значения социальных условий оттоманского общества в развитии правовой системы Порты, в том числе в части регламентации жизни иноверческих общин.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил системный анализ научной литературы и источников по соответствующей тематике на русском, английском, турецком и новогреческом языках.

Результаты и обсуждение

История заселения, колонизации и завоевания Малой Азии тюркскими племенами берет свое начало примерно с X века. Поначалу носившее бессистемный и спорадический характер, расселение тюрков по Анатолии усилилось после 1071 года, когда ромейская (византийская) армия под командованием императора Романа IV Диогена потерпела поражение в битве при Манцикерте (Маназкирте), что, как отмечали позднейшие историки, стало приговором для власти Константинополя в регионе и открыло путь для дальнейшей тюркской территориальной экспансии.

Восток, а затем и центр Малой Азии в разное время с конца XI до середины XIV веков входили в состав различных государственных образований, преимущественно тюркских, таких как Сельджукский султанат, Иконийский султанат, Султанат Рум и прочие. Общая тенденция заключалась в постепенном вытеснении с этих территорий восточно-римской (византийской) администрации и подчинении местных жителей, в основном христиан, власти завоевателей, к тому моменту уже давно отказавшихся от старого тюркского язычества кочевых времен в пользу ислама, который, ко всему прочему, давал тюркам мощное идейное обоснование для продолжения завоевательных походов. С момента принятия ислама тюркские племена не только приобретали потенциальную «идеологическую» базу для политического объединения (религиозный фактор), но покоряли новые земли теперь уже как распространители «истинной веры» и «праведные воины».

К примеру, Орхан I, второй из числа правителей Османского бейлика (княжества), за успехи в деле расширения «дар-аль-ислам» (земли мусульман) стал именоваться не иначе как Орхан Гази (османск. أورخان غازي, тур. Orhan Gazi), то есть мусульманский воитель, ведущий газават (джихад) – священную войну[1]. Таким образом официально оправдывались завоевательные походы и привлекались добровольцы, рассчитывавшие не только материально обогатиться за счет побежденного врага, но и заслужить славу хороших мусульман: «Сражайтесь с теми из людей Писания, которые не веруют ни в Аллаха, ни в Последний день, которые не считают запретным то, что запретили Аллах и Его посланник, которые не исповедуют истинную религию, пока они не станут собственноручно платить дань, оставаясь униженными» [3, 9:29]. Подобное было тем более удобно и привлекательно для всех желающих поспособствовать расширению дар-аль-ислам, поскольку мусульманская религия предписывает своим последователям в первую очередь устанавливать на покоренных территориях режим своего военно-политического доминирования, не ограничиваясь ведением мирной проповеди среди иноверцев.

С начала XIII в. среди мелких тюркских княжеств Малой Азии постепенно ведущую роль захватывает бейлик Османа, вождя племени, по имени которого впоследствии стали именовать и народ, и позднее возникшее крупное государство. Турки-османы подчинили своей власти окрестные княжества и почти всю северо-западную Анатолию, а в 1326 г. под руководством ранее упомянутого Орхана после десятилетней осады захватили крупный византийский город Прусу (Бурсу), куда вскоре была перенесена столица бейлика. В 1331 г. пала

[1] См., напр.: [1–2].

Никея (Изник), в 1337 г. – Никомедия (Измит). С середины XIV века турки-османы начинают совершать последовательные завоевательные походы в Европу – Восточную Фракию, пока еще находившуюся под властью ромеев.

На покоренных землях завоеватели составляли численное меньшинство и поначалу не пытались вести активную прозелитическую деятельность, направленную на массовое обращение в ислам автохтонов – эллиноязычных ромеев. Османы, как когда-то и арабы времен создания Халифата, ограничивались установлением своего военно-политического господства, поскольку того требует ислам. Кроме того, подобный статус-кво полностью соответствовал практическим нуждам новых хозяев территорий, поскольку немусульмане обкладывались специальными налогами, именуемыми «джизья» и «харадж» (от 1/8 до 1/3 урожая). Налог джизья уплачивался каждым взрослым дееспособным мужчиной-иноверцем (в основном это были христиане). Наряду с прибылью от завоевательных походов налоги с немусульман служили важным фактором пополнения османской казны.

Правовой статус иноверцев, именуемых арабским термином «зимми», определялся положениями мусульманского права и существенно отличался в сторону ограничения по сравнению с правами и обязанностями последователей ислама: свидетельские показания зимми не могли быть приняты к рассмотрению шариатским судом; зимми не могли строить культовые сооружения (церкви, синагоги и молельные дома) выше и крупнее мечетей; христианам запрещалось созывать единоверцев на молитву колокольным звоном; зимми не могли носить тюрбаны и одежду, сделанную из тех же материалов, что использовали мусульмане; полностью запретным для зимми был зеленый цвет – «цвет ислама», дозволенный к ношению лишь мусульманам; зимми не имели права участвовать в военных походах, ездить верхом и вообще носить при себе оружие. Согласно исламскому праву, браки между мужчиной-зимми и женщиной-мусульманкой строжайше запрещались, в то время как обратная ситуация (брак между мусульманином и немусульманкой) не только не воспрещалась, но и поощрялась, поскольку, во-первых, по естественным причинам способствовала сокращению числа немусульман, и во-вторых, символически еще раз обозначала господствовавшее положение ислама.

Затрагивая вопрос о запрете езды верхом и ношения оружия немусульманами, следует упомянуть замечание итальянского исследователя Ф. Кардини, изучавшего становление классического западноевропейского феодального общества и отмечавшего схожие тенденции в этической оценке обладания человеком конем и мечом несколькими веками ранее на христианском Западе: «Тождество «безоружный – несвободный» утверждалось как в социальной, так и этической сфере. Прислуживать, раболепствовать, не иметь чувства собственного достоинства, жить в бесчестье, быть малодушным и подличать – все это означало одно: не быть свободным» [4, с. 306]. Для немусульман невозможность официального обладания оружием не только делала их беззащитными перед произволом мусульманского населения и султанских чиновников, но также было глубоко символичным, означая социальное неравенство и подчиненное положение по отношению к лицам, исповедовавшим ислам.

Касаясь затронутого выше вопроса о браке, необходимо вспомнить содержание 221 аята суры «аль-Бакара»: «Не женитесь на язычницах, пока они не уверуют. Безусловно, верующая невольница лучше язычницы, даже если она понравилась вам. Не выдавайте мусульманок замуж за язычников, пока они не уверуют. Безусловно, верующий невольник лучше язычника, даже если он понравился вам. Они зовут к Огню, а Аллах зовет к Раю и прощению со Своего соизволения. Он разъясняет людям Свои знамения, – быть может, они помянут назидание» [3, 2:221]. Подобный подход может быть объяснен фактом происхождения многих мусульманских религиозных норм из обычно-правовых практик (урфов) доисламских арабов Хиджаза. Родоплеменная общинная психология бедуинского племени в новых реалиях уммы поощряла экзогамные браки для мужчин и предписывала брачную эндогамию для женщин. Одной из важнейших задач родоплеменной общины являлось сохранение внутри общины «своих» женщин и получение «чужих» женщин из других общин. Это свидетельствовало о силе данного конкретного племени и слабости других племен, вынужденных

выдавать женщин замуж за представителей другой общины. Именно поэтому племенная психология, нашедшая отражения в исламе, запрещает браки между мусульманками и немусульманами, что означало бы «ослабление» уммы, в то время как переход из мусульманской веры в лоно иной конфессии, согласно исламскому праву, запрещен. Таким образом, мусульманское право способствовало усилению и численному росту уммы за счет женщин из других религиозных общин [5], в то же время препятствуя выбытию женщин из мусульманской общины. Как уже отмечалось ранее, турки-османы на занятых территориях применяли к подвластному неисламскому населению в общем те же практики, что и несколько веков ранее арабы, создававшие Арабский Халифат.

В 1453 г. Мехмед II Фатих взял Константинополь, в 1456 г. покорил Морею, в 1461 г. – присоединил последний осколок Романии (Византии), Трапезундскую империю на Понте. С этого момента он, с точки зрения логики того времени, смог претендовать на наследие Восточной Римской империи и официально стал именовать себя «римским кесарем» (османск. قيصر روم, тур. Kayser-i Rum), то есть буквально императором Римской империи – захваченной им Византии[1]. Христианское население, оказавшееся под властью османов, продолжало именовать себя ромеями (греч. Ῥωμαῖοι), то есть гражданами Римской империи. В 1461 г. Мехмед создал миллетную систему, официально просуществовавшую до самого конца существования Оттоманской Порты.

Миллетная структура – это система автономных религиозных общин, деливших османское общество середины XV века на различные сегменты по конфессиональному признаку[2]. Миллет (тур. millet, от араб. ملة) – изначально арабский юридический термин, обозначающий какую-либо конфессию и, как следствие, определенную правовую автономию[3], поскольку исламское право исходит из того, что религиозная принадлежность является неотъемлемой и определяющей частью правового статуса личности[4]. Необходимо отметить, что упоминаемая «правовая автономия» подразумевалась исключительно в рамках полного доминирования мусульман в общественной жизни и под сенью мусульманского правопорядка, занимавшего безусловно господствовавшее положение и фундировавшего все политико-правовое здание империи: миллеты мыслились именно сегментами единой, хотя и гетерогенной (на современный взгляд) структуры управления подвластным населением. Исламский закон распространялся на все население дар-аль-ислам (в данном случае Порты), на мусульман и немусульман, лишь давая последним частичную автономию в ограниченном спектре юридических и культовых вопросов.

Первоначально для немусульман было учреждено три миллета: греко-православный (для христиан-ортодоксов); армяно-григорианский (для паствы армянского католикоса); иудейско-эспаньольский (для евреев-сефардов) [9, с. 437]. Также существовал один «мусульманский миллет», именовавшийся умметом (от слова «умма»); он занимал господствующее положение и его главой считался сам османский султан. Греко-православный миллет [10] возглавил первый Константинопольский (Вселенский) Патриарх времен туркократии (захвата османами Византии) Геннадий Схоларий, согласно преданию, получивший знаки патриаршего достоинства лично из рук султана [11], таким образом стремившегося подчеркнуть преемственность своей власти от прежних ромейских василевсов (императоров). Армяно-григорианским миллетом стал управлять католикос Армянской Апостольской Церкви, а иудейско-эспаньольским – хахам-баши, то есть главный раввин. Резиденции всех трех миллетов были учреждены в столице – Константинополе[5].

[1] См., напр.: [6].
[2] См., напр.: [7].
[3] См., напр.: [8].
[4] В современном турецком языке термин «millet» используется, как правило, в значении «политическая нация». (Прим. автора).
[5] Резиденция Вселенского Патриарха и до учреждения миллетной системы располагалась в константинопольском районе Фанар; престол Константинопольской Патриархии находится там по сей день. (Прим. автора).

Положения исламского права в отношении немусульман не подвергались Мехмедом сомнению, они скорее упорядочивались [12]. Члены миллетов по-прежнему обладали ограниченным набором прав и обязанностей в сравнении с мусульманами и, к примеру, не могли поступать на государственную службу[1]. Миллетная система примечательна тем, что с момента ее учреждения главы духовных иерархий – Вселенский Патриарх, католикос и главный раввин – становились носителями не только чисто религиозного авторитета по отношению к своей пастве, но и приобретали над ними действительную политическую власть. Теперь они лично отвечали перед султаном за благонадежность и политическую лояльность членов своих миллетов. Именно через глав миллетов и их администрацию султанский двор собирал налоги с немусульман и вообще осуществлял какие-либо контакты со своими неисламскими подданными. Миллеты ведали духовными делами и актами гражданского состояния, становясь посредниками между своими членами и Высокой Портой[2]. С юридической точки зрения, положение немусульманских миллетов Османской империи в целом оставалось неизменным вплоть до начала эпохи Танзимата, когда система подверглась существенной реорганизации[3].

Заключение

Миллетная система Османской державы, представлявшая собой на момент создания в середине XV века эффективно функционировавшую социальную структуру всего османского общества – социума домодерной империи, с течением времени оказалась слишком костной и мало подверженной реформированию, что негативно сказалось на попытках танзиматистов провести преобразования и «модернизировать» [15, с. 17] старое здание Порты. И хотя в течение всего XIX столетия османский истеблишмент предпринимал попытки – в том числе законотворческие [16, с. 417] – по обновлению политико-правовой структуры Османской империи, они не увенчались тем успехом, на который рассчитывали реформаторы. Это стало одной из причин крушения османской государственности.

Список источников

1. Зеленев Е. И., Илюшина М. Теория джихада и ее эволюция в доосманский период // Caucaso-Caspica : Труды Института востоковедения Российско-Армянского университета, Ереван, 12–17 сентября 2019 года / Под редакцией Гарника Асатряна. Том IV. – Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2019. – С. 1–12. – EDN KNMCBU.

2. Зеленев Е. И. Развитие концепции джихада: минимализм и максимализм в исламе / Е. И. Зеленев, Л. М. Исаев // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2019. – № 4(95). – С. 111-131. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-95-4-111-131

3. Коран. Часть I: репр. изд. / пер. с араб. Г.С. Саблукова. М.: Ингрия, 1990.

4. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства: Пер. с ит./ Вступ. ст. В. И. Уколовой. Общ. ред. В. И. Уколовой и Л. А. Котельниковой. – М.: Прогресс, 1987. – 384 с.

5. Rapoport Y. Marriage, Money and Divorce in Medieval Islamic Society / Yossef Rapoport. – New York: Cambridge University Press, 2005. – 155 p.

6. Фадеева И. Л. Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и Новое время. Издание второе. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 285 с.

7. Федосов И. В. Зарождение миллетной системы в Османской империи: правовой плюрализм в условиях гетерогенного общества / И. В. Федосов // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 11(187). – С. 335-340. DOI: 10.24158/tipor.2023.11.44

[1] Исключение было сделано только для некоторых членов греко-православного миллета, согласившихся исполнять обязанности придворных переводчиков и/или поступивших на дипломатическую службу султана, поскольку языком османской дипломатии долгое время оставался греческий. (Прим. автора)

[2] Подобное положение дел некоторые исследователи именуют «сегментом изоляции»: [13].

[3] См., напр.: [14].

8. Орешкова С. Ф. Османская имперская государственность и её вассальные территории // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы). – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2014. 608 с. – С. 544 – 550. – EDN SITCAR.

9. Орешкова С. Ф. Османская система религиозных обществ и ее роль в создании имперской структуры и судьбах нетурецких народов империи // Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции. – М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2010. – 480 с. – С. 436 – 446. – EDN PUNQPP.

10. Νανάκης Α. Το Οικουμενικό Πατριαρχείο στην Ύστερη Οθωμανική Αυτοκρατορία: Από τό Γένος και Έθναρχία στό Έθνος / Άνδρέας Νανάκης, Μητροπολίτης Άρκαλοχωρίου, Καστελλίου καί Βιάννου, Καθηγητής Θεολογικής Σχολής Θεσσαλονίκης. — Θεσσαλονίκη, Ελλάδα: Εκδόσεις Μπαρμπουνάκη, 2013. – 428 σ.

11. Cavarnos, C. The Ecumenical Patriarchate and the Question of Greek-Turkish Relations Through the Centuries / Constantine Cavarnos. – Etna, California. Center for Traditionalist Orthodox Studies. – 2010. – 98 p.

12. Υφαντίδης Ε. Οικουμενικό Πατριαρχείο και Πολιτικές Δυνάμεις: από τη Συνδιάσκεψη της Εκλογή του Πατριάρχη Βασίλειου Γ' / Αρχμ. Ευάγγελος Στ. Υφαντίδης. – Καβάλα, Ελλάδα – Βενετία, Ιταλία: Πατριαρχικόν Ίδρυμα Πατερικών Μελετών, 2014. – 512 σ.

13. Варьяш И. И. Сарацины под властью арагонских королей. Исследование правового пространства XIV в. – СПб: ЕВРАЗИЯ, 2016. – 390 с.

14. Федосов И. В. Изменение правового положения немусульманского населения Османской империи в контексте реформ Танзимата // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2023. – № 4. – С. 44-49. DOI: 10.22394/2074-7306-2023-1-4-44-49

15. Inalcık U. Tanzimat ve Bulgar Meselesi. Ankara. 1943. 194 s..

16. Yıldırımer Ş. Mecelle'ye yöneltilen tenkitler ve bu tenkitlerin degerlendirmesi (Критика Маджаллы и ее анализ) // C.Ü. İlahiyat Fakültesi Dergisi 2012, Cilt:XVI, Sayı:2. Sayfa: 417-445.

References

1. Zelenev E. I., Ilyushina M. The Theory of Jihad and its Evolution in the Pre-Ottoman Period / E. Zelenev. In: *Caucaso-Caspica: Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian-Armenian University,* Yerevan, September 12-17, 2019 / Edited by Garnik Asatryan. Volume issue IV. Yerevan: Russian-Armenian (Slavic) University; 2019. Pp. 1-12. EDN KNMCBU. (In Russ.)

2. Zelenev E. I., Isaev L. M. Development of the Concept of Jihad: Minimalism and Maximalism in Islam. *Polity: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics).* 2019; 4(95):111–131. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-95-4-111-131. (In Russ.)

3. *The Holy Quran.* Part I: repr. ed. / trans. from Arabic by G.S. Sablukov. Moscow: Ingria, 1990. (In Russ.)

4. Cardini F. *The Origins of Medieval Chivalry:* Trans. from Italian / Introduction by V. I. Ukolova. General ed. by V. I. Ukolova and L. A. Kotelnikova. – Moscow: Progress; 1987. 384 p. (In Russ.)

5. Rapoport Y. *Marriage, Money and Divorce in Medieval Islamic Society*. – New York: Cambridge University Press; 2005. – 155 p.

6. Fadeeva I. L. *The Concept of Power in the Middle East. Middle Ages and Modern Times.* Second Edition. – Moscow: Publishing Firm "Eastern Literature" of the Russian Academy of Sciences; 2001. – 285 p. (In Russ.)

7. Fedosov I. V. The Emergence of the Millet System in the Ottoman Empire: Legal Pluralism in a Heterogeneous Society. *Theory and Practice of Social Development.* 2023;11(187:335–340. DOI: 10.24158/tipor.2023.11.44. (In Russ.)

8. Oreshkova S. F. Ottoman imperial statehood and its vassal territories. In: *State, society, international relations in the Muslim East (Afghanistan, Iran, Pakistan, Turkey, ethnic Kurdistan, neighboring Muslim regions).* – Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Kraft+, 2014. 608 p. Pp. 544–550. EDN SITCAR. (In Russ.)

9. Oreshkova S. F. Ottoman system of religious societies and its role in the creation of the imperial structure and the fate of non-Turkish peoples of the empire. In: *Russia and the Islamic world: historical*

retrospective and modern trends. – Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Kraft+, 2010. 480 p. Pp. 436–446. – EDN PUNQPP. (In Russ.)

10. Νανάκης Α. Το Οικουμενικό Πατριαρχείο στην Ύστερη Οθωμανική Αυτοκρατορία: Από τό Γένος και Έθναρχία στό Έθνος / Άνδρέας Νανάκης, Μητροπολίτης Άρκαλοχωρίου, Καστελλίου καί Βιάννου, Καθηγητής Θεολογικής Σχολής Θεσσαλονίκης. – Θεσσαλονίκη, Ελλάδα: Εκδόσεις Μπαρμπουνάκη, 2013. – 428 σ. (In Greek)

11. Cavarnos, C. *The Ecumenical Patriarchate and the Question of Greek-Turkish Relations Through the Centuries* / Constantine Cavarnos. – Etna, California. Center for Traditionalist Orthodox Studies; 2010. – 98 p.

12. Υφαντίδης Ε. Οικουμενικό Πατριαρχείο και Πολιτικές Δυνάμεις: από τη Συνδιάσκεψη της Εκλογή του Πατριάρχη Βασίλειου Γ' / Αρχμ. Ευάγγελος Στ. Υφαντίδης. – Καβάλα, Ελλάδα – Βενετία, Ιταλία: Πατριαρχικόν Ίδρυμα Πατερικών Μελετών, 2014. – 512 σ. (In Greek)

13. Varyash I. I. *Saracens under the rule of the Aragonese kings. Study of the legal space of the 14th century.* – St. Petersburg: EURASIA, 2016. – 390 p. (In Russ.)

14. Fedosov I. V. Changes in the legal status of the non-Muslim population of the Ottoman Empire in the context of the Tanzimat reforms. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2023;(4):44–49. DOI: 10.22394/2074-7306-2023-1-4-44-49. (In Russ.)

15. Inalcık U. *Tanzimat ve Bulgar Meselesi.* Ankara. 1943. 194 s. (In Turkish)

16. Yıldırımer Ş. Mecelle'ye yöneltilen tenkitler ve bu tenkitlerin degerlendirmesi. *C.Ü. İlahiyat Fakültesi Dergisi.* 2012, Cilt: XVI, Sayı:2. Sayfa: 417-445. (In Turkish)

Информация об авторе

И. В. Федосов – старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства юридического факультета, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления; старший преподаватель кафедры ближневосточных и африканских исследований Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге.

Information about the author

I. V. Fedosov – Senior Lecturer, Department of Theory and History of Law and State, Faculty of Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management; Senior Lecturer, Department of Middle Eastern and African Studies, Institute of Oriental and African Studies, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.07.2025; одобрена после рецензирования 01.09.2025; принята к публикации 02.09.2025.
The article was submitted 26.07.2025; approved after reviewing 01.09.2025; accepted for publication 02.09.2025.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 79–87
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(3):79–87
Проблемы международного, гражданского и предпринимательского права
Научная статья
УДК 347.63
EDN VLPTOW

О реализации права усыновленного на информацию о своих биологических родителях: соотношение российского и международного подхода

Елена Алексеевна Левицкая[1], Татьяна Алексеевна Пасикова[2]

[1, 2]Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
[2]Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Ростовский филиал, Ростов-на-Дону, Россия,
[1]ealevickaya@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0001-7051-5454
[2]Tatyana-plotko@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-5748-3264

Аннотация

Введение. В мировой практике все большее распространение получает позиция о необходимости свободного сообщения заинтересованным лицам информации о произведенном усыновлении. Такая позиция уже реализуется в ряде стран путем открытого и безусловного предоставления усыновленному ребенку доступа к документам о его рождении (причем и до достижения им совершеннолетия), а также через стремление к полному переходу к процедурам «открытого» усыновления. В нашей стране законодатель продолжает придерживаться подхода сохранения тайны усыновления. Признавая, что резкая смена законодательной парадигмы не отвечает интересам современного российского общества, следует отметить, что потребность в определенных изменениях присутствует, в частности, в упрощении получения сведений о биологических родственниках ребенком, который был усыновлен.

Цель. Анализ существующих проблем законодательного регулирования и практики его применения в сфере предоставления информации об усыновлении, необходимости сохранения тайны усыновления. Разработка предложений по совершенствованию правового регулирования с целью повышения эффективности защиты прав и интересов физических лиц, которые были усыновлены.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общие и специальные методы познания: диалектический, аналитический, формально-логический, а также сравнительно-юридический. Помимо традиционного изучения нормативных актов и судебной практики, анализировалась информация, содержащаяся в сети Интернет - на сайтах государственных органов (информационно-аналитический портал реестр ЗАГС, сайты Судебного департамента, Конституционного и Верховного суда РФ, сайты органов опеки), в том числе и на аналогичных ресурсах зарубежных стран.

Выводы. Требуется пересмотр законодательной позиции об ограничении права усыновленного (а в дальнейшем и его потомков) на получение информации о биологических родственниках. Представляется необходимым концептуальное признание возможности участия государственных институтов в обмене информацией между усыновленными и биологическими родственниками в дальнейшем при развитии геномной регистрации. Регулирование рассматриваемых отношений должно опираться на учет мирового опыта, как в сфере правового регулирования, так и в сфере анализа воздействия развития технологий на доступ населения к информации.

© Левицкая Е. А., Пасикова Т. А., 2025

Ключевые слова: усыновители, усыновленный, тайна усыновления, права усыновленного, биологическая идентичность, биологические родственники, открытое усыновление, закрытое усыновление, семейные отношения, право на информацию

Для цитирования: Левицкая Е. А., Пасикова Т. А. О реализации права усыновленного на информацию о своих биологических родителях: соотношение российского и международного подхода // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 79–87. EDN VLPTOW

Problems of International, Civil and Business law

Original article

On the realization of an adopted child's right to information about his biological parents: the relationship between the Russian and international approaches

Elena A. Levitskaya[1], Tatiana A. Pasikova[2]

[1, 2]Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
[2]Lebedev Russian State University of Justice, Rostov Branch, Rostov-on-Don, Russia
[1]ealevickaya@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0001-7051-5454
[2]Tatyana-plotko@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-5748-3264

Abstract

Introduction. In world practice, the position of the need for free communication of information about the adoption to interested parties is becoming more widespread. This position is already being implemented in a number of countries by openly and unconditionally providing an adopted child with access to birth documents (and even before reaching adulthood), as well as by striving for a full transition to "open" adoption procedures. In our country, the approach of maintaining the secrecy of adoption has been preserved. Recognizing that an abrupt change in the legislative paradigm does not meet the interests of modern Russian society, it should be noted that there is a need for certain changes, in particular, to simplify obtaining information about biological relatives of a child who was adopted.

Goal. The analysis of the existing problems of legislative regulation and the practice of its application in the field of providing information about adoption, the need to preserve the secrecy of adoption. Development of proposals for improving legal regulation in order to increase the effectiveness of protecting the rights and interests of individuals who have been adopted.

Materials and methods. The methodological basis of the research was made up of general and special methods of cognition: dialectical, analytical, formal-logical, as well as comparative-legal. In addition to the traditional study of regulations and judicial practice, the information contained on the Internet was analyzed - on the websites of government agencies (the Registry Office information and analytical portal, the websites of the Judicial Department, the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation, the websites of guardianship authorities), including similar resources from foreign countries.

Conclusions. A review of the legislative position on limiting the right of an adopted child (and later his descendants) to receive information about biological relatives is required. It seems necessary to conceptually recognize the possibility of government institutions participating in the exchange of information between adopted children and biological relatives in the future during the development of genomic registration. The regulation of these relations should be based on international experience, both in the field of legal regulation and in the analysis of the impact of technology development on public access to information.

Keywords: adoptive parents, adopted child, secret of adoption, rights of the adopted child, biological identity, biological relatives, open adoption, closed adoption, family relations, right to information

For citation: Levitskaya E. A., Pasikova T. A. On the realization of an adopted child's right to information about his biological parents: the relationship between the Russian and international approaches. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(3):79–87. (In Russ.). EDN VLPTOW

Введение

Вопросы отношений родителей и детей находятся в фокусе внимания законодателей во всем мире. Прошло всего лишь около ста лет с тех пор, когда дети не воспринимались самостоятельными субъектами права, а на протяжении тысячелетий рассматривались как продолжение (а то и принадлежность) родителей. Всеобщая декларация прав ребенка от 20.11.1959 года[1] провозгласила целый ряд прав детей в качестве безусловных. В их числе и право на полное и гармоничное развитие его личности, что общепризнанно наилучшим образом реализуется именно при воспитании в семье.

В настоящее время, особенно учитывая мировой кризис рождаемости, обеспечение наилучшего (семейного) воспитания (но именно в здоровой семье) для всех детей, в том числе по разным причинам оставшихся без попечения родителей, занимает приоритетное место.

В идеале, утративший попечение биологического родителя ребенок, обретает новую семью путем усыновления, что юридически, фактически и социально должно быть идентично кровнородственным семейным отношениям. Длительное время это было так и именно тайна усыновления наилучшим образом способствовала сохранению подобного восприятия.

Но современное развитие технологий привело к появлению ситуаций, когда сохранение тайны усыновления приводит к нарушению прав на жизнь и здоровье усыновленного ребенка. Возможность выявления семейного анамнеза занимает первоочередное по важности место при диагностировании целого ряда заболеваний, выборе лечения (в том числе путем трансплантологии) и планировании детей.

Также традиционным вопросом не только для юридической сферы, но и для психологической, социальной, политической является определение баланса между тайной усыновления и правом ребенка знать своих родителей. Базовые акты как национальные, так и международные, закрепляют право ребенка знать своих родителей как основное. Конвенция ООН о правах ребенка (ст. 7) в качестве ограничителя употребляет формулировку «насколько это возможно», СК РФ (п. 2 ст. 54)[2] содержит более конкретное исключение – противоречие интересам ребенка. Большое внимание уделяется праву приемных детей знать о своем происхождении, что противопоставляется праву биологических родителей оставаться анонимными (ст. 12 КПР, Европейская конвенция 2008 года[3]).

Цель исследования – учитывая данные факторы, предполагается необходимым в нашей стране пересмотреть понимание принципа тайны усыновления и механизмы получения информации о своем биологическом родстве, прежде всего в отношении усыновленных детей. Стоит отметить, что указанная дилемма соотношения различных прав и интересов усыновленного, усыновителей и биологических родителей, при соблюдении и раскрытии тайны усыновления, присутствует не только в нашей стране, но и во всем мире. Соответственно представляет интерес пути и результаты решения данного вопроса в иных странах, с возможностью имплементации удачных законодательных механизмов в отечественное право.

Гипотеза исследования - следует законодательно установить конкретный (упрощенный) механизм получения усыновленным ребенком сведений о своей биологической семье (родителях), путем внесения изменений в ст. 47 ФЗ «Об актах гражданского состояния»[4] и фиксации в СК РФ соответствующей нормы.

---

[1] «Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI, 1993.

[2] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

[3] Европейская конвенция об усыновлении детей (пересмотренная) (CETS № 202) (Заключена в г. Страсбурге 27.11.2008) // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»// Собрание законодательства РФ. 24.11.1997. № 47. Ст. 5340.

Материалы и методы

Данное исследование основано на анализе нормативно-правовых актов (Декларация прав ребенка, СК РФ, ГПК РФ[1], ФЗ «Об актах гражданского состояния», ФЗ «О персональных данных»[2]) и материалов судебной практики (в основном, актов Верховного и Конституционного судов РФ) как российских, так и иных стран.

Методология исследования предполагает изучение материалов, положенных в основу исследования, в рамках сравнительно-юридического и логического метода, а также системного подхода. При формулировании выводов был применен метод правового прогнозирования и логический метод.

Результаты и обсуждение

Тайна усыновления – это понятие, которое неразрывно связано с сохранением конфиденциальности информации о процессе усыновления и личных данных усыновителей, усыновленных детей и их биологических родителей. Тайна усыновления является очень значимым аспектом процесса усыновления, что подтверждается тем, что она предусмотрена (или была предусмотрена) фактически во всех мировых правовых системах [1, с. 289].

Соблюдение тайны важно для сохранения психологического и эмоционального состояния усыновленных детей. Также тайна усыновления необходима для нормального существования семьи, благополучного развития усыновленного несовершеннолетнего, сохранения спокойствия лиц, не являющихся кровными родственниками.

Необходимость соблюдения тайны усыновления закреплена в ст. 139 СК РФ, в которой говорится: «Судьи, вынесшие решение об усыновлении ребенка, или должностные лица, осуществившие государственную регистрацию усыновления, а также лица, иным образом осведомленные об усыновлении, обязаны сохранять тайну усыновления ребенка». Разглашение тайны усыновления заключается в извещении любого лица либо в устной либо в письменной форме о факте усыновления какого-то лица, а также в сообщении усыновленному о том, что его мама и папа являются усыновителями.

Основной непосредственный объект нарушения тайны усыновления - охраняемые законом интересы семьи и формирование и развитие личности ребенка [2, с. 180] В качестве дополнительных объектов выступают, с одной стороны, закрепленное в Конституции РФ право на неприкосновенность частной жизни человека, включающее в себя право на семейную тайну (ст. 23, 24)[3], а с другой – нормальная, отвечающая закону деятельность организаций и учреждений, представители которых непосредственно вовлечены в процесс усыновления либо иным образом осведомлены о данном факте.

Обеспечение тайны усыновления – это комплекс правовых норм и мер организационного и иного характера, направленных на сохранение конфиденциальности информации о процессе усыновления и личных данных участников этого процесса. Все меры, направленные на обеспечение тайны усыновления можно и нужно условно подразделить на меры процессуального и на меры материально-правового характера.

Обеспечение тайны усыновления важно для защиты прав и интересов всех участников усыновительного процесса – усыновленных детей, биологических родителей и усыновителей.

В нашей стране конфиденциальность информации об усыновлении предусмотрена на всех этапах рассматриваемой процедуры. Все органы и должностные лица, задействованные в усыновлении, обязаны соблюдать законы о защите личных данных и не разглашать информацию без согласия участников усыновления, что особо детально регламентируется на заключительной ступени – судебном утверждении усыновления. ГПК РФ предусматривает

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006.№ 31 (1 ч.). Ст. 3451.

[3] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). - http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

обеспечивающие тайну усыновления нормы как в гл. 29, специально посвященной усыновлению (удочерению) детей, так и в иных статьях, регламентирующих отдельные аспекты рассмотрения и разрешения данных дел (например, ст. 10 – гласность судебного разбирательства).

В соответствии с п. 1 ст. 135 ГПК РФ, для обеспечения конфиденциальности усыновления усыновители имеют право запросить изменение даты рождении и места рождения усыновленного ребенка, а также внесения записи об усыновителях в графу «родители» усыновляемого ребенка. В настоящее время доступ к архивам с информацией о усыновлении ограничен и разрешен только на основании судебного решения и/или при соблюдении определенных условий.

Таким образом, соблюдение тайны усыновления предусматривалось на протяжении длительного времени и традиционно являлось неотъемлемой частью данного правового института. Однако в настоящее время существует точка зрения, что неинформирование ребенка о том, что он усыновлен, не только не отвечает его интересам, но и вредит, нарушает его права и свободы [3, с. 21].

Как указывают приверженцы этой позиции, когда ребенок внезапно узнает о том, что он был усыновлен, это причиняет гораздо больший вред его психологическому состоянию и отношениям с усыновителями, в противовес ситуации, когда об усыновлении ему известно от самих усыновителей и является принятой и привычной информацией [4].

Также некоторые авторы поднимают вопрос о том, что отсутствие у ребенка информации о биологической семье может нарушать его интересы в сфере охраны здоровья, доступ к корням и семейным истокам, право на самоопределение [5, с. 709–710].

В зарубежной практике вопрос снятия тайны усыновления также стоит на повестке дня.

В тематическом докладе комиссара по правам человека совета Европы «Усыновление и дети в контексте защиты прав человека» анализируется практика ЕСПЧ, в том числе рассмотрение судом вопросов о праве усыновленного на доступ к информации о своем происхождении. При рассмотрении заявления о раскрытии информации о биологической матери гражданки Франции, которая была удочерена в 4 года, суд признал, что право человека знать о своем происхождении является основополагающим, но попытался сохранить баланс между его соблюдением и соблюдением права матери оставаться анонимной. Итогом стало предоставление заявительнице информации, которая позволила ей выяснить общие сведения о своих биологических корнях без конкретной идентификации матери[1].

Так в большинстве стран ЕС усыновленный ребенок обладает правом на получение информации о своем усыновлении. Механизмы реализации права достаточно просты. Как правило они связаны с достижением определенного возраста (иногда достаточно небольшого, например, в Бельгии это 12 лет). Но, например в Германии тайна усыновления может быть открыта только в том случае, если того требуют общественные интересы[2].

Законодательство Италии запрещает доступ к сведениям, касающимся матери, которая заявила при рождении, что желает остаться неназванной. При этом уточняется, что при достижении 25 лет усыновленный (или раньше, если есть уважительные причины) получает всю информацию о своих родителях в любом случае. К уважительным причинам, в частности, относится ситуация, когда его приемные родители умерли или найти их не представляется возможным [6, с. 211].

Необходимость обращаться в суд и (или) получать согласие биологических родителей предусмотрена скорее как исключение, а не как правило, чаще всего лицу просто открывается доступ к необходимой информации.

---

[1] Thematic report of the Commissioner for Human Rights of the Council of Europe «Adoption and children in the context of human rights protection» Thematic reports - Documents - Commissioner for Human Rights - Commissioner for Human Rights. - https://www.coe.int/ru/web/commissioner/issue-papers

[2] Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. (1896) Bürgerliches Gesetzbuch [The Civil Code]. [Online] Available from: http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/bgb/gesamt.pdf.

Указанный свободный порядок в последнее время получает все большее распространение и по штатам в США (например, в Нью-Йорке с 2020 года любой гражданин, по достижении 18 лет вправе получить свое заверенное свидетельство о рождении) [7, с. 112].

Учитывая повсеместное распространение современных технологий и широкий доступ к анализам ДНК, повзрослевший ребенок может самостоятельно выяснить отсутствие кровного родства со своими усыновителями. В ныне действующем российском законодательстве не содержится положений о возможном раскрытии сведений об усыновлении как биологическим родителям и иным членам биологической семьи, так и самому усыновленному.

В настоящее время усыновление может быть открытым (когда исходная семья ребенка сохраняет связь с ним и усыновители могут знать его происхождение) или закрытым (когда личная информация о происхождении ребенка остается конфиденциальной) [8, с. 41].

Указанные термины в настоящее время не имеют юридического наполнения в нашей стране, несмотря на то что, были упомянуты в Указе Президента РФ № 761 от 01.06.2012 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017»[1], где объявлялось о необходимости перехода к «системе открытого усыновления с отказом от тайны усыновления».

Естественно, когда усыновление происходит в сознательном возрасте ребенка, сохранение тайны является формальным условием. Но стоит отметить, что ни в ГПК РФ, ни в СК РФ, ни в других актах или материалах судебной практики необходимость сохранения тайны усыновления, а также сама процедура, предполагающая закрытый характер, не ставится в зависимость от возраста усыновляемого ребенка или осознания им факта усыновления. Тайна усыновления сформулирована законодателем как безусловный императив. В свою очередь то обстоятельство, что ребенку известен факт его усыновления (что, в частности, имеет место в случаях, предусмотренных ст. 132 СК РФ, согласно которой для усыновления ребенка, достигшего 10-летнего возраста, необходимо его согласие), не исключает ответственности лица, разгласившего тайну усыновления.

Представляется необходимым отметить также, что СК РФ не ограничивает обязанность соблюдения тайны усыновления какими-либо сроками, поэтому достижение усыновленным совершеннолетия не влияет на правовую оценку данного правонарушения, а точнее нарушение тайны усыновления.

Правонарушитель не несет ответственности по ст. 155 УК РФ[2] в случае оглашения факта усыновления только после отмены усыновления. На обеспечение тайны усыновления направлены также нормы иных отраслей законодательства (гражданско-процессуального, трудового, социального обеспечения и др.).

Как уже отмечалось, тайна усыновления является широким понятием, которое может включать в себя не только сокрытие для посторонних лиц информации о том, что ребенок для данных родителей не является кровнорожденным, но и непредоставление информации об усыновивших лицах биологическим родителям и родственникам ребенка, а в некоторых случаях и о биологической семье ребенка лицам, которые желают его усыновить. Последний случай не характерен для современного усыновления в нашей стране, но в некоторых правовых системах существовал ранее и существует в настоящее время [9, с. 5].

Также весьма разнообразно по странам решается вопрос о предоставлении информации о биологических родственниках (прежде всего родителях) и самому усыновленному ребенку. В нашей стране долгое время такую информацию получить было практически невозможно. Так, несмотря на установление ст. 47 ФЗ «Об актах гражданского состояния» возможности получить сведения об усыновлении при наличии согласия усыновителей,

[1] Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы» // Собрание законодательства РФ. 04.06.2012. №23. Ст. 2994.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

в том числе и право ребенка получить информацию о своих биологических родителях, механизм реализации такого права является весьма сложным и предполагает необходимость совпадения множества условий.

О необходимости изменения сложившегося порядка заявляется достаточно давно. Еще в 2011 г. был представлен на рассмотрение законопроект № 604029-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового регулирования государственной регистрации актов гражданского состояния», где предлагалось расширение полномочий органов ЗАГС путем предоставления им права сообщать сведения об усыновлении по заявлению усыновленного либо по заявлению его законного представителя в случае смерти усыновителей (пункт 6 статьи 1 и пункт 12 статьи 3 законопроекта). На тот момент указанная часть законопроекта была отвергнута как не соответствующая политике соблюдения тайны усыновления и прав усыновителей [10, с. 26].

В 2015 г. было обращение в Конституционный Суд с аналогичным запросом со стороны родственников усыновленного. Но, Конституционный суд Российской Федерации в постановлении 16.06.2015 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»[1] указал на то, что возможность раскрытия сведений об усыновлении ребенка исключительно по волеизъявлению его усыновителей отвечает интересам и усыновителей и усыновленного. При этом в этом же Постановлении Конституционный суд указал, что тайна усыновления не носит абсолютный характер и при согласии усыновителей может быть раскрыта (абз. 1, 2, посл. абз. п. 4), а также указал, что «усыновленный ребенок вправе знать о происхождении своих родителей, о своих предках, эти сведения являются незаменимыми для раскрытия генетической истории семьи и выявления биологических связей… в частности при необходимости выявления (диагностики) наследственных заболеваний» (абз. 1 п. 5.1).

В настоящее время этот вопрос находится в стадии изменения понимания и восприятия. Так, Верховный Суд РФ 23 августа 2018 г. вынес решение об удовлетворении кассационной жалобы Ольги Ледешковой на решения трех судебных инстанций, отказавших ей в получении сведений о биологических родителях.

Необходимость в получении названных сведений возникла в связи с выявлением у истицы заболевания, предположительно имеющего наследственную природу. Соответственно, сведения о биологических родителях, по мнению врачей, существенным образом ускорили и улучшили бы как окончательную постановку диагноза, так и выбор методики лечения. Несмотря на то, что в данном случае у истицы наличествовало согласие усыновителей, орган ЗАГСа, а затем и три уровня судов (первая инстанция, апелляция и кассация) в удовлетворении требований отказали. Обосновали свою позицию суды указанием на то, что, во-первых, предоставление информации, содержащейся в документах, является для органа ЗАГСа правом, а не обязанностью, а во-вторых, что истица не является субъектом, которому возможно предоставление персональных данных другого лица (биологических родителей).

Таким образом, в настоящее время реальностью является существование ситуаций, где сам факт усыновления уже не является тайной, но получить сведения о своих биологических родственниках для усыновленного ребенка весьма непросто.

Однако, следует учитывать, что при введении механизмов предоставления информации усыновленному ребенку о его биологических родителях следует оставлять в зоне внимания вопрос обеспечения прав усыновителей и биологических родственников, что требует дополнительной проработки.

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной» // Собрание законодательства РФ. 29.06.2015. № 26. Ст. 3944.

Выводы

Право должно учитывать изменения, происходящие во всех сферах общественной жизни. Тайна усыновления длительное время способствовала наилучшему обеспечению прав всех участников отношений в сфере усыновления, но в настоящее время следует изменить некоторые аспекты ее существования. Это представляется важным в целях обеспечения сохранности высокого уровня защиты всех прав и интересов (а не только семейных) усыновителей, усыновленных и биологических родственников усыновленного ребенка.

Не оспаривая необходимость сохранения института тайны усыновления и значимость его для достижения целей усыновления, представляется, что назрела потребность в разработке механизмов как раскрытия информации об усыновлении в определенных случаях, так и упрощения доступа усыновленного к получению информации о своих биологических корнях. В качестве первоочередных шагов представляется необходимым внести изменения в ст. 47 ФЗ «Об актах гражданского состояния» путем исключения обязательного согласия усыновителей для предоставления информации по требованию усыновленного или его законного представителя.

Список источников

1. Некрасова Е. В., Ульянов А. Ю. Тайна усыновления в сравнительно-правовом аспекте // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). №1. С. 288–292.

2. Ботчаева М.А. Тайна усыновления в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 181–188.

3. Комиссарова Е. Г. Тайна усыновления в семейном праве постмодерна: новые подходы к старым канонам // LEX RUSSICA. 2022. Т. 75. № 3. С. 19–33. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.019-033.

4. Лижье Ф., Боди Лоусон Ф., Ламурет М., Жигер С. Э., Лесаж А., Сеген М. Сравнение детских характеристик приемных и не приемных детей, покончивших с собой. Front Psychiatry. 2022; 13:756306. DOI: 10.3389/fpsyt.2022.756306

5. Лехто К., Хэгг С., Лу Д., Карлссон Р., Педерсен Н. Л., Мосинг М. А. Усыновление в детстве и психическое здоровье во взрослом возрасте: роль корреляций и взаимодействий между генами и окружающей средой в британском биобанке. Биологическая психиатрия. 2020; 87(8):708-716. DOI: 10.1016/j.biopsych.2019.10.016

6. Катионова А. О., Лукьянов Н.Е. Законодательство стран в области усыновления: опыт сравнительно-правового анализа // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 208-214.

7. Holden L. The Open Way of Open Adoption: Helping Your Child Grow Up Healthy, Rowman & Littlefield Publishing, 2013. 228 p. DOI:10.1007/s10826-015-0173-z

8. Шангареев А.Т. Правовое положение тайны усыновления в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2013. № 2. С. 41–43.

9. Adalova, Z. K. The secrecy of adoption as information of a confidential nature / Актуальные проблемы семейного права в России и зарубежных странах. Сб. трудов науч. конф. Тула, 2021. – P. 3-7. – EDN WGRZEB.

10. Садеева Г.М. Проблемы и пути совершенствования правового регулирования тайны усыновления по законодательству Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2014. № 6. С. 25–29.

References

1. Nekrasova E. V., Ulyanov A. Yu. Adoption secrecy in the comparative legal aspect. *Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science.* 2023;9(75)(1):288–292. (In Russ.)

2. Botchaeva M. A. The mystery of adoption in the Russian Federation. *Actual problems of Russian law.* 2012;(1):181–188. (In Russ.)

3. Komissarova E. G. The mystery of adoption in postmodern family law: new approaches to the old canons. *LEX RUSSICA*. 2022;75(3):19–33. DOI: 10.17803/1729- 5920.2022.184.3.019-033. (In Russ.)

4. Ligier F, Body Lawson F, Lamourette M, Giguère CE, Lesage A, Séguin M. Comparing childhood characteristics of adopted and non-adopted individuals deceased by suicide. *Front Psychiatry.* 2022; 13:756306. DOI:10.3389/fpsyt.2022.756306

5. Lehto K, Hägg S, Lu D, Karlsson R, Pedersen NL, Mosing MA. Childhood adoption and mental health in adulthood: the role of gene-environment correlations and interactions in the uk biobank. *Biological Psychiatry.* 2020;87(8):708-716. DOI:10.1016/j.biopsych.2019.10.016

6. Kationova A. O., Lukyanov N.E. Legislation of countries in the field of adoption: experience of comparative legal analysis. *Bulletin of Tomsk State University.* 2018;(427):208–214. (In Russ.)

7. Holden L. *The Open Way of Open Adoption: Helping Your Child Grow Up Healthy*, Rowman & Littlefield Publishing, 2013. 228 p. DOI:10.1007/s10826-015-0173-z

8. Shangareev A.T. The legal status of the secret of adoption in the Russian Federation. *Socio-political sciences.* 2013;(2):41–43. (In Russ.)

9. Adalova Z. K. The secrecy of adoption as information of a confidential nature. *Current problems of family law in Russia and foreign countries. Collection of proceedings of the scientific conference*. Tula; 2021. P. 3-7. – EDN WGRZEB.

10. Sadeeva G. M. Problems and ways of improving the legal regulation of the secrecy of adoption under the legislation of the Russian Federation. *Family and housing law.* 2014;(6):25–29. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. А. Левицкая – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой международного права, Южный федеральный университет.

Т. А. Пасикова – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Южный федеральный университет; доцент кафедры гражданского процессуального права, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Ростовский филиал.

Information about the authors

E. A. Levitskaya – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law, Southern Federal University.

T. A. Pasikova – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of International Law, Southern Federal University; Associate Professor of the Department of Civil Procedure Law, Lebedev Russian State University of Justice, Rostov Branch.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 28.07.2025; одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 08.09.2025.
The article was submitted 28.07.2025; approved after reviewing 05.09.2025; accepted for publication 08.09.2025.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 88–98
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(3):88–98

Original article

Regulation of algorithmic discrimination in international law: structural assessment and effectiveness of individual legal remedies from a human rights perspective

Vadiya A. Alakbarzade

Baku State University, Baku, Azerbaijan, vadiya.zadeh@gmail.com

Abstract

Introduction. Due to rapid technological development, artificial intelligence systems (AI) are increasingly used in various social and legal domains, such as recruitment, judicial decisions, and credit scoring. Although these technologies may appear neutral, the data they rely on and their learning processes often replicate and reinforce pre-existing structural biases, resulting in both direct and indirect discrimination against certain social groups.

Purpose. To analyze the issue of algorithmic discrimination arising in the decision-making processes of AI systems from the perspective of international law and human rights.

Theoretical Basis. The article explores the legal and technical dimensions of algorithmic discrimination. Legally, such discrimination does not align with traditional concepts, as the focus shifts from "intent" to "impact." This complicates legal assessment and the burden of proof. Technically, many algorithms function as "black boxes," meaning their decision-making processes are opaque, making legal intervention more difficult.

Results and Conclusions. It is argued that the current international human rights framework – including instruments such as the ICCPR and ICERD – is insufficient to address this issue. These normative gaps are due not only to technical complexity but also to weak state compliance and the absence of specific legal standards.

Individual legal protection mechanisms – such as the European Court of Human Rights (ECtHR), UN Treaty Bodies, and the Inter-American Court of Human Rights – are currently ill-equipped to respond effectively due to limited technological expertise and procedural barriers.

The article highlights the European Union's relatively advanced approach through instruments like the AI Act and GDPR, while pointing out the significant gaps that remain in the United States and Global South countries. The article concludes with recommendations, including strengthening the international legal framework, aligning national legislation, establishing specialized institutions, and mandating algorithmic impact assessment.

Keywords: Algorithmic discrimination, Artificial intelligence, Black box problem, International law, Human rights, Structural bias, Individual protection mechanisms, ICCPR, ICERD, GDPR, AI Act, Disproportionate impact, Algorithmic impact assessment

For citation: Alakbarzade V. A. Regulation of algorithmic discrimination in international law: structural assessment and effectiveness of individual legal remedies from a human rights perspective. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(3):88–98. (In Russ.). EDN VRZWPQ

© Alakbarzade V. A., 2025

Проблемы международного, гражданского и предпринимательского права
Научная статья
УДК 341
EDN VRZWPQ

Регулирование алгоритмической дискриминации в международном праве: структурная оценка и эффективность индивидуальных средств правовой защиты с точки зрения прав человека

Вадия Афган кызы Алакбарзаде
Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан, vadiya.zadeh@gmail.com

Аннотация

Введение. В связи с быстрым развитием технологий системы искусственного интеллекта (ИИ) широко применяются в различных социальных и правовых сферах: от найма сотрудников до вынесения судебных решений и оценки кредитоспособности. Несмотря на кажущуюся нейтральность этих технологий, они часто воспроизводят и усиливают существующие структурные предубеждения, что приводит к прямой или косвенной дискриминации определённых социальных групп.

Цель. Рассмотреть проблему алгоритмической дискриминации, возникающую в процессе принятия решений системами искусственного интеллекта, с точки зрения международного права и прав человека.

Теоретические основы. Статья раскрывает юридические и технические аспекты алгоритмической дискриминации. С юридической точки зрения акцент смещается с «намерения» на «последствие», что усложняет правовую оценку и распределение бремени доказывания. С технической стороны, многие алгоритмы действуют как «чёрный ящик», то есть процессы принятия решений непрозрачны, что затрудняет правовое вмешательство.

Результаты и выводы. Автор утверждает, что действующая система международного права в области прав человека – включая Международный пакт о гражданских и политических правах (ICCPR) и Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации (ICERD) – не способна эффективно регулировать проблему. Причины этого кроются как в технической сложности, так и в низком уровне обязательств государств и отсутствии конкретных правовых стандартов.

Существующие механизмы индивидуальной правовой защиты – Европейский суд по правам человека, договорные органы ООН и Межамериканский суд по правам человека – в настоящее время не обладают достаточными техническими знаниями и процессуальными возможностями для эффективного реагирования.

Отмечен относительно прогрессивный подход ЕС через Акт об ИИ и Общий регламент по защите данных (GDPR), в то время как в США и странах Глобального Юга сохраняются значительные пробелы. В завершение приводятся рекомендации по усилению международной правовой базы, адаптации национального законодательства, созданию специализированных институтов и обязательной оценке воздействия алгоритмов.

Ключевые слова: алгоритмическая дискриминация, искусственный интеллект, проблема чёрного ящика, международное право, права человека, структурные предубеждения, индивидуальные правовые механизмы, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Акт об искусственном интеллекте, непропорциональное воздействие, оценка воздействия алгоритмов

Для цитирования: Алакбарзаде В. А. Регулирование алгоритмической дискриминации в международном праве: структурная оценка и эффективность индивидуальных средств правовой защиты с точки зрения прав человека // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 88–98. EDN VRZWPQ

I. Introduction

The rapid development of artificial intelligence (AI) technologies and their integration into various aspects of daily life have significantly increased the role of algorithms and big data in decision-making processes. These systems, applied in a wide range from court decisions to recruitment processes and credit application evaluations, on the one hand, increase efficiency, but on the other hand, create serious legal and ethical problems. One of the most significant problems is algorithmic discrimination, which can lead to unfair treatment against certain groups by replicating and reinforcing existing social, historical, and political discrimination patterns [1].

Algorithmic Impact Assessment (AIA) is a systematic process used to identify, evaluate, and mitigate the potential negative impacts of artificial intelligence systems on society, individuals, and human rights. These assessments are carried out before AI systems are implemented and help in early risk detection, increasing transparency, and ensuring accountability. Models such as the Canadian Government's Algorithmic Impact Assessment Model (TBS, 2020) and the Organization for Economic Co-operation and Development's (OECD) AI System Classification Framework (2022) provide detailed guidelines on how AIA should be conducted. These models include questions that determine the impact level of AI systems and strategies to reduce risks [36–38].

Algorithmic discrimination occurs when automated systems cause unfair differential treatment or impacts based on race, color, gender, or other protected characteristics [6]. Such discrimination, despite the assumption of technological neutrality, can perpetuate social inequalities and create new patterns of discrimination [2]. For example, in 2017, Amazon's algorithm for filtering resumes used in its recruitment process was canceled because it disproportionately filtered out female candidates. This system was trained on 10 years of resumes previously submitted to Amazon and replicated a pattern where the company favored men [6]. Similarly, facial recognition algorithms showing higher error rates in dark-skinned women demonstrate how bias in databases can lead to real-life discrimination [6].

International law, especially human rights treaties, generally establishes the principle of non-discrimination, but does not specifically cover new generation forms of discrimination created by artificial intelligence systems [1]. Article 26 of the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) ensures non-discrimination by providing equal protection before the law [1]. However, the complexity of algorithmic decision-making processes, especially their "black box" nature, makes the application of these treaties difficult [1]. Algorithms make decisions in a black box, and it is almost impossible for even their designers to understand how decisions are made [1]. This indicates that the existing human rights framework is insufficient to effectively regulate algorithmic discrimination.

Furthermore, domestic AI regulations are also insufficient in addressing the shortcomings of international human rights legislation. The idea of "AI nationalism" arises from the concern that normative values will be coded into these applications, thereby shaping their functioning and also the way users think [1]. AI nationalism encourages governments to promote the interests of companies located in their territories instead of developing fair AI regulatory policies that promote the ethical use of new technology [1]. This situation further complicates the creation of a unified and effective regulatory framework at the international level.

This article aims to evaluate the existing gaps in the regulation of algorithmic discrimination in international law and the structure and effectiveness of individual legal protection mechanisms from a human rights perspective. The article will examine the legal definition and technical reality of algorithmic discrimination, analyze normative gaps in international law, assess the legal compliance of individual protection mechanisms, comparatively analyze the experiences of the EU, US, and Global South, and present alternative legal approaches and model recommendations. Consequently, the article will provide normative conclusions and recommendations for future research.

II. Algorithmic Discrimination: Legal Definition and Technical Reality

Algorithmic discrimination is characterized by artificial intelligence systems creating unfair or biased outcomes against certain groups in decision-making processes. This discrimination can arise even without direct intent, due to existing biases in the data on which the system is trained [4]. From a legal perspective, discrimination is usually measured by intent, and the burden of proof falls on the party claiming discrimination. However, in AI systems, impact rather than intent plays a key role [7]. Therefore, the "intent versus impact" dilemma makes it difficult to evaluate technology-based discrimination on legal grounds [7].

The technical reality of algorithmic discrimination is important for understanding how it arises and in what forms it manifests. Algorithms process large volumes of data (big data) to identify certain patterns and use these patterns to make predictions or decisions when new data is entered [6]. In this process, algorithms reflect the social, historical, and political conditions of the data they learn from. As a result, existing structural discrimination patterns are replicated and reinforced in the use of these AI technologies [1].

One of the main types of algorithmic discrimination is "indirect discrimination." This occurs when neutral rules or criteria are applied that disproportionately affect certain groups, even without direct discriminatory intent [4]. For example, recruitment algorithms, when trained on data from previous employees, may be biased against certain demographic groups because these groups were underrepresented in recruitment in the past [6]. In such cases, even if the algorithm itself does not intend to discriminate, its results create discrimination.

Another technical reality is the concept of "structural bias." When algorithms are trained on pre-existing data, the transfer of historically existing discrimination into the system is widespread [7]. This, from a legal perspective, requires the re-linking of the concept of "structural bias" with law in a technological context [7]. Sandra Wachter's scientific article "Why Fairness Cannot Be Automated" emphasizes that the concept of fairness cannot be automatically ensured in technological systems and highlights the importance of legal intervention [8].

Algorithmic discrimination is also related to the "black box problem." This problem is related to the lack of transparency in the algorithm's decision-making process and the difficulty of understanding its internal working mechanisms [1]. The "black box" nature of algorithms makes it difficult to determine legal responsibility due to the lack of transparency in their decision-making mechanisms. In this context, the European Union's General Data Protection Regulation (GDPR) gives individuals the right to demand an explanation of automated decisions (Article 22, Recital 71). However, the practical application of this right, especially due to the complexity of AI systems, is still a subject of discussion. In legal assessment, relying on impact (disparate impact) instead of intent is accepted as the main approach in proving discrimination caused by AI [24–26].

This lack of transparency makes it difficult to identify the source of discrimination and take legal measures to eliminate it. Data input is the only part of the algorithms' decision-making process that can be regulated. Data input may not outwardly appear discriminatory, but it can reflect existing structural discrimination patterns [1]. Due to the complexity of the issue, it cannot be solved with broad and vague definitions of human rights [1].

As a result, algorithmic discrimination is a technically and legally complex problem. Its solution requires not only a review of legal frameworks but also the adoption of more transparent and fair approaches in the design and application of technological systems. The ability of artificial intelligence systems to make autonomous decisions creates serious problems related to determining legal responsibility. Due to the "black box" nature of AI, it remains uncertain who will be held responsible in case of harm or discrimination [34–35]. Should the programmer, manufacturer, user, or the AI system itself be recognized as a legal entity? Although the European Parliament rejected the idea of giving AI legal personality, the necessity of creating responsibility mechanisms for damages caused by AI remains relevant. Existing legal systems struggle to adapt to the complex and

dynamic nature of AI, which requires new legislation and regulatory approaches. Existing legal mechanisms struggle to fully cover the dynamism and complexity of this new type of discrimination, which reduces the effectiveness of individual legal protection.

III. Normative Gaps in International Law

The problem of algorithmic discrimination is not fully regulated by normative bases in the current international legal framework. Existing human rights treaties – especially the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) and the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR) – generally establish the principle of non-discrimination, but do not specifically cover new generation forms of discrimination created by artificial intelligence systems [1]. Normative gaps in this area are even more pronounced [1].

The International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (ICERD) ensures the right of racial and ethnic groups to enjoy human rights and fundamental freedoms equally [1]. Article 1 of ICERD defines racial discrimination as "any distinction, exclusion, restriction or preference based on race, color, descent, or national or ethnic origin which has the purpose or effect of nullifying or impairing the recognition, enjoyment or exercise, on an equal footing, of human rights and fundamental freedoms in the political, economic, social, cultural or any other field of public life" [1]. This definition covers both direct discrimination related to the purpose of the behavior and indirect discrimination related to the effect of the behavior [1]. According to this definition, algorithmic discrimination will violate protected rights even if such discrimination is not intended [1].

However, there are problems with the application of these treaties. The commitment of the main state parties to these treaties is weak. Despite the existence of international legal norms, significant differences are observed between their national level application and enforcement. Many states do not fully comply with the human rights conventions they have ratified or do not adequately integrate the provisions of these conventions into their domestic legal systems. This is particularly evident in the context of new legal problems created by artificial intelligence. The differing approaches of states to AI regulation and weak compliance with international obligations make it difficult to effectively regulate the impact of AI on human rights. Reports by the UN Human Rights High Commissioner also highlight these implementation gaps and call on states to adopt legislation in line with international standards [31–33]. Many technologically advanced state parties have either not ratified fundamental human rights treaties or have not fully incorporated them into their domestic legal systems [1]. For example, China, despite signing the ICCPR on October 5, 1998, has not yet ratified it [1]. The US, on the other hand, ratified ICERD with a number of reservations, understandings, and declarations (RUDs), which implies that the US will not accept any obligation to restrict freedom of speech, expression, and association and will not adopt any regulation that attempts to regulate private conduct more strictly than what exists in US law [1].

Principles and recommendations on artificial intelligence adopted by various international organizations – for example, OECD recommendations, UNESCO's AI ethics document, and the European Union's ethical principles on AI – are not legally binding and are more in the status of "soft law" [9]. This significantly weakens individuals' legal protection opportunities as it does not impose obligations on states. This situation is also emphasized in the reports on artificial intelligence and human rights presented by the UN Human Rights High Commissioner in 2021 and 2023 [10]. These reports called on states and technology companies to develop and implement stricter legal frameworks [10].

In Global South countries, artificial intelligence regulations, in most cases, face institutional and resource limitations. This further complicates the fight against discrimination problems created by AI. For example, in countries like Nigeria, India, and Brazil, AI-related legislation is still in the development stage or existing laws do not fully cover the specific risks of AI. Although the application of AI is rapidly increasing in these countries, the lack of adequate legal frameworks and enforcement mechanisms for the protection of human rights, increases the potential negative impacts of AI. This situation further deepens the "digital divide" in AI regulation between the Global North and Global South.

Normative gaps are also related to the technical complexity of algorithmic systems. The "black box" nature of algorithms, the lack of transparency in their decision-making processes, leads to existing agreements not providing sufficient guidance on how to apply them to such complex problems [1]. This limits the ability of international law to effectively regulate algorithmic discrimination.

In conclusion, there are serious normative gaps related to algorithmic discrimination in international law. These gaps are related to the general nature of existing agreements, the weak commitment of state parties, and the technical complexity of AI systems. This situation makes it difficult for individuals to obtain effective legal protection against algorithmic discrimination and emphasizes the necessity of a stronger and more specific regulatory framework at the international level.

IV. Legal Compliance of Individual Protection Mechanisms

The extent to which legal protection avenues are accessible and effective at the international level for individuals subjected to discrimination arising from artificial intelligence systems is a separate research topic. In particular, the practical and legal response capacity of instances such as the European Court of Human Rights (ECtHR), UN Treaty Bodies (e.g., the Human Rights Committee), and the Inter-American Court of Human Rights is still limited [11].

Due to the technical and legal complexity of the issue, these instances face difficulties in identifying algorithmic systems and proving that individuals have been subjected to discrimination. The existing procedures, which place the burden of proof on the victim and require a high technical level of expertise, complicate discrimination claims [11]. Also, the lack of specialized mechanisms for technology in these instances hinders effective legal protection [11].

Although the case law of the European Court of Human Rights (ECtHR) has not directly dealt with cases related to algorithmic discrimination, its decisions on privacy and data protection can serve as a basis for future approaches in this area. For example, the case of Lopez Ribalda v. Spain raised the issue of balancing privacy and labor rights related to video surveillance systems [12]. In this case, the impact of technology on human rights was seriously discussed for the first time. This approach can also be extrapolated to the context of artificial intelligence [12].

The case of "Big Brother Watch and Others v. UK" (2021) confirmed that mass data collection programs violated Articles 8 (right to respect for private and family life) and 10 (right to freedom of expression) of the European Convention on Human Rights, emphasizing the importance of transparency and control mechanisms in states' intelligence activities. This decision plays a precedent role for the protection of human rights in large-scale data processing and decision-making processes of artificial intelligence systems [23].

UN Treaty Bodies monitor the implementation of human rights treaties and require regular reports from state parties [1]. Treaty bodies such as the UN Human Rights Committee (HRC) and the Committee on the Elimination of Racial Discrimination (CERD) have expressed concerns about the impact of artificial intelligence systems on human rights and have given specific recommendations to states. For example, CERD requires algorithmic profiling systems to be fully compliant with international human rights standards and calls on states to assess the risks that AI may cause racial discrimination. These recommendations emphasize the importance of a human rights-based approach in the development and application of AI [27–30]. Based on these reports, committees give recommendations to state parties to ensure the implementation of the treaties [1]. However, the lack of specific guidelines from these bodies regarding algorithmic discrimination limits their effectiveness. Existing agreements are insufficient to address algorithmic discrimination because they do not provide sufficient guidance on how to apply them to complex problems created by technological developments [1].

The Inter-American Court of Human Rights has also discussed issues related to the impact of AI on human rights. For example, the Inter-American Commission on Human Rights (IACHR) considered the impact of AI when discussing issues such as discrimination, xenophobia, and related intolerance [13]. However, this court has not yet formed specific case law related to algorithmic discrimination.

The legal non-compliance of individual protection mechanisms is also related to the burden of proof falling on the victim. Due to the non-transparent nature of algorithmic systems' decision-making processes, it becomes difficult for individuals to prove that they have been subjected to discrimination [1]. This is a complex process that requires legal assistance and expertise. Also, the lack of technological knowledge in judicial systems hinders the proper evaluation of such cases.

Existing individual protection mechanisms at the international level are insufficient in combating the complexity and dynamism of algorithmic discrimination. This indicates the necessity of creating new legal approaches and specialized mechanisms so that individuals can obtain effective legal protection against algorithmic discrimination.

V. Comparative Analysis: EU – US – Global South

Significant differences emerge when comparing the approaches of different legal systems to algorithmic discrimination and the effectiveness of these approaches. The European Union (EU) can be considered relatively advanced in this area. For example, within the framework of the EU AI Act, which is expected to be implemented, and GDPR, there are guarantees such as the individual's right to protection against profiling and the right to receive an explanation about how data is processed [2, 14]. One of the main objectives of the AI Act is to reduce discrimination and bias in the development, application, and use of "high-risk AI systems" [14]. The AI Act prohibits AI systems that mine facial images from the internet or CCTV footage, and identify emotions in the workplace or educational institutions [14].

GDPR provides serious guarantees in the field of data protection and increases individuals' control over their personal data. Article 22 of GDPR ensures individuals' right not to be subject to decisions based solely on automated decision-making, including profiling [7]. However, this provision does not cover broad areas of AI and mainly focuses on automated decisions that have legal consequences [7]. GDPR allows the processing of specific data for the detection of bias, but this is more restrictive than the AI Act [14].

In contrast, legislation against discrimination in the US is mainly based on principles from the civil rights movement era, and technology-focused modern approaches are weakly reflected in the legal system [6]. A specific normative basis for the legal explanation and intervention of structural distortions causing differences in AI systems has not yet been fully formed [6]. Discrimination laws in the US are mainly aimed at combating intentional discrimination, but algorithmic discrimination often occurs indirectly and does not require proof of intent [6]. Nevertheless, some states and local governments in the US have begun to adopt laws to regulate algorithmic discrimination. For example, Colorado became the first state to adopt an algorithmic discrimination law in May 2024 [15].

In Global South countries, the situation is more difficult. Here, due to weak technological infrastructure, low levels of digital literacy, and weak legal protection mechanisms, algorithmic discrimination leads to deeper social stratification [16]. Global South countries are trying to align AI regulations with international standards on human rights, justice, and accountability [16]. However, the development and application of AI in these countries mainly depend on the technologies of Global North countries, which creates regulatory difficulties.

Article 5 of the European Union's AI Act and the recommendations of the Working Party 29 on Data Protection play a reliable legal basis for comparative approaches in this area [17]. The AI Act applies a risk-based approach to minimize the impact of AI systems on human rights and imposes strict requirements for high-risk systems [18]. This can be a model for other countries, but each country's specific context and legal framework must be taken into account.

Significant differences exist in regulatory approaches to algorithmic discrimination among the EU, US, and Global South countries. While the EU adopts a more comprehensive and risk-based approach, serious gaps and difficulties still remain in the US and Global South countries. This emphasizes the importance of international cooperation and the creation of unified standards.

VI. Alternative Legal Approaches and Model Recommendation

The limited access to courts, the difficulty of adapting technological issues to legal systems, and the burden of proof problem indicate that traditional legal protection avenues against algorithmic discrimination are insufficient [19]. Therefore, the proposal of alternative mechanisms is becoming increasingly relevant.

The idea of an international ombudsman institution for AI is open for discussion in this context. Such an institution can play the role of a specialized tool for the legal evaluation of technological complaints and the protection of individuals' rights [20]. At the same time, the proposal to create a separate department for technology in the European Court of Human Rights is also on the agenda [21]. This approach can increase practical effectiveness by combining technical knowledge and expertise in human rights law.

As another mechanism, it is proposed to make "algorithmic impact assessment" (AIA) legally binding [22]. Such assessments can be a key tool for measuring the social impact of AI systems applied by the state or private sector in advance and identifying legal risks [22]. This will allow evaluating the potential impacts on human rights during the development and application of AI systems.

Strengthening the principles of transparency and explainability is also important. The "black box" nature of AI systems, the lack of transparency in their decision-making processes, makes it difficult to identify the source of discrimination [1]. Therefore, more transparency should be required to explain how algorithms work, on what data they make decisions, and what results they produce. This will allow individuals to understand and challenge automated decisions that affect them.

As a model recommendation, a multi-faceted approach to combating algorithmic discrimination is proposed. This approach should include the following elements:

1. Strengthening the International Legal Framework: Existing human rights treaties should be reviewed or new specific treaties should be developed to cover new types of discrimination created by AI. This will impose clearer obligations on states and ensure unified regulation at the international level.
2. National Legislation Harmonization: Each state should harmonize its domestic legislation with international standards and create effective protection mechanisms against algorithmic discrimination. This should cover both direct and indirect discrimination and remove the burden of proof from the victim.
3. Establishment of Specialized Institutions: Specialized institutions such as an international ombudsman institution for AI or a special department for technology in the ECtHR should be established. These institutions, by combining technical knowledge with legal expertise, will be able to handle complaints related to algorithmic discrimination more effectively.
4. Mandatory Algorithmic Impact Assessment: Mandatory algorithmic impact assessments should be conducted before the implementation of AI systems. This will allow identifying potential risks in advance and taking measures to reduce them.
5. Transparency and Explainability: More transparency should be required regarding the working mechanisms of AI systems, decision-making processes, and the data used. This will allow individuals to understand and challenge decisions that affect them.
6. Education and Awareness: Lawyers, judges, and other legal professionals should be educated about AI technologies and their impact on human rights. This will help them better handle cases related to algorithmic discrimination.

VII. Conclusion

Algorithmic discrimination is a complex problem that arises with the rapid development of artificial intelligence technologies and poses serious threats to human rights. This article has analyzed the existing gaps in the regulation of algorithmic discrimination in international law, the effectiveness of individual legal protection mechanisms, and comparative approaches in this area. The research shows that the existing international human rights framework is insufficient to fully

cover new types of discrimination created by AI. Normative gaps, burden of proof problems, and technological complexity make it difficult for individuals to obtain effective legal protection.

Although the European Union has made progress in this area with regulations such as the AI Act and GDPR, significant gaps still remain in the US and Global South countries. These differences emphasize the necessity of a unified and coordinated approach at the international level.

As a normative conclusion, the following main principles and recommendations are put forward to combat algorithmic discrimination:

1. Review of the Legal Framework: International and national legal frameworks should be reviewed or new legislative acts should be adopted to cover specific forms of discrimination created by AI. This should cover both direct and indirect discrimination and remove the burden of proof from the victim.
2. Transparency and Explainability: The decision-making processes of AI systems should be more transparent, and individuals should be given an explanation of how decisions affecting them are made. This will help solve the "black box" problem and increase accountability.
3. Accountability Mechanisms: It is important to identify the parties responsible for discrimination cases arising during the development, application, and use of AI systems and to implement effective accountability mechanisms against them.
4. Strengthening Individual Protection: Individuals should be provided with more accessible and specialized mechanisms to obtain effective legal protection against algorithmic discrimination. This may include the establishment of institutions such as an international ombudsman institution or special court departments.
5. International Cooperation: Since algorithmic discrimination is a global problem, international cooperation and the creation of unified standards are important. This will ensure compatibility between different legal systems and promote the ethical and human rights-compliant development of AI.
6. These recommendations will play a key role in minimizing the impact of artificial intelligence on human rights and creating a stronger defense framework against algorithmic discrimination. Future research should delve deeper into the normative gaps in this area and propose innovative legal solutions that adapt to the rapid development of AI.

References

[1] Ma, Z. (2024, February). The Inadequacy of the Current International Human Rights Regime for Algorithm Discrimination. *Michigan Journal of International Law.* https://www.mjilonline.org/theinadequacy-of-the-current-international-human-rights-regime-for-algorithm-discrimination/

[2] Wójcik, M. A. (2022). Algorithmic Discrimination in Health Care: An EU Law Perspective. *Health and Human Rights,* 24(1), 93–103. https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9212826/

[3] Xenidis, R. (2023). When computers say no: towards a legal response to algorithmic discrimination in Europe. In: *Research Handbook on Law and Technology.* Edward Elgar Publishing. https://www.elgaronline.com/edcollchap/book/9781803921327/chapter14.xml

[4] Chen, X. (2024). Algorithmic proxy discrimination and its regulations. *Computer Law & Security Review.* https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0267364924000876

[5] Ma, Z. (2024, February). The Inadequacy of the Current International Human Rights Regime for Algorithm Discrimination. *Michigan Journal of International Law.* https://www.mjilonline.org/theinadequacy-of-the-current-international-human-rights-regime-for-algorithm-discrimination/

[6] Bains, C. (2024, September 13). *The legal doctrine that will be key to preventing AI discrimination. Brookings.* https://www.brookings.edu/articles/the-legal-doctrine-that-will-bekey-to-preventing-ai-discrimination/

[7] Falletti, E. (n.d.). Algorithmic Discrimination and Privacy Protection. *Law Journal.* https://www.lawjournal.digital/jour/article/view/185

[8] Wachter, S., Mittelstadt, B., & Russell, C. (2020). Why Fairness Cannot Be Automated: Bridging the Gap Between EU Non-Discrimination Law and AI. *SSRN.* https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3547922

[9] UNESCO. (n.d.). *Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence.* Retrieved from https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics

[10] OHCHR. (2021). *The right to privacy in the digital age (focus on artificial intelligence),* A/HRC/48/31. https://www.ohchr.org/en/calls-for-input/2021/right-privacy-digitalage-report-2021

[11] OHCHR. (2023). *Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights.* https://docs.un.org/en/A/78/36

[12] European Court of Human Rights. (n.d.). Lopez Ribalda and Others v. Spain. Retrieved from https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-197467

[13] Inter-American Commission on Human Rights. (2025, April 22). *Artificial Intelligence and Human Rights: our contributions to….* https://www.tedic.org/en/ai_iachr2025/

[14] European Parliament. (2025, February 26). *Algorithmic discrimination under the AI Act and the GDPR*. https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_ATA(2025)769509

[15] Employment Law Watch. (2024, August 22). *Employers beware: AI-based workplace discrimination laws are coming to the U.S.* https://www.employmentlawwatch.com/2024/08/articles/employment-us/employers-beware-aibased-workplace-discrimination-laws-are-coming-to-the-u-s/

[16] Institute for Global Change. (2025, February 6). *How Leaders in the Global South Can Devise AI Regulation That Enables Innovation.* https://institute.global/insights/tech-anddigitalisation/how-leaders-in-the-global-south-can-devise-ai-regulation-that-enables-innovation

[17] Working Party 29. (n.d.). Guidelines on Automated individual decision-making and Profiling for the purposes of Regulation 2016/679. https://ec.europa.eu/newsroom/article29/items/612112/en

[18] European Commission. (2021, April 21). *Proposal for a Regulation laying down harmonised rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act)*. https://eurlex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206

[19] Falletti, E. (n.d.). Algorithmic Discrimination and Privacy Protection. *Law Journal.* https://www.lawjournal.digital/jour/article/view/185

[20] International Ombuds Association. (n.d.). Organizational Ombuds and Artificial Intelligence. https://www.ombudsassociation.org/index.php?option=com_dailyplanetblog&view=entry&year=2024&month=05&day=15&id=300:organiznationalombuds-and-artificial-intelligence

[21] Council of Europe. (n.d.). CAHAI - Ad hoc Committee on Artificial Intelligence. https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/cahai

[22] Access Now. (n.d.). Algorithmic Impact Assessments. https://www.accessnow.org/cms/assets/uploads/2020/06/Algorithmic-Impact-Assessments-Access-Now.pdf

[23] Big Brother Watch and Others v. UK, App. Nos. 58170/13, 62322/14, 24960/15, ECHR 2021

[24] EU GDPR, Article 22 and Recital 71.

[25] Bathaee, Y. (2018). The Artificial Intelligence Black Box and the Failure of Intent and Causation. *Harvard Journal of Law & Technology*, 31(2), 889-931.

[26] Metikoš, L., & Ausloos, J. (2025). The Right to an Explanation in Practice: Insights from Case Law for the GDPR and the AI Act. *Law, Innovation and Technology*.

[27] UN Committee on the Elimination of Racial Discrimination (CERD). (2020). *General Recommendation No. 36 on preventing and combating racial profiling by law enforcement officials*. (CERD/C/GC/36).

[28] UN Human Rights Committee (HRC). (2020). *General Comment No. 37 on the right to peaceful assembly* (Article 21). (CCPR/C/GC/37).

[29] Balcerzak, M. (2024). Implications of the United Nations human rights standards for the development of artificial intelligence. In: *Artificial Intelligence and International Human Rights Law* (pp. 147-168). Edward Elgar Publishing.

[30] Rodrigues, R. (2020). Legal and human rights issues of AI: Gaps, challenges and vulnerabilities. *Journal of Responsible Technology,* 4, 100005.

[31] Smuha, N. A. (2021). Beyond a human rights-based approach to AI governance: Promise, pitfalls, plea. *Philosophy & Technology*, 34, 151-177.

[32] UN OHCHR. (2021). The Right to Privacy in the Digital Age. (A/HRC/48/31).

[33] Chesterman, S. (2020). Artificial intelligence and the limits of legal personality. *International & Comparative Law Quarterly*, 69(4), 833-852.

[34] Felder, R. M. (2021). Coming to terms with the black box problem: how to justify AI systems in health care. *Hastings Center Report*, 51(3), 34-42.

[35] Turner, J. (2018). Legal personality for AI. In: *Robot Rules: Regulating Artificial Intelligence* (pp. 69-82). Springer.

[36] OECD. (2022). *OECD Framework for the Classification of AI Systems*. OECD Publishing.

[37] Treasury Board of Canada Secretariat (TBS). (2020). *Algorithmic Impact Assessment.* Government of Canada.

[38] Ada Lovelace Institute. (2022). *Algorithmic impact assessment: user guide*.

Информация об авторе

Алакбарзаде В. А. – аспирант, юридический факультет, кафедра ЮНЕСКО прав человека и информационного права, Бакинский государственный университет.

Information about the author

Alakbarzade V. A. – PhD student, Faculty of Law, UNESCO Department of Human Rights and Information Law, Baku State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.07.2025; одобрена после рецензирования 01.09.2025; принята к публикации 03.09.2025.
The article was submitted 17.07.2025; approved after reviewing 01.09.2025; accepted for publication 03.09.2025.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 99–110
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(3):99–110
Проблемы международного, гражданского и предпринимательского права
Научная статья
УДК 347
EDN VWSUFJ

Аренда земельного участка сельскохозяйственного назначения: вопросы паритета

Ольга Георгиевна Ломидзе[1], Эдуард Юрьевич Ломидзе[2]

[1, 2]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия
[1]lomidze-og@ranepa.ru [2]lomidze-ey@ranepa.ru

Аннотация

Введение. В сфере оборота земельных участков сельскохозяйственного назначения наблюдается острый конфликт интересов крупных агропромышленных организаций, выступающих в качестве арендатора земельных участков и собственников участков, выступающих в договоре аренды в качестве арендодателей с множественностью лиц на этой стороне договора.

Цель. Проанализировать динамику законодательных решений и правоприменительной практики в сфере аренды земельных участков сельскохозяйственного назначения с акцентом на поиск баланса интересов сторон в ситуации множественности лиц на стороне арендодателя; обсудить возможности арендатора в приобретении объекта аренды в собственность.

Материалы и методы. В ходе исследования были использованы такие общенаучные методы, как анализ, дедукция, аналогия, диалектический метод. Теоретическую основу работы составляют труды отечественных ученых, посвященные исследованию методологических категорий гражданского права. Среди них Алексеев С. С., Ем В. С., Зеккель Э., Суханов Е. А., Скловский К. И., Чупрунов В. С. и др.

Результаты. Проведено исследование вопросов паритета сторон договора аренды земельного участка сельскохозяйственного назначения при множественности лиц на стороне арендодателя. Рассмотрены распорядительные возможности отдельного соарендодателя. Проанализированы законодательные решения, защищающие интерес арендатора в продолжении владения объектом аренды. Оценены последствия согласования в договоре аренды преимущественного права арендатора приобрести объект аренды в собственность. Вопрос о защите такого преимущества рассмотрен в нескольких аспектах: критериев надлежащего способа защиты и возможной аналогии; сущности преимущественного права; идеи справедливости.

Выводы. Практика исполнения договоров аренды земельных участков отражает экономическую потребность защиты сельскохозяйственного производителя, законно владеющего земельным участком на праве аренды. Сособственник земельного участка сельскохозяйственного назначения, «попавший» в такое правоотношение без права выдела земельного участка в натуре, испытывает значительные ограничения по сравнению с любым иным сособственником. Поэтому для обеспечения паритета важно признать за таким сособственником возможность блокировать своей волей возобновление договора аренды на определенный либо на новый срок либо, по крайней мере, безусловное право на выдел доли в натуре по окончании согласованного срока аренды.

Ключевые слова: паритет, аренда, множественность лиц, выдел земельного участка, возобновление договора, преимущественное право покупки, способ защиты, секундарное право, неосведомленность

Для цитирования: Ломидзе О. Г., Ломидзе Э. Ю. Аренда земельного участка сельскохозяйственного назначения: вопросы паритета // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 99–110. EDN VWSUFJ

© Ломидзе О. Г., Ломидзе Э. Ю., 2025

Problems of International, Civil and Business law

Original article

Lease of agricultural land: issues of parity

Olga G. Lomidze[1], Eduard Yu. Lomidze[2]

[1, 2]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russia Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia,
[1]lomidze-og@ranepa.ru [2]lomidze-ey@ranepa.ru

Abstract

Introduction. In the sphere of turnover of agricultural land plots, there is an acute conflict of interests between large agro-industrial organizations acting as lessees of land plots and owners of plots acting in the lease agreement as lessors with multiple persons on this side of the agreement.

Purpose. To analyze the dynamics of legislative decisions and law enforcement practice in the field of agricultural land lease with an emphasis on finding a balance of interests of the parties in a situation of multiple persons on the lessor's side; to discuss the lessee's possibilities in acquiring the leased property.

Materials and methods. The study used such general scientific methods as analysis, deduction, analogy, and dialectical method. The theoretical basis of the work is the works of Russian scientists devoted to the study of methodological categories of civil law. Among them are Alekseev S.S., Em V.S., Zekkel E., Sukhanov E.A., Sklovsky K.I., Chuprunov V.S. and others.

Results. The study was conducted on the issues of parity of the parties to the lease agreement for agricultural land plots with multiple persons on the lessor's side. The disposal capabilities of an individual co-lessor were considered. Legislative decisions protecting the lessee's interest in continuing to own the leased property were analyzed. The consequences of agreeing on the lessee's preferential right to acquire the leased property in the lease agreement were assessed. The issue of protecting such an advantage was considered in several aspects: criteria for the proper method of protection and possible analogy; the essence of the preferential right; the idea of justice.

Conclusions. The practice of executing land lease agreements reflects the economic need to protect an agricultural producer who legally owns a land plot on the basis of a lease. A co-owner of an agricultural land plot who has "fallen" into such a legal relationship without the right to allocate the land plot in kind experiences significant restrictions compared to any other co-owner. Therefore, in order to ensure parity, it is important to recognize the possibility for such a co-owner to block by his own will the renewal of the lease agreement for a certain or new term, or, at least, the unconditional right to allocate a share in kind upon expiration of the agreed lease term.

Keywords: parity, lease, plurality of persons, allocation of land, renewal of contract, pre-emptive right of purchase, method of protection, secondary right, ignorance

For citation: Lomidze O. G., Lomidze E. Yu. Lease of agricultural land: issues of parity. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(3):99–110. (In Russ.). EDN VWSUFJ

Введение

Следствием приватизации в агропромышленном комплексе стало нахождение значительного количества земельных участков сельскохозяйственного назначения в общей долевой собственности, поэтому, договоры аренды таких земельных участков достаточно часто имеют множественность лиц на стороне арендодателя. При множественности лиц на стороне арендодателя достижение паритета осложняется возможным несовпадением интересов сособственников.

Специальные предписания Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (далее – Закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения) в корреляции с положениями п. 2 ст. 621 Гражданского кодекса Российской Федерации – далее ГК РФ) приводят к существенному столкновению

интересов сособственников, желающих выделить часть земельного участка в натуре, и арендатора.

Во многих договорах аренды земельных участков сельскохозяйственного назначения часто встречаем условие, согласно которому после прекращения срока его действия он считается возобновленным на тот же срок и на тех же условиях. В этом случае арендатор, продолживший пользование имуществом при отсутствии возражений арендодателя, ссылается на неприменимость к отношениям сторон п. 2 ст. 621 ГК РФ, на то, что договор не считается заключенным на неопределенный срок и арендодатель не может отказаться от него в порядке п. 2 ст. 610 ГК РФ.

Полагаем, что такое условие договора аренды земельных участков сельскохозяйственного назначения должно оцениваться в аспекте защиты слабой стороны договора от несправедливых договорных условий.

Кроме того, в сфере аренды земельных участков сельскохозяйственного назначения с достаточной регулярностью встречаются договоры аренды, предусматривающие право преимущественной покупки арендатором земельного участка при его отчуждении арендодателем. Такое преимущество нормами гражданского права не закрепляется, поэтому в доктрине обозначено как непоименованное.

Как следствие, актуален вопрос о последствиях нарушения непоименованного преимущественного права арендатора купить арендованный земельный участок.

Цель исследования – проанализировать динамику законодательных решений и правоприменительной практики в сфере аренды земельных участков сельскохозяйственного назначения с акцентом на поиск баланса интересов сторон в ситуации множественности лиц на стороне арендодателя; обсудить возможности арендатора в приобретении объекта аренды в собственность.

Материалы и методы

В ходе исследования были использованы такие общенаучные методы, как анализ, дедукция, аналогия, диалектический метод. Теоретическую основу работы составляют труды отечественных ученых, посвященные исследованию методологических категорий гражданского права. Среди них Алексеев С.С., Ем В.С., Зеккель Э., Суханов Е.А., Скловский К.И., Чупрунов В.С. и другие.

Результаты и обсуждение

1. Интерес арендатора в продолжении владения и распорядительный интерес собственника (сособственника) земельного участка

Исходя из господствующей в доктрине точки зрения, право аренды является правом обязательственным. Тем не менее, оно является правом на вещь. То есть, предполагает вещь (наряду с действиями) объектом субъективного права арендатора [1, с. 49–62]. Описанная характеристика права аренды объясняет интерес арендатора в сохранении владения вещью. Интерес арендатора в чужой вещи признает законодатель, что проявляется в положениях, регулирующих аренду. Примерами являются сохранение аренды при отчуждении объекта аренды арендодателем иному лицу (ст. 617 ГК РФ), закрепление преимущественного права арендатора на заключение договора аренды на новый срок (п. 1 ст. 621 ГК РФ), общее правило возобновления договора аренды на неопределенный срок (п. 2 ст. 621 ГК РФ), право субарендатора на заключение с ним договора аренды на имущество, находившееся в его пользовании в соответствии с договором субаренды, в порядке ст. 618 ГК РФ (при досрочном прекращении договора аренды), возможность заключения договора аренды с правом выкупа (ст. 624 ГК РФ).

Особенности приватизации в агропромышленном комплексе обусловили последствие в виде нахождения значительного количества земельных участков сельскохозяйственного назначения в общей долевой собственности, поэтому договоры аренды таких земельных участков достаточно часто имеют множественность лиц на стороне арендодателя. При множественности лиц на стороне арендодателя достижение паритета осложняется

возможным несовпадением интересов сособственников. В случае, если число участников долевой собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения превышает пять, правила ГК РФ применяются с учетом особенностей, установленных ст.ст. 12, 13, 14 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения. В соответствии с п. 1 ст. 14 указанного Закона владение, пользование и распоряжение земельным участком из земель сельскохозяйственного назначения, находящимся в долевой собственности более чем пяти лиц, осуществляются в соответствии с решением участников долевой собственности, которое принимается на общем собрании участников долевой собственности.

Закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения дополняет список гарантий арендатора положениями, ограждающими объект аренды – земельный участок от выдела из него земельных участков сособственниками в счет принадлежащих им долей. В судебной практике, на основе сопоставления положений ст. 11.2 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) и положений Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения, принято следующее толкование. По смыслу нормы п. 5 ст. 14 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения право на выдел земельного участка без согласия арендатора предоставлено лишь тому участнику долевой собственности, который на общем собрании участников долевой собственности голосовал против предоставления земельного участка в аренду. Во всех остальных случаях выдел земельного участка из арендованного земельного участка не может осуществляться без согласия арендатора[1].

Отсутствие сведений о том, что сособственник голосовал против принятия на собрании решения о предоставлении земельного участка в аренду в протоколе собрания участников, не препятствует установлению обстоятельств такого голосования иными способами, например, посредством исследования именных бюллетеней (талонов) голосования по каждому вопросу[2]. Однако обязанность по доказыванию такого протестного голосования будет возложена на соответствующего сособственника. В отсутствие таких доказательств ему останется только претерпевать аренду как ограничение. Причем досрочное расторжение договора аренды единого объекта – земельного участка в отношении части соарендодателей (без выдела земельного участка в счет доли участника общей собственности в установленном законом порядке) невозможно, равно как и снятие ограничения в виде аренды с принадлежащих отдельным сособственникам долей в праве общей собственности.

Специальная норма п. 5 ст. 14 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения в корреляции с положениями п. 2 ст. 621 ГК РФ приводит к существенному столкновению интересов сособственников, желающих выделить часть земельного участка в натуре, и арендатора. Причем без выделения земельного участка, находящегося в собственности более чем пяти лиц, земельная доля может быть продана только сособственникам или лицу, которое уже использует земельный участок, находящийся в долевой собственности, – члену крестьянского (фермерского) хозяйства или сельскохозяйственной организации (абзац 2 п. 1 ст. 12 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения).

Следует также принимать во внимание практику включения в договор аренды земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения условия, согласно которому после прекращения срока его действия он считается продленным (возобновленным) на тот же срок и на тех же условиях. В этом случае арендатор, продолживший пользование имуществом при отсутствии возражений арендодателя, ссылается на неприменимость к отношениям сторон п. 2 ст. 621 ГК РФ, на то, что договор не считается заключенным на неопределенный срок и арендодатель не может отказаться от него на основании п. 2 ст. 610 ГК РФ.

Включение в договор такого условия актуализирует значение корректного толкования условий договора и положений законодательства, с учетом необходимости достижения

[1] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 12 июля 2017 г. (пункт 4) // СПС Консультант Плюс.
[2] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025), утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 апреля 2025 г. (пункт 5) // СПС Консультант Плюс.

паритета сторон. Как следствие, возникает вопрос о том, может ли отдельный сособственник (соарендодатель) воспрепятствовать возобновлению договора аренды земельного участка на неопределенный (на новый) срок?

Вопрос возобновления арендного правоотношения и права сособственника на выдел подлежит исследованию в аспекте юридического значения молчания.

Пункт 2 ст. 621 ГК РФ сопрягает возобновление договора аренды на тех же условиях на неопределенный срок с отсутствием возражений со стороны арендодателя.

В тексте данной нормы не используется термин «молчание», однако, как верно указано в доктрине, очевидно, что в указанном случае речь идет именно о молчании [2, с. 20–24]. Правовое последствие молчания в данном случае урегулировано п. 3 ст. 158 ГК РФ – молчание признается выражением воли совершить сделку. По сути, молчанию придается значение выражения воли.

Но как оценить возражение отдельного сособственника? Является ли такое возражение, сделанное в соответствии с договором аренды, нарушением состояния молчания, необходимого для возобновления арендного правоотношения?

Очевидно, что субъекты оборота «молчат» по разным причинам, возможно не вкладывая в такое молчание какого-либо смысла. Молчание «не является волеизъявлением, поскольку может не иметь в своем содержании воли», молчание «свободно от воли в том смысле, что оно может и не иметь волевого содержания» [3, с. 162–170].

Полагаем, если один из сособственников «не молчит» – тем самым он проявляет очевидную волю и нарушает состояние «молчания» как юридически значимого обстоятельства, необходимого для возобновления правоотношения.

Ограничения, которые испытывает каждый отдельный соарендодатель (сособственник) при множественности лиц на стороне арендодателя и которые существенным образом влияют на его положение по сравнению с «единоличным» арендодателем, должны работать и в этом случае. Если для распоряжения объектом посредством его передачи в аренду необходима согласованная воля всех – то для возобновления такого правоотношения также должно быть необходимо «молчание» всех сособственников.

При таком толковании выражение возражения одним из сособственников должно приводить к прекращению правоотношения в связи с окончанием срока аренды и, при желании остальных сособственников продолжать арендные отношения с тем же арендатором, к новому собранию сособственников. Собранию, на котором желающий выделить в натуре земельный участок в счет своей доли может воспользоваться правом на возражения.

Однако на практике соарендодатели сталкиваются с ситуацией, когда орган Росреестра приостанавливает государственную регистрацию заявления истца о прекращении аренды земельного участка, поскольку договор аренды заключен со множественностью лиц на стороне арендодателя, в то время как документ, подтверждающий прекращение договора в отношении всех правообладателей земельного участка, не представлен.

Представляется перспективным следующее толкование, учитывающее интересы арендатора и остальных сособственников на продолжение арендного правоотношения. Ограничения, закрепленные п. 5 ст. 14 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения, не могут продолжать свое действие по окончании срока аренды для сособственника, выразившего желание прекратить данные отношения. Такой сособственник должен получать право на выдел земельного участка в счет своей доли.

Что касается условий договоров аренды земельных участков сельскохозяйственного назначения о возобновлении договора на тех же условиях и на тот же срок, полагаем, что такое условие должно оцениваться в аспекте защиты слабой стороны договора от несправедливых договорных условий.

Дефиниция понятия «слабая сторона договора» содержится в п. 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16

«О свободе договора и ее пределах» (далее – постановление Пленума ВАС № 16). В нем обозначены признаки, определяющие сторону договора как слабую:

- проект договора был предложен контрагентом слабой стороны;
- проект содержал условия, являющиеся явно обременительными для слабой стороны, существенным образом нарушал баланс интересов сторон (несправедливые договорные условия);
- слабая сторона поставлена в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора.

Констатация данных признаков согласно п. 9 постановления Пленума ВАС № 16 позволяет контрагенту, оказавшемуся слабой стороной, потребовать изменения или расторжения договора со ссылкой на положения п. 2 ст. 428 ГК РФ о договорах присоединения.

Рассмотрим также ситуацию, в которой арендатор предоставил желающему выделить земельный участок в натуре сособственнику согласие на выдел.

При предоставлении арендатором такого согласия его интересы на продолжение владения вновь образованным посредством выдела земельным участком защищают положения п. 4 ст. 11.8 ЗК РФ. Согласно этим положениям арендатор имеет право на заключение договоров аренды образуемых земельных участков на прежних условиях, если иное не установлено соглашением сторон, без проведения торгов. Применительно к выделенным земельным участкам ограничение – аренда не сохраняется, ограничение – аренда сохраняется только для измененного земельного участка (участка, из которого осуществлен выдел) – п. 4 ст. 11.8 ЗК РФ, п. 12 ст. 41 Федерального закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости».

При нарушении выделившимися сособственниками интересов арендатора возможность его защиты зависит от того, успеют либо нет собственники (бывшие сособственники) распорядиться такими земельными участками. Арендатор вправе потребовать заключения договоров аренды выделенных земельных участков на прежних условиях (на оставшийся срок) в принудительном для собственников порядке. Однако при отчуждении выделенных участков иному лицу новый собственник получит необремененные арендной объекты. Представляется, новый собственник не связан обязательством по заключению договора аренды выделенного земельного участка на условиях договора аренды, заключенного его правопредшественником, поскольку не участвует в нем как сторона (п.3 ст. 308 ГК РФ).

2. Интерес арендатора в приобретении объекта аренды в собственность

Динамика гражданского оборота генерирует новые вызовы, нередко придает новое звучание исследованным проблемам. Наличие закрепленных законодателем гарантий сохранения арендатором своего владения и самого объекта владения не исключает продвижения в обороте решений, не закрепленных в нормах права, но согласованных сторонами договора. В сфере аренды земельных участков сельскохозяйственного назначения с достаточной регулярностью встречаются договоры аренды, предусматривающие право преимущественной покупки арендатором земельного участка при его отчуждении арендодателем. Такое преимущество нормами гражданского права не закрепляется, поэтому в доктрине обозначено как непоименованное [4, с. 94–219].

Как следствие, актуален вопрос о последствиях нарушения непоименованного преимущественного права арендатора купить арендованный земельный участок. Исходя из принципа свободы договора и согласования рассматриваемого преимущества сторонами договора, не усматривается препятствий в признании за арендатором, чье преимущество нарушено арендодателем, права на взыскание с нарушителя убытков. Иск о взыскании убытков, как показывает судебная практика, арендатору малоинтересен, поскольку убытки в рассматриваемой ситуации доказать достаточно сложно, кроме того, такой способ защиты не обеспечивает достижение арендатором цели в виде приобретения объекта в собственность. Поэтому арендатор заинтересован в более радикальных способах защиты.

Действующему законодательству известен такой способ защиты преимущественного права, как перевод прав и обязанностей приобретателя объекта по договору, направленному на его отчуждение, на заинтересованное в конкретном объекте лицо – обладателя преимущественного права. Примерами служат п. 3 ст. 250 ГК РФ (при продаже доли в праве общей собственности с нарушением преимущественного права покупки), п. 18 ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», далее – Закон об ООО (при продаже доли или части доли в уставном капитале общества), п. 4 ст. 7 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», далее – Закон об АО (при продаже акций непубличного общества, уставом которого предусмотрено преимущественное право приобретения его акционерами акций).

Вопрос, нуждающийся в решении, является ли надлежащим способом защиты преимущественного права арендатора на покупку объекта аренды, согласованного договором аренды, перевод на него прав и обязанностей покупателя по договору купли-продажи объекта аренды в ситуации, когда объект продан арендодателем иному лицу с нарушением указанного договорного условия?

Рассмотрим данный вопрос в аспекте критериев надлежащего способа защиты и возможной аналогии.

В актах судебного толкования достаточно регулярно проявляются идеи эффективности, целесообразности способа защиты, соблюдения баланса интересов сторон. Для корректного выбора способа защиты следует принимать во внимание:

– характеристики субъективного права (является ли оно абсолютным или относительным, имущественным либо неимущественным, вещным или обязательственным, или корпоративным, или интеллектуальным);

– характеристики объекта права (идет ли речь об объекте материального мира (вещи) или об ином объекте, создан ли объект человеком либо нет, существует ли объект обособленно от субъективных прав и корреспондирующим им обязанностям и т.п.);

– особенности легитимации правообладателя;

– направленность способа защиты, возможность достижения завершенного модельного правого эффекта [5, с. 128–137].

Применение способа защиты предполагает, что следствием станет обеспечение реализации истцом конкретной правовой возможности, которая иначе (без такого применения) не может быть реализована, достижение завершенного модельного правового эффекта.

Данные параметры – сами по себе – не позволяют исключить возможность защиты непоименованного преимущественного права покупки арендатора иском о переводе прав и обязанностей.

Между тем, поскольку для рассматриваемой ситуации такой способ защиты не предусмотрен, следует «примирить» возможность его применения с принципом законодательного закрепления способа защиты, с положениями ст. 12 ГК РФ, которые устанавливают принцип законодательного закрепления способа защиты (применению подлежат только те способы защиты нарушенного гражданского права, которые предусмотрены законом).

В судебной практике получили отражение разные подходы:

1. Подход, признающий требование арендатора о переводе на него прав и обязанностей покупателя по договору купли-продажи земельного участка надлежащим способом защиты[1]. Основные аргументы, которые высказаны в рамках данного подхода – свобода договора как одно из основных начал гражданского законодательства и невозможность восстановления нарушенного преимущественного права приобретения имущества в собственность иными способами защиты.

[1] Примеры - определения Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12 июля 2022 г. № 88-19636/2022, от 18 января 2024 г. № 88-4055/2024. // СПС Консультант Плюс.

2. Подход, отрицающий возможность применения радикальных способов защиты согласованного в договоре аренды (непоименованного) преимущественного права арендатора на покупку объекта аренды либо проявляющий сомнения в такой возможности[1]. Основные аргументы в рамках этого подхода – отсутствие в законодательстве положений, предусматривающих преимущественное право арендатора объекта на его приобретение в собственность и защиту прав арендатора в случае нарушения такого права; отсутствие у арендатора охраняемого законом интереса в переводе на него прав и обязанностей покупателя, поскольку он не является сособственником проданных объектов.

Рассматриваемая проблема затронута в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 июля 2024 г. № 41-КГ24-16-К4. В этом определении, которым отменены судебные постановления о переводе на арендатора прав покупателя земельного участка сельскохозяйственного назначения, высказан ряд аргументов в опровержение возможности перевода прав и обязанностей судебным актом для защиты непоименованного преимущественного права покупки арендатора[2]. Однако определение Верховного Суда РФ точку в данном вопросе не поставило. По результатам нового рассмотрения дела вновь принято решение об удовлетворении иска о переводе прав и обязанностей покупателя на арендатора земельного участка[3]. Одновременно обнаруживаем в судебных актах позицию, исходящую из недопустимости применения рассматриваемого способа защиты непоименованного преимущественного права, мотивированную доводами, изложенными в вышеприведенном определении Верховного Суда РФ[4].

Изучение судебного толкования позволяет привести примеры обращения к аналогии закона при применении способа защиты.

Перевод прав и обязанностей стороны правоотношений решением суда на иное лицо по аналогии закона был допущен в примере, отраженном в п. 15 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2020), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 июля 2020 г. Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ признана допустимость применения рассматриваемого способа в целях защиты поименованного в ст. 179 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) преимущественного права владельца смежного земельного участка на приобретение имущества должника[5].

Достаточно ли обратиться к аналогии закона в рассматриваемом случае? Представляется, что нет, по следующим причинам.

Как п. 3 ст. 250 ГК РФ, так и п. 18 ст. 21 Закона об ООО направлены на обеспечение сохранения состава участников правоотношения – в отношениях сособственности, в корпоративных отношениях. Идея поддержания стабильности для соседствующего землепользователя отражена и в ст. 179 Закона о банкротстве. В рассматриваемом же случае арендатор претендует на изменение своего статуса, поскольку стабильность его положения поддерживается

[1] Примеры – определения Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 7 октября 2021 г. № 8г-24265/2021, от 29 июня 2023 г. № 88-22363/2023, постановление Арбитражного суда Московского округа от 4 декабря 2017 г. № Ф05-14070/2017 по делу № А41-47159/15 // СПС Консультант Плюс.

[2] Позиция Верховного Суда получила отражение в последующих кассационных определениях. См. например, определения Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 6 августа 2024 г. № 88-22703/2024, от 3 сентября 2024 г. № 88-26486/2024, от 24 сентября 2024 г. № 88-29276/2024 // СПС Консультант Плюс.

[3] См. определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 7 ноября 2024 г. № 88-35123/2024// СПС Консультант Плюс.

[4] См. определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19 февраля 2025 г. № 88-4589/2025.

[5] Ранее позиция, подтверждающая возможность применения иска о переводе прав и обязанностей решением суда к пункту 3 статьи 179 Закона о банкротстве, изложена в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 июля 2009 г. № 1989/09 по делу № А14-1423/2008 // СПС Консультант Плюс.

нормами ст. 617 ГК РФ о сохранении договора аренды в силе при изменении сторон. Наблюдаем иную функциональную направленность испрашиваемого способа защиты. Кроме того, в приведенном примере Верховным Судом РФ защищалось все же поименованное преимущественное право.

Что касается свободы договора как общего начала гражданского законодательства, ссылка на данный принцип также недостаточна, поскольку способ защиты применяется не только против стороны правоотношения, связавшей себя этим условием, но и против покупателя. При этом согласно положениям п. 3 ст. 308 ГК РФ обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц).

Рассмотрение вопроса в аспекте сущности преимущественного права также не обнаруживает связанности для третьих лиц.

Настаивая на закреплении в договоре права преимущественной покупки, арендатор требует для себя возможности, которой обладает не каждый, определенного преимущества, одновременно предполагает сдерживание (претерпевание) для контрагента.

Единой позиции относительно правовой природы преимущественного права в доктрине нет. В качестве иллюстрации плюрализма мнений отметим:

- позицию, согласно которой преимущественные права наряду с секундарными правами, «правами на возражение» «с некоторыми оговорками могут быть отнесены к относительным правам» [6, с. 7–21];

- позицию, согласно которой преимущественные права сами по себе могут составить отдельный классификационный разряд [7, с. 146];

- позицию, констатирующую наличие в преимущественном праве черт секундарных прав [8, с. 922].

Термином «секундарные» в отечественной доктрине, как правило, именуется группа прав, для которых характерна возможность создать, изменить или прекратить правоотношение односторонним волеизъявлением. Наиболее распространенные примеры секундарных прав – право лица, получившего оферту, совершить акцепт, право на зачет встречных однородных требований, право третьего лица воспользоваться своим правом по заключенному в его пользу договору, право на принятие наследства. Характеристика соответствующих правомочий как секундарных (вторичных) обусловлена тем, что они входят в состав основных правоотношений в качестве вторичных элементов. [9, с. 122–123]. Понятие «секундарных прав» наиболее активно разрабатывалось в германской доктрине [10, с. 205-252]. Некоторые российские исследователи выражают обоснованное сомнение в том, что конструкция секундарного права может быть автоматически перенесена в любой правопорядок как еще одна классификация субъективных прав [11, с. 253-270].

Подробно разные подходы к определению правовой природы преимущественных прав разбираются Чупруновым И.С. Ученый исследует правовую природу преимущественных прав в аспекте правовой возможности, обозначаемой в отечественной науке гражданского права термином «секундарное правомочие». «Принципиально важно отметить, – указывает И.С. Чупрунов, – что, если мы даем сторонам диспозитивную возможность создать новое преимущественное право, нужно учитывать при этом интересы третьих лиц. … Третьи лица, заключая договор с грантором, могут не догадываться о том, что в пользу правообладателя установлено новое преимущественное право, т.е. отличное от тех, что по умолчанию предусмотрены в законе» [12, с. 94–219]. Подход, предполагающий, что рассматриваемый способ защиты непоименованного преимущественного права должен применяться с «оглядкой» на осведомленность приобретателя, которому объект отчужден с нарушением данного права, предполагает дифференцированность по неосведомленности.

Аспект неосведомленности (субъективной добросовестности) должен быть раскрыт отдельно.

Потребность защиты неосведомленного лица, добросовестно исходящего из того положения дел, которое оставалось видимым для него, является одним из наиболее очевидных

проявлений трансляции в гражданско-правовую сферу идеи справедливости. Однако следует учитывать нетерпимость гражданского права к упрощениям. Для решения вопроса о приоритете со ссылкой на неосведомленность, как правило, необходимы дополнительные предпосылки. Универсальной предпосылкой является возможность субъекта влиять на ситуацию. Например, принять решение о выдаче либо невыдаче ценной бумаги (ст. 145 ГК РФ), принять решение о выпуске или невыпуске вещи в оборот (ст. 302 ГК РФ), обеспечить или нет регистрацию залога транспортного средства в реестре уведомлений о залоге (п. 4 ст. 339.1, ст. 352 ГК РФ), отразить или не отразить свое право наряду с правом супруга в ЕГРН (п. 3 ст. 35 Семейного кодекса Российской Федерации).

В приведенных примерах речь идет о приоритете неосведомленного лица перед лицом, претерпевающим негативные последствия принятого им либо, напротив, не принятого решения (предпринятого либо нет действия). Приоритет по неосведомленности коррелирует возможности заинтересованного лица такую неосведомленность не допустить (не допустить придания ей юридического значения, как с ценными бумагами).

Законодательство обнаруживает пример, когда неосведомленность приобретателя рассматривается в качестве юридически значимого обстоятельства, блокирующего применение способа защиты преимущественного права. Таким примером служит п. 4 ст. 7 Закона об АО, защищающий приобретателя акций непубличного акционерного общества от перевода на желающего реализовать оговоренное уставом преимущественное право покупки акционера прав и обязанностей приобретателя в случае отсутствия доказательств, что приобретатель знал или должен был знать о наличии в уставе общества положений о преимущественном праве.

Однако в случае с акциями преимущественное право названо в законе как возможность, которая может быть закреплена уставом непубличного общества – п. 3 ст. 7 Закона об АО. Устанавливая приоритет субъективно добросовестного (неосведомленного) покупателя, закон исходит из возможности доведения акционерным обществом сведений до всех потенциальных приобретателей посредством публикации устава на сайте общества. То есть, приоритет по неосведомленности коррелирует возможности заинтересованного лица такую неосведомленность не допустить.

В ситуации с непоименованным преимущественным правом покупки арендатора арендатор как раз проявил активность, оговорил свое преимущество в договоре аренды, оговорил свой интерес на изменение статуса при отчуждении объекта. Обеспечить юридически значимую доступность такой информации для заинтересованных лиц арендатор не может по причине отсутствия соответствующего механизма. Поэтому достаточно сложно обнаружить предпосылки для приоритета по неосведомленности.

Основное сомнение применения защиты по неосведомленности в противовес защите непоименованного права покупки арендатора состоит в следующем. Дифференциация применения способов защиты должна обеспечиваться нормативными решениями. Неосведомленности (субъективной добросовестности) должно придаваться значение юридически значимого обстоятельства – обстоятельства, с которым закон сопрягает юридически значимые последствия.

Между тем не обнаруживается нормативного решения, рассматривающего неосведомленность покупателя в ситуации нарушения непоименованного права покупки в качестве юридически значимого обстоятельства, блокирующего применение способа защиты преимущественного права. Согласно формулировке К.И. Скловского, одно только знание о договоре обязательства не создает. Недобросовестность в отношении преимущественного права юридического значения не имеет, поскольку закон о ней прямо не говорит и никаких последствий с ней не связывает [8, с. 922].

Выводы

Законодательное регулирование, равно как и правоприменительная практика отражают экономическую потребность защиты сельскохозяйственного производителя, законно владеющего земельным участком на праве аренды. Сособственник земельного участка сельскохозяйственного назначения, «попавший» в такую аренду без права выдела земельного участка в натуре, испытывает значительные ограничения по сравнению с любым иным сособственником. Поэтому для обеспечения паритета важно признать за таким сособственником возможность блокировать своей волей возобновление договора аренды на определенный либо на новый срок либо, по крайней мере, безусловное право на выдел доли в натуре по окончании согласованного срока аренды.

Желание арендаторов сохранить владение земельными участками проявляется в договорных условиях, таких, как условие о возобновлении арендного правоотношения на согласованный договором, а не на неопределенный срок; условие о преимущественном праве арендатора купить земельный участок при его отчуждении. При толковании соответствующих договоров следует применять защиту слабой стороны.

Полагаем верным исходить из того, что ни принцип свободы договора, ни обращение к аналогии закона не позволяют отобрать у субъекта право, полученное на основании законной сделки, и передать его лицу, со ссылкой на приоритет, согласованный договором, в заключении которого ответчик не участвовал. Также не обнаруживается нормативного решения, рассматривающего неосведомленность приобретателя земельного участка в качестве юридически значимого обстоятельства.

Вопрос о возможности защиты непоименованного права покупки иском о переводе прав и обязанностей тесно взаимосвязан с рядом иных вопросов. Прежде всего, с вопросом о юридической природе секундарных прав и возможности формирования секундарных прав договором. Ведь в отсутствие защиты, направленной на достижение ожидаемого юридического эффекта, все преимущество сводится к условию договора, нарушение которого влечет только убыточный иск.

Можно предположить, что правоприменительная практика, в некоторых случаях допускающая применение рассматриваемого способа защиты, причем без оценки осведомленности приобретателя, отражает потребности оборота, тем самым возможно определяет направление правогенеза.

Список источников

1. Ломидзе О.Г. Обязательственные права на вещи // Журнал российского права. 2005. № 10. С. 49–62.

2. Виниченко Ю.В., Никитина Ю.Д. О значении молчания в российском гражданском праве // Налоги. 2010. № 12. С. 20–24.

3. Джумагулов Д.Д. Молчание: юридическая природа и значение при приобретении цифровых продуктов // Закон. 2021.№ 2. С. 162–170.

4. Чупрунов И.С. К вопросу о конструкции преимущественного права покупки доли (акций) // Вестник гражданского права. 2020. № 4. С. 94–219.

5. Ломидзе О.Г., Ломидзе Э.Ю. Принципы применения способов защиты нарушенного права // Закон. 2013. № 8. С. 128–137.

6. Ем В.С., Суханов Е.А. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 7–21.

7.Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие. М.: Статут, 2020. 146 с.

8. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2008. 922 с. (Приложения. Некоторые проблемы преимущественного права покупки).

9. Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2-х томах. .: Юридическая литература, 1982. Том 2.

10. Зеккель Э. Секундарные права в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2007. №2. С. 205–252.

11. Третьяков С.В. Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине (к публикации русского перевода работы Э. Зеккеля «Секундарные права в гражданском праве») // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 253–270.

12. Чупрунов И.С. К вопросу о конструкции преимущественного права покупки доли (акций) // Вестник гражданского права. 2020. № 4. С. 94–219.

References

1. Lomidze O.G. Obligatory rights to things. *Journal of Russian Law.* 2005;(10):49–62.(In Russ.)

2. Vinichenko Yu.V., Nikitina Yu.D. On the meaning of silence in Russian civil law. *Taxes.* 2010;(12):20–24.(In Russ.)

3. Dzhumagulov D.D. Silence: legal nature and meaning in the acquisition of digital products. *Law.* 2021;(2):162–170.(In Russ.)

4. Chuprunov I.S. On the issue of the design of the preemptive right to purchase a share (stocks). *Bulletin of civil law.* 2020;(4):94–219.(In Russ.)

5. Lomidze O.G., Lomidze E.Yu. Principles of Application of Methods of Protection of Violated Rights. *Law.* 2013;(8):128–137.(In Russ.)

6. Em V.S., Sukhanov E.A. On the Types of Subjective Civil Rights and the Limits of Their Exercise. *Bulletin of Civil Law.* 2019;(4):7–21.(In Russ.)

7. Lomakin D.V. *Commercial Corporations as Subjects of Corporate Legal Relations: A Tutorial.* Moscow: Statut; 2020. 146 p. (In Russ.)

8. Sklovsky K.I. *Ownership in Civil Law.* 4th ed., revised. and additional. Moscow: Statut; 2008. 922 p. (Appendices. Some Issues of the Preemptive Right of Purchase). (In Russ.)

9. Alekseev S.S. *General Theory of Law.* Course in 2 volumes. Moscow; 1982. Vol. 2.(In Russ.)

10. Zeckel E. Secondary Rights in Civil Law. *Bulletin of Civil Law.* 2007;(2):205–252. (In Russ.)

11. Tretyakov S.V. Formation of the Concept of Secondary Rights in the German Civil Law Doctrine (for the publication of the Russian translation of E. Zeckel's work "Secondary Rights in Civil Law"). *Bulletin of Civil Law.* 2007;(2):253–270. (In Russ.)

12. Chuprunov I.S. On the Issue of the Design of the Preemptive Right to Purchase a Share (Stocks). *Bulletin of Civil Law.* 2020;(4):94–219.(In Russ.)

Информация об авторах

О. Г. Ломидзе – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Э. Ю. Ломидзе – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the authors

O. G. Lomidze – Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Civil and Business Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management.

E. Yu. Lomidze – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil and Business Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.07.2025; одобрена после рецензирования 28.08.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 10.07.2025; approved after reviewing 28.08.2025; accepted for publication 29.08.2025.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 111–118
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(3):111–118
Проблемы международного, гражданского и предпринимательского права
Научная статья
УДК 347.736
EDN WETTGX

Проблемы включения в конкурсную массу криптовалюты при процедуре банкротства физического лица

Татьяна Борисовна Гуляева[1], Павел Сергеевич Герасин[2]

[1, 2]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Нижегородский институт управления, Нижний Новгород, Россия
[1]gulyaeva-tb@ranepa.ru [2]geras1n.p@yandex.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу проблем включения криптовалют в конкурсную массу при процедуре банкротства физических лиц, что приобрело особую актуальность в связи с ростом стоимости и оборота цифровых финансовых активов в России, а также их специфическими характеристиками. Несмотря на законодательное закрепление статуса криптовалют как имущества (в рамках Гражданского кодекса РФ и Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах»), их анонимность, высокая волатильность и отсутствие централизованного контроля создают сложности при идентификации, оценке и реализации криптовалют в процедуре банкротства.

Цель. Исследование ключевых проблем включения криптовалют в конкурсную массу, анализ судебной практики, нормативных коллизий и разработка предложений по совершенствованию регулирования для обеспечения баланса интересов кредиторов и должников.

Методы. Эмпирические методы анализа судебных решений, теоретические методы системного и логического анализа. Специально-юридические методы: формально-юридический анализ нормативных актов, сравнительно-правовой подход. Теоретическую основу составили труды российских правоведов, материалы судебной практики, а также позиции регуляторов.

Результаты. В рамках исследования установлено, что криптовалюты, несмотря на признание их имуществом, остаются сложным объектом для включения в конкурсную массу из-за их анонимности, высокой волатильности и отсутствия централизованного контроля. Среди ключевых проблем включения криптовалют в конкурсную массу при процедуре банкротства физических лиц можно отнести: трудность идентификации активов без добровольного раскрытия данных должником, отсутствие стандартизированных методов оценки и конвертации криптовалют, риски мошенничества, недостаток компетенций у финансовых управляющих в работе с цифровыми активами.

Выводы. Для повышения прозрачности и эффективности процедуры банкротства авторы предлагают следующие меры: создание механизма учета и обращения с криптовалютами в процедурах банкротства, создание единого реестра владельцев криптоактивов, расширение полномочий управляющих по истребованию информации, разработка стандартов оценки и реализации цифровых активов. Реализация этих мер минимизирует риски для кредиторов и должников, обеспечив справедливость процедуры банкротства в условиях цифровизации российской экономики.

Ключевые слова: процедура банкротства физических лиц, криптовалюты, конкурсная масса, цифровые финансовые активы, анонимность криптовалют, волатильность криптовалют, финансовый управляющий, идентификация криптовалют, несостоятельность, блокчейн.

Для цитирования: Гуляева Т. Б., Герасин П. С. Проблемы включения в конкурсную массу криптовалюты при процедуре банкротства физического лица // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 111–118. EDN WETTGX

© Гуляева Т. Б., Герасин П. С., 2025

Problems of International, Civil and Business law

Original article

Challenges of including cryptocurrency in the bankruptcy estate in individual bankruptcy proceedings

Tatyana B. Gulyaeva[1], Pavel S. Gerasin[2]

[1, 2]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod Institute of Management, Nizhny Novgorod, Russia
[1]gulyaeva-tb@ranepa.ru [2]geras1n.p@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the analysis of the problems associated with including cryptocurrencies in the bankruptcy estate during the bankruptcy proceedings of individuals, which has become particularly relevant due to the growing value and circulation of digital financial assets in Russia, as well as their specific characteristics. Despite the legislative recognition of cryptocurrencies as property (under the Civil Code of the Russian Federation and Federal Law No. 259-FZ "On Digital Financial Assets"), their anonymity, high volatility, and lack of centralized control create challenges in identifying, valuing, and liquidating cryptocurrencies in bankruptcy proceedings.

Purpose. To examine the key issues of including cryptocurrencies in the bankruptcy estate, analyze judicial practice and regulatory conflicts, and develop proposals for improving regulation to balance the interests of creditors and debtors.

Methods. Empirical methods of analyzing court decisions, theoretical methods of systemic and logical analysis. Special legal methods: formal legal analysis of regulatory acts, comparative legal approach. The theoretical basis includes the works of Russian legal scholars, judicial practice materials, and the positions of regulators.

Results. The study found that cryptocurrencies, despite being recognized as property, remain a complex asset for inclusion in the bankruptcy estate due to their anonymity, high volatility, and lack of centralized control. Key challenges in including cryptocurrencies in the bankruptcy estate during individual bankruptcy proceedings include: difficulty in identifying assets without voluntary disclosure by the debtor, the absence of standardized valuation and conversion methods for cryptocurrencies, fraud risks, and a lack of expertise among bankruptcy trustees in handling digital assets.

Conclusions. To improve the transparency and efficiency of bankruptcy proceedings, the authors propose the following measures: establishing a mechanism for accounting and managing cryptocurrencies in bankruptcy procedures, creating a unified registry of crypto-asset holders, expanding trustees' authority to request information, and developing standards for the valuation and liquidation of digital assets. Implementing these measures will minimize risks for both creditors and debtors, ensuring fairness in bankruptcy proceedings amid the digitalization of the Russian economy.

Keywords: Bankruptcy procedure for individuals, cryptocurrencies, bankruptcy estate, digital financial assets, anonymity of cryptocurrencies, volatility of cryptocurrencies, financial manager, identification of cryptocurrencies, insolvency, blockchain

For citation: Gulyaeva T. B., Gerasin P. S. Challenges of including cryptocurrency in the bankruptcy estate in individual bankruptcy proceedings. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(3):111–118. (In Russ.). EDN WETTGX

Введение

Процедура признания физического лица банкротом является одной из важных мер по защите интересов как кредиторов, так и должников, обеспечивая справедливое распределение обязательств и восстанавливая финансовую устойчивость последних. Особое внимание с точки зрения необходимости реформирования, данная процедура приобрела в последние годы в связи с развитием и популяризацией различных цифровых активов, к которым в том числе относятся криптовалюты. Криптовалюты, будучи цифровой финансовой валютой, можно определить как форму электронных или криптографических средств обмена, которые не существуют в физической форме, как традиционные деньги [1, с. 2].

Как и иные цифровые финансовые активы, криптовалюты обладают рядом специфических черт, которые отличают их от традиционных форм собственности. Эти особенности значительно осложнили вопросы налогообложения доходов от сделок с криптовалютами, процесс наследования, а также включение подобных цифровых активов в конкурсную массу при процедуре банкротства физического лица. Особенно актуальными эти вопросы стали в связи со значительным ростом стоимости отдельных криптовалют (в 2025 году стоимость одного биткоина достигла рекорда в 109 тыс. долл.), а также увеличением объемов сделок российских граждан с криптовалютами (по оценкам Центрального Банка РФ, оборот криптовалют за 2023 составил 4,7 трлн руб.).

Поскольку цифровые активы стали значимым элементом мировой экономики, исследователи давно отмечали необходимость создания адекватных правовых рамок для регулирования рынка криптоактивов для контроля и защиты интересов всех участников рынка [2, с. 1].

В Российской Федерации нормативное регулирование цифровых активов на сегодняшний день находится на стадии зарождения. Долгое время отсутствовало закрепление даже общих вопросов деятельности, связанных с цифровыми финансовыми активами. В силу этих обстоятельств в судебной практике по-разному относились к вопросу включения криптовалюты в конкурсную массу при процедуре банкротства. Показательным в данном случае является решение Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40-124668/2017. Изначально Арбитражный суд города Москвы принял решение не включать криптовалюту в конкурсную массу, ссылаясь на ее отсутствие в ГК РФ как объекта гражданских прав. Апелляционный суд в свою очередь постановил, что к криптовалютам может быть применено понятие «иного имущества», поскольку они обладают хозяйственной экономической ценностью для кредиторов и не могут быть произвольно исключены из конкурсной массы [3, с. 1-2].

Окончательно точку в вопросе включения криптовалюты в конкурсную массу при процедуре банкротства физических лиц поставило включение в 2019 году в Гражданский кодекс РФ ряда положений, регулировавших вопросы включения в объекты гражданский прав цифровых прав, а также принятие Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», урегулировавшего общие вопросы деятельности, связанной с цифровыми финансовыми активами. Эти изменения сняли вопрос о статусе криптовалют в делах о банкротстве физических лиц: они подлежали включению в конкурсную массу [4, с. 1].

Однако, несмотря на законодательное регулирование и наличие судебной практики включения криптовалюты в конкурсную массу, данная процедура по-прежнему не является общепринятой, в силу специфических особенностей этого финансового актива.

Выявление проблематики включения криптовалют в конкурсную массу при процедуре банкротства физических лиц и поиск оптимальных решений является необходимой с точки зрения минимизации рисков для кредиторов и должников и обеспечения справедливости процедуры банкротства, что особенно актуально в силу продолжающегося процесса цифровизации российской экономики.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования были использованы Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», Федеральный закон № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», определения и постановления арбитражных судов Российской Федерации, официальные позиции Центрального банка и Правительства РФ, литература.

В статье используются эмпирический метод анализа судебных решений, теоретические методы системного и логического анализа, а также специально-юридические методы: формально-юридический анализ, сравнительно-правовой подход, что позволило выработать предложения и внести их для совершенствования регулирования процесса включения криптовалют в конкурсную массу при процедуре банкротства физических лиц.

Результаты и обсуждение

Основную сложность в процессе включения криптовалюты в конкурсную массу создают ее анонимность, высокая волатильность и отсутствие централизованного контроля со стороны государственных, банковских или иных структур. Эти свойства делают криптовалюту привлекательным инструментом для инвестирования, одновременно с этим создавая серьезные правовые и практические проблемы при определении наличия и принадлежности данного актива к имуществу физического лица.

Отсутствие государственного контроля за информационными системами, в которых происходит создание и/или обмен криптовалютой между пользователями порождают сложности в процессе регулирования данного рынка, а свою очередь отсутствие законодательных рамок значительно повышает риск преступных деяний, совершаемых с использованием криптоактивов.

Как правило, информация о наличии криптовалюты хранится на зашифрованных электронных кошельках, доступ к которым можно осуществить только с помощью специальных ключей (кодов доступа). Указанные кошельки подразделяются на именные, при создании которых владелец указывает личные данные, а также анонимные, при создании которых эти данные не требуются. Если владелец анонимного криптокошелька не предоставляет информацию о наличии у него криптоактивов, их обнаружение и идентификация становится крайне затруднительными. По мнению ряда исследователей именно анонимность является одним из главных препятствий при включении криптовалют в конкурсную массу [5, с. 4-5].

Анонимность криптовалют в данном случае напрямую связана с децентрализованным характером их работы – из-за использования технологии блокчейна все данные о проведенных или проводимых операциях хранятся на множестве компьютеров, образующих единую информационную систему, являющуюся устойчивой к внешним и внутренним воздействиям. Подобный механизм делает систему более безопасной, но децентрализованный и анонимный характер не позволяет определить принадлежность конкретного криптокошелька конкретному владельцу [6, с. 3].

Наиболее простой ситуацией является добровольное предоставление должником информации о криптоактивах в его собственности, а также всех необходимых данных для доступа к криптокошельку. Однако, как подчеркивает ряд правоведов, при высокой цифровой грамотности, гражданин способен сократить вероятность обнаружения в его собственности цифровых активов практически до нуля [7]. В таком случае финансовым управляющим требуется прибегать к некоторым способам, с помощью которых можно определить наличие у должника криптовалюты:

- Первым способом является направление соответствующих запросов в налоговые органы для проверки декларирования соответствующих активов или счетов, которые могут быть связаны с криптобиржами.

- Во втором случае финансовый управляющий может прибегнуть к анализу банковских выписок и документов платежных систем, в которых могут потенциально содержаться сведения о транзакциях, связанных с криптовалютами.

- Третьим способом является направление прямых запросов к криптобиржам для получения сведений о наличии у должника криптокошельков, а также предоставления доступа к ним. Как правило, владельцы криптобирж не готовы добровольно раскрывать подобную информацию о своих клиентах, поэтому данный запрос чаще всего отправляется через суд. Дополнительную сложность в данном случае создает использование физическим лицом услуг иностранных криптобирж, взаимодействие с которыми в текущих политических реалиях у российских органов власти значительно ограничено. Взаимодействие с отечественными криптобиржами осуществляется куда проще, однако, по мнению исследователей, также не лишено сложностей [8, с. 5].

- Следующим способом является получение через суд разрешения на доступ к имуществу должника, адресам и содержанию электронной почты, компьютерной технике,

мобильному устройству и иным носителям информации для анализа информации о наличии криптоактивов.

- Последним и самым затратным способом является использование услуг специальных компаний, специализирующихся на поиске криптовалют, что, однако, не гарантирует однозначного результата.

Нюансом для всех указанных способов является то, что сведения, полученные в результате их применения, расцениваются как косвенные доказательства, исходя из которых, финансовый управляющий может потребовать включения криптовалют в конкурсную массу и судебного запроса доступа к ним у должника [9, с. 2].

В частности, в судебной практике присутствуют дела, в рамках которых при обнаружении косвенных доказательств и отказе должников добровольно включать криптовалюту в конкурсную массу, финансовые управляющие подавали в суд ходатайство о истребовании у должника криптовалюты[1] или о истребовании у него данных доступа к криптокошельку[2] с целью включения данного имущества в конкурсную массу.

Также существенной проблемой в процессе включения криптовалют в конкурсную массу является их высокая волатильность, что значительно затрудняет процесс оценки стоимости активов. Традиционные методы оценки движимого и недвижимого имущества в данном случае являются неэффективными. На практике для оценки криптоактивов финансовые управляющие вынуждены привлекать соответствующих специалистов или использовать котировки с конкретной биржи[3]. Оба метода не являются достаточно эффективными, поскольку первый случай требует значительных финансовых затрат, а во втором возникают риски ошибок, связанных с быстрым изменением рыночных условий.

В свою очередь проблема оценки стоимости влечет за собой проблему конвертации цифровых активов в рубли, поскольку российские банки практически не работают с криптовалютами, что означает необходимость реализации криптоактивов через соответствующие криптобиржи, процесс работы с которыми для финансовых управляющих нормативно не урегулирован.

Также отдельного внимания заслуживает вопрос оспаривания сделок с участием криптовалюты, в ходе которых должник может нанести потенциальный вред кредитору (например, реализовав свои криптоактивы по заведомо заниженной стоимости) или путем приобретения неликвидных активов в обмен на ликвидные активы (например, покупка малоценной криптовалюты).

Поскольку криптовалюта является объектом гражданских прав и может быть подведена под понятие «имущество», процедура оспаривания сделок в данном случае возможна, однако свойства криптовалют создают сложности. Анонимный характер криптовалют затрудняет выявление преступных сделок с третьими лицами и сам поиск этих лиц, особенно в ситуациях, когда должник и криптобиржа отказывают в сотрудничестве. В настоящее время отсутствуют механизмы по отмене транзакций или их заморозке, что также вносит дополнительные сложности [10].

Проблемным также является процесс распоряжения криптовалютой при включении ее в конкурсную массу. Для сделок с движимым и недвижимым имуществом Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливает специальные правила, регулирующие

---

[1] Определение Арбитражного суда Челябинской области от 17 марта 2020 г. по делу А76-27033/2018. - ИС «Картотека арбитражных дел» - URL:https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a6324ba8-5e97-4e03-8775-cffc515f8890/06ed3e74-571e-44a8-95ed-45c655857333/A76-27033-2018_20200317_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.04.2025)

[2] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 августа 2019 г. по делу № А40-12639/2016. – СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/aRbTXzBxLBbd/ (дата обращения: 28.04.2025)

[3] Определение Арбитражного суда Пермского края от 11.01.2022 по делу № А50-6372/2018 - ИС «Картотека арбитражных дел» - URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6b6a58a0-9464-41c6-ad49-91430194d51c/b1cbfbad-c73a-4d1a-8f30-b1d7aaac9ea9/A50-6372-2018_20220111_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.04.2025)

вопрос согласования действий финансового управляющего с судом, а также правил проведения публичных торгов.

Для проведения сделок с криптоактивами также необходимо соблюдать специфические правила, связанные с обеспечением безопасности хранения и передачи криптовалют, во избежание мошенничества и кражи активов, а также учитывать юридические аспекты международного характера, связанные с ограничением деятельности иностранных криптобирж или заморозкой ими счетов российских пользователей. При этом процесс конвертации криптоактивов должен осуществляться легально и прозрачно, что также накладывает на данный процесс ряд издержек и рисков, которые могут повлечь юридическую ответственность вплоть до уголовной за нарушения процедуры публичных торгов.

В большинстве своем эти риски ложатся на финансового управляющего, ответственного за сохранность активов и соблюдения законодательства. В силу быстрого развития цифровой экономики, не все финансовые управляющие обладают соответствующими компетенциями в данных процедурах.

Часть специфических рисков в данном случае несут кредиторы, перед которыми возникает угроза неудовлетворения их требований в связи с отсутствием возможности оперативно и в полной мере взыскать долги путем конфискации криптовалют.

Несмотря на рост числа банкротств физических лиц, имеющих криптовалюты, количество судебных решений, связанных с этой категорией имущества весьма ограничено. Большинство арбитражных судов придерживаются позиции, по которой включение криптовалюты в конкурсную массу при процедуре банкротства возможно только в случае установления действительного обладания должником данного имущества[1].

Таким образом, существующая судебная практика, несмотря на однозначный подход к определению криптовалют, как объекта гражданских прав подлежащего включению в конкурсную массу, не обладает ясными механизмами регулирования процесса идентификации и реализации данного имущества. Кроме того ряд специфических черт криптоактивов влекут за собой проблемы, осложняющими процедуру банкротства физических лиц.

Позиция ЦБ РФ и Правительства РФ, изложенная, в том числе, в Концепции законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют, заключается необходимости законодательного регулирования криптовалют, поскольку отсутствие регулирующих механизмов приводит к неспособности государственных органов эффективно реагировать на угрозы, возникающие в этой сфере. В частности Правительство РФ ведет работу над формированием легального рынка криптовалют с установлением правил оборота и круга субъектов, а также требований к ним [11, с. 3-4].

Заключение

Резюмируя, вопрос включения криптовалют в конкурсную массу при банкротстве физических лиц остается спорным моментом законодательства. Нормативное регулирование и судебная практика не устанавливают ясных механизмов регулирования данного процесса, что негативно сказывается на справедливости и эффективности процедуры банкротства и защите интересов кредиторов.

Иными словами, законодателю необходимо разработать четкий порядок учета и обращения с криптовалютой в процессе включения ее в конкурсную массу. Это позволит повысить прозрачность и эффективность процессов реструктуризации задолженности и минимизировать риски всех вовлеченных сторон.

Поскольку анонимность и сложность в идентификации криптовалют делают практически невозможным отслеживание владельцев криптоактивов, предлагается ужесточить

[1] Определение Арбитражного суда Ростовской области от 22 сентября 2023 г. по делу № А53-7331/2020 - ИС «Картотека арбитражных дел» - URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b0b7abd9-4243-4233-99d0-e9ac1cc368c8/856fc21a-df56-4fa1-ac6e-f898641284e5/A53-7331-2020_20230922_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.04.2025)

требования к декларированию имущества должника при процедуре банкротства, с установлением соответствующей ответственности за сокрытие сведений.

Для улучшения нормативного регулирования сферы, также требуется дальнейшее развитие и закрепление методологии использования косвенных доказательств для формирования презумпции наличия криптоактивов у должника.

Также необходима проработка механизма и правил взаимодействия финансовых управляющих с официально работающими на территории Российской Федерации криптобиржами, в том числе в отношении процесса предоставления информации по активам клиентов.

Кроме этого важно детализировать нормативное закрепление процедуры обращения финансового управляющего в суд с ходатайствами о наложении ареста на носители информации, экспертизе данных устройств, а также об обязании должника предоставить информацию о криптоактивах, находящихся в его собственности.

Также необходимо разработать механизм привлечения к субсидиарной ответственности лиц, в пользу которых был осуществлен вывод криптоактивов, за причиненный вред кредитору. В данном случае привлечение к гражданско-правовой ответственности возможно только в том случае, если криптовалюту не удается включить в состав конкурсной массы по разным причинам.

Для эффективной проработки всех указанных предложений необходимо участие финансового сообщества и экспертов, заинтересованных в создании справедливых юридических рамок, защищающих права всех участников рынка криптовалют и способствующих развитию цифровой экономики России.

Список источников

1. Ляшенко М. С., Андреева О. А. Теоретические методы правового регулирования цифровых финансовых валют (криптовалюты) в Российской Федерации // Вестник науки. 2024. №1 (70). С. 294-304.

2. Гизатулин И. Ю., Мокрушин В. И. Правовое регулирование криптовалюты // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 2-1 (101). С. 258-261. https://doi.org/10.24412/2500-1000-2025-2-1-258-261.

3. Хорошавин М. Ю. К вопросу о включении криптовалюты в состав конкурсной массы должника при банкротстве // Цивилист. 2024. № 4. С. 66–73.

4. Кутаев Э. К., Карпов Э. С. Проблемы включения криптовалюты в конкурсную массу должника // Финансовое право. 2025. № 4. С. 20-23. https://doi.org/10.18572/1813-1220-2025-4-20-23.

5. Шишмарева Т. П. Криптовалюта в составе конкурсной массы несостоятельного должника // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. №7 (71). С. 37–42. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.71.7.037-043.

6. Гаврилин, Ю. В., Бедеров И. С. Установление личности владельцев цифровой валюты: методологические основы // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 101-108. https://doi.org/10.24412/2072-9391-2021-460-101-108.

7. Хасаншин Р. И., Векшин М. А., Билалов А. В. К вопросу о процессуальной значимости введения цифровых прав в гражданское законодательство // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 3. С. 198-210. https://doi.org/10.24031/2226-0781-202010-3-198-210.

8. Гаврин Д. А. Цифровые финансовые активы и валюта в делах о несостоятельности (банкротстве) // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 75-82. https://doi.org/10.34076/2410_2709_2023_1_75.

9. Алексеев Н. В. Цифровые валюты в конкурсной массе должника // Экономика. Социология. Право. 2023. №1 (29). С. 85–90. https://doi.org/10.22281/2542-1697-2023-02-01-85-90.

10. Кандыба М., Ахонина Ю. Оспаривание сделок должника с криптовалютами: регулирование и практика// Банковское обозрение. Приложение «FinLegal». 2022. № 1. С. 63-65.

11. Тверитинова О. Г., Федьков А. С. Криптовалюта как объект конкурсной массы в банкротстве граждан: перспективы законодательного регулирования // Образование и право. 2024. № 2. С. 278-282. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-2-278-282.

References

1. Lyashenko M. S., Andreeva O. A. Theoretical methods of legal regulation of digital financial currencies (cryptocurrencies) in the Russian Federation. *Bulletin of Science*. 2024;1(70):294-304. (In Russ.).

2. Gizatulin I. Y., Mokrushin V. I. Legal regulation of cryptocurrencies. *International Journal of Humanities and Natural Sciences.* 2025;2-1(101):258-261. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2500-1000-2025-2-1-258-261.

3. Khoroshavin M. Y. On the issue of including cryptocurrencies in the debtor's bankruptcy estate. *Civilist*. 2024;(4):66-73. (In Russ.).

4. Kutuev E. K. Karpov E. S. Problems of including cryptocurrencies in the debtor's bankruptcy estate. *Financial Law*. 2025;(4):20-23. (In Russ.). https://doi.org/10.18572/1813-1220-2025-4-20-23.

5. Shishmareva T. P. Cryptocurrency as part of the bankruptcy estate of an insolvent debtor. *Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA)*. 2020;7(71):37-42. (In Russ.). https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.71.7.037-043.

6. Gavrilin, Y. V., Bederov I. S. Establishing the identity of digital currency owners: methodological foundations. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;4(60):101-108. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2072-9391-2021-460-101-108.

7. Khasanshin R. I., Vekshin M. A., Bilalov A. V. On the issue of the procedural significance of introducing digital rights into civil law. *Bulletin of the civil process*. 2020;10(3):198-210. (In Russ.). https://doi.org/10.24031/2226-0781-202010-3-198-210.

8. Gavrin D. A. Digital financial assets and currency in insolvency (bankruptcy) cases. *Russian law: education, practice, science*. 2022;(1):75-82. (In Russ.). https://doi.org/10.34076/2410_2709_2023_1_75.

9. Alekseev N. V. Digital currencies in the debtor's bankruptcy estate. *Economy. Sociology. Right*. 2023;1(29):85-90. (In Russ.). https://doi.org/10.22281/2542-1697-2023-02-01-85-90.

10. Kandyba M., Akhonina Y. Challenging Debtor Transactions with Cryptocurrencies: Regulation and Practice. *Bankovskoe obozrenie. Prilozhenie «FinLegal»*. 2022;(1):63-65.

11. Tveritinova O.G. Fedkov A.S. Cryptocurrency as an object of bankruptcy estate in bankruptcy of citizens: prospects for legislative regulation. *Education and Law.* 2024;(2):278-282. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-2-278-282.

Информация об авторах

Т. Б. Гуляева – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и международного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Нижегородский институт управления.

П. С. Герасин – магистрант факультета управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Нижегородский институт управления.

Information about the authors

T. B. Gulyaeva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil and International Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod Institute of Management.

P. S. Gerasin – Master's student of the Faculty of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod Institute of Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. Authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; одобрена после рецензирования 25.07.2025; принята к публикации 29.07.2025.

The article was submitted 15.05.2025; approved after reviewing 25.07.2025; accepted for publication 29.07.2025.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 119–128
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(3):119–128

Проблемы уголовного и процессуального права

Научная статья
УДК 342.951/343.3
EDN XBXRFM

Семантические аспекты в вопросах юридической ответственности за различные виды пропаганды в России

Евгений Владимирович Миллеров[1], Елена Александровна Миллерова[2]

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия, evgenijj-millerov@rambler.ru, https://orcid.org/0009-0003-5611-8833

[1, 2]Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

[2]Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия, MillerovyEVEA@yandex.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время юридическая ответственность за различные виды социально опасной пропаганды получила свое распространение, как в нормах Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, так и нормах Уголовного кодекса Российской Федерации. Довольно непростая природа и близкое семантическое значение термина «пропаганда» с другими терминами, примененными законодателями в этих нормах в качестве альтернативы пропаганды либо ее инструмента, делает актуальной **цель** статьи – детальное исследование этих норм на предмет выявления пробелов и несоответствий терминологического арсенала, использованного в нормотворческой практике при разработке и введении статей об ответственности за пропаганду в вышеуказанные кодексы.

Методы. Нормативной основой данного исследования послужили некоторые основополагающие нормы Конституции Российской Федерации, нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие юридическую ответственность за разные виды пропаганды, а также уголовное законодательство и законодательство об административных правонарушениях некоторых стран ближнего зарубежья. Методологическую основу данного исследования составили: диалектический метод познания, историко-правовой, сравнительно-правовой, системно-структурный и некоторые другие методы научного познания.

Результаты. В рамках данного исследования рассмотрены семантические аспекты в вопросах применения законодателями термина «пропаганда» в нормах российского законодательства об административных правонарушениях и уголовного закона, предусматривающих сегодня ответственность за различные виды социально опасной пропаганды в нашем обществе. Ознакомление с трудами лингвистов касательно их толкования термина «пропаганда» выявило некоторое несовпадение его понимания в лингвистике относительно понимания данного термина в юриспруденции. Проведено сравнительное исследование с другими терминами, обозначающими аналогично наказуемые пропаганде действия (альтернативные), на предмет их семантического сходства и различия, а также соразмерности их опасности для общества, в том числе с приведением позиции Верховного Суда Российской Федерации и анализом судебной практики по разным регионам России.

© Миллеров Е. В., Миллерова Е. А., 2025

Выводы. Приведены результаты наиболее близкого семантического сходства пропаганды с другими, использованными законодателями терминами. Выявлены некоторые предусмотренные уголовным законом и законодательством об административных правонарушениях альтернативно (равнозначно) наказуемые пропаганде действия, обладающие, по мнению авторов, существенно меньшей опасностью. В некоторых проанализированных нормах обнаружены термины подлежащие, согласно авторским выводам, исключению из этих норм. Выдвинуто предложение о целесообразности введения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовный кодекс Российской Федерации универсальных определений, для применения ко всем нормам, предусматривающим в этих кодексах юридическую ответственность за различные виды пропаганды.

Ключевые слова: пропаганда, юридическая ответственность, виды, административные правонарушения, преступления, терминология, семантическое значение, толкование, особенности, отличия, проблемы, пути совершенствования

Для цитирования: Миллеров Е. В., Миллерова Е. А. Семантические аспекты в вопросах юридической ответственности за различные виды пропаганды в России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 119–128. EDN XBXRFM

Problems of Criminal and Procedural Law

Original article

Semantic aspects in matters of legal responsibility for various types of propaganda in Russia

Evgeny V. Millerov[1], Elena A. Millerova[2]

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia, evgenijj-millerov@rambler.ru, https://orcid.org/0009-0003-5611-8833

[1, 2]Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

[2]Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia, MillerovyEVEA@yandex.ru

Abstract

Introduction. Currently, legal liability for various types of socially dangerous propaganda has become widespread, both in the norms of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and the norms of the Criminal Code of the Russian Federation. The rather complicated nature and close semantic meaning of the term "propaganda" with other terms used by legislators in these norms as an alternative to propaganda or its tool makes **the purpose** of the article relevant – a detailed study of these norms in order to identify gaps and inconsistencies in the terminological arsenal used in standard-setting practice when developing and introducing articles on responsibility for propaganda in the above-mentioned codes.

Methods. The normative basis of this study was some fundamental norms of the Constitution of the Russian Federation, the norms of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation, which provide for legal liability for various types of propaganda, as well as criminal legislation and legislation on administrative offences in some neighboring countries. The methodological basis of this research consists of the dialectical method of cognition, historical-legal, comparative-legal, systemic-structural and some other methods of scientific cognition.

Results. This study examines the semantic aspects of the use of the term "propaganda" by legislators in the norms of Russian legislation on administrative offenses and criminal law, which today provide for responsibility for various types of socially dangerous propaganda in our society. Familiarization with the works of linguists regarding their interpretation of the term "propaganda" revealed some discrepancy in its understanding in linguistics relative to the understanding of this term in jurisprudence. A comparative study was conducted with other terms denoting actions (alternative) that are similarly punishable by propaganda, regarding their semantic similarities and differences, as well as the proportionality of their danger to society, including the position of the Supreme Court of the Russian Federation and the analysis of judicial practice in different regions of Russia.

Conclusions. The results of the closest semantic similarity of propaganda with other terms used by legislators are presented. Some actions provided for by the criminal law and the legislation on administrative offenses are alternatively (equivalently) punishable by propaganda, which, according to the authors, are significantly less dangerous. In some of the analyzed norms, terms were found to be subject, according to the author's conclusions, to exclusion from these norms. A proposal has been put forward on the expediency of introducing universal definitions into the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation to apply to all norms providing for legal responsibility for various types of propaganda in these codes.

Keywords: propaganda, legal responsibility, types, administrative offenses, crimes, terminology, semantic meaning, interpretation, features, differences, problems, ways of improvement

For citation: Millerov E. V., Millerova E. A. Semantic aspects in matters of legal responsibility for various types of propaganda in Russia. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(3):119–128. (In Russ.). EDN XBXRFM

Введение

В соответствии со ст.29 Конституции РФ в нашей стране каждому гарантируется свобода мысли и слова, но при этом не является допустимой пропаганда или агитация, возбуждающая социальную, национальную или религиозную ненависть и вражду, также запрещена пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.[1]

Пропаганда является мощным средством активизации как положительных процессов в обществе (к примеру, пропаганда здорового образа жизни, традиционных российских семейных ценностей, любви к Родине и т.п.), так и явно отрицательных, способных причинить вред гражданам и даже интересам государства в целом (пропаганда наркотиков, нацистской символики, педофилии, однополых отношений и т.п.). В этой связи в любом сильном государстве должны иметь место реальные рычаги борьбы с социально негативной пропагандой, где одним из самых действенных является юридическая ответственность.

В настоящее время ответственность за разные виды социально вредной пропаганды предусмотрена как в Кодексе РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)[2], так и в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ)[3].

Теоретические основы

В КоАП РФ сегодня все составы административных правонарушений, предусматривающих ответственность за социально негативную пропаганду, можно поделить на три группы: 1) пропаганда, способная причинить вред здоровью граждан: (ст. 6.13 и ст. 6.13.1 КоАП РФ); 2) пропаганда, способная причинить вред традиционным российским духовно-нравственным ценностям в сфере половых отношений (ст.ст. 6.21, 6.21.1 КоАП РФ); 3) пропаганда нацизма и экстремизма (ст. 20.3 КоАП РФ).

Составы преступлений, предусматривающие уголовную ответственность за общественно опасную пропаганду, связаны непосредственно с: пропагандой терроризма (ст.ст. 205.2 и 205.4 УК РФ); пропагандой незаконной религиозной деятельностью насильственного характера либо причиняющей вред здоровью граждан иными способами (ст. 239 УК РФ); пропагандой диверсионной деятельности (ст. 281.3 УК РФ); неоднократностью пропаганды нацизма или экстремизма (ст. 282.4 УК РФ).

Если обратить внимание на все вышеперечисленные нормы КоАП РФ и УК РФ, то заметим, что многих из них не было в первоначальной редакции этих кодексов. Так, в июне 2013 г. в КоАП РФ появилась ст. 6.21, а ст. 6.13.1 была введена в КоАП РФ в феврале 2021 г.,

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».
[2] «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // СПС «Консультант Плюс».
[3] «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СПС «Консультант Плюс».

ст. 6.21.1 в декабре 2022 г. В уголовное законодательство, а именно в УК РФ ст. 205.2 была введена в июле 2006 г., ст. 205.4 в ноябре 2013 г., ст. 281.3 в декабре 2022 г., ст. 282.4 была введена в УК РФ несколькими месяцами ранее (июль 2022 года). Таким образом, мы видим, что законодатель активизировал свое внимание на юридическую ответственность за различные виды социально вредоносной пропаганды лишь в последние 10-15 лет.

Помимо пристального внимания российских законодателей относительно борьбы с интересующими нас общественно опасными деяниями пропагандистского характера, в научно-правовом сообществе также выступают с предложениями введения целого ряда норм, предусматривающих юридическую ответственность за виды пропаганды, до сегодняшнего дня в КоАП РФ и УК РФ не имеющихся. Например, одни авторы предлагают ввести в УК РФ общую уголовно-правовую норму об ответственности за антигосударственную пропаганду и агитацию[1, с. 513], другие выдвигают предложение по установлению уголовной ответственности за пропаганду отказа от профилактических прививок [2, с. 20], кто-то считает целесообразным уголовную ответственность за пропаганду наркотиков в сети «Интернет» [3, с. 413], а некоторые даже в своих научных трудах поднимают вопрос установления уголовной ответственности за «пропаганду детского веганства» [4, с. 143–148].

Обращаясь к детальному толкованию термина «пропаганда», сразу скажем, что в законодательстве есть официальные определения, но только для двух видов уголовно наказуемой пропаганды, а именно пропаганды терроризма и диверсии (в примечаниях к ст. 205.2 и ст. 281.3 УК РФ). Определения по своему содержанию схожи, однако в достижении целей пропаганды есть существенные различия. Так, согласно примечанию к ст. 205.2 УК РФ целью пропаганды террористической деятельности является «…формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности», а в примечании к ст. 281.3 УК РФ целью пропаганды диверсии «…формирование у лица убежденности в необходимости осуществления диверсионной деятельности». Таким образом, законодатель определяет цели пропаганды терроризма гораздо шире цели пропаганды диверсионной деятельности. Для других норм УК РФ, равно как и КоАП РФ, предусматривающих юридическую ответственность за другие виды пропаганды, определений не предусмотрено. Вместе с тем, считаем вполне возможным и даже целесообразным предусмотреть как в УК РФ, так и в КоАП РФ единые официальные определения для всех видов преступной и административно наказуемой пропаганды.

Обратимся к Толковому словарю русского языка, где «пропаганда» – это распространение в обществе и разъяснение каких-нибудь воззрений, идей, знаний, учения [5, с. 616]. В этой связи, мы сразу видим, что слово «распространение» является самым близким по семантической природе пропаганде. Более того, распространение в отдельных нормах права даже является инструментом пропаганды.

Некоторые лингвисты, изучив практику применения норм о юридической ответственности за пропаганду отмечают, что по ряду дел (о пропаганде гомосексуализма, пропаганде наркотиков, пропаганде нацизма), пропаганда подразумевала просто распространение сведений (информирование об определенном положении дел), без явных признаков нацеленности субъекта на изменение мнения у адресата пропаганды, что говорит об отличии понимания природы слова «пропаганда» у юристов в сравнении с лингвистами [6, с. 205].

В этой связи посмотрим подробнее, что же именно в лингвистике считается пропагандой. Итак, лингвисты выделяют следующие характерные свойства пропаганды:

1. Субъект пропаганды, который зачастую имеет институциональный характер.

2. Адресат пропаганды, который, как правило, представляет собой определенную социальную группу людей, мнение которых должно быть изменено после воздействия на них путем пропаганды.

3. Совокупность достаточно простых тезисов и аргументов в содержании пропаганды.

4. Противопоставленность оценки желаемой ситуации и ее альтернатив.

5. Повторяемость тезисов в доводимой пропагандистами информации до адресатов пропаганды.

6. Наличие определенного периода пропагандистской компании.

7. Практическая возможность распространения информации в среде адресатов пропаганды [7, с. 62–64].

Ознакомление с признаками пропаганды, выделяемыми в трудах лингвистов, наталкивает на вопрос, является ли она исключительно публичной деятельностью. Как видим, содержательная сторона ни одного из вышеперечисленных лингвистических признаков не имеет прямого указания на публичность, в то же время, акцентирование внимания на определенную социальную группу людей в качестве адресата пропаганды, говорит о том, что лингвисты видят в пропаганде, если даже и не широко публичную, но, согласитесь, и не личностную (индивидуальную) направленность. В этой связи просматривается разночтение в понимании данного термина между лингвистами и правоведами, где вторые считают, что пропаганда может носить не только публичную, но и личностную (индивидуальную) направленность. Такой вывод мы делаем исходя из: 1) отсутствия в нормах КоАП РФ и УК РФ термина «публичная» применительно к пропаганде; 2) толкования термина «пропаганда» Верховным Судом РФ применительно к некоторым составам преступлений[1].

Анализ судебной практики говорит о том, что пропаганда также очень схожа с рекламированием. В этой связи их разграничение не всегда бывает четким и простым, что показывает выборочный анализ рассмотрения дел о правонарушении, предусмотренном ст. 6.13 КоАП РФ[2].

Однако сравнение содержательной стороны слова «реклама» с термином «пропаганда» позволяет увидеть довольно существенную разницу между ними. Так, под «рекламой» согласно п. 1 ст. 3 ФЗ «О рекламе» понимается «информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке»[3].

Под объектами рекламы в соответствии с п. 2 ст. 3 этого же ФЗ понимаются рекламируемые: товары; средства индивидуализации юридического лица и (или) товара; изготовитель или продавец товара; результаты индивидуальной деятельности или мероприятие. Таким образом, реклама исключительно нацелена на пробуждение интереса к продаваемому товару либо продаваемым услугам у потенциального их покупателя. В этой связи, к примеру, неуместно говорить «сделать рекламу человека» (т.е. рекламировать его как личность), для этого, особенно в рамках предвыборных компаний, есть точно подходящее и традиционно применяемое слово «агитация», что видно и из федеральных законов, данные процессы регулирующих[4], а также норм, предусматривающих юридическую ответственность за нарушения законодательства касаемо агитации. К слову, в России за такие деяния предусмотрена только административная ответственность (ст.ст. 5.8, 5.10, 5.11, 5.13 КоАП РФ), между тем, анализ уголовного законодательства стран СНГ говорит о том, что

---

[1] «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) // СПС «Консультант Плюс».

[2] Постановление Центрального районного суда г. Читы (Забайкальский край) от 21.08.2024 г. по делу об административном правонарушении № 5-1008/2024; Постановление Центрального районного суда г. Читы (Забайкальский край) от 28.08.2024 г. по делу об административном правонарушении № 5-1091/2024 // «Судебные и нормативные акты РФ». https://sudact.ru/.

[3] Федеральный закон 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О рекламе» // СПС «Консультант Плюс».

[4] Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»; Федеральный закон от 10.01.2003 N 19-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О выборах Президента Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»; Федеральный закон от 22.02.2014 N 20-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

в некоторых государствах Содружества, за отдельные действия, связанные с агитацией в предвыборных компаниях и референдумах, предусмотрена и уголовная ответственность (ст. 191 УК Республики Беларусь[1], ст. 147 Уголовного кодекса Республики Узбекистан[2]).

В КоАП РФ и УК РФ помимо наказуемости за социально вредоносную пропаганду, имеется немалое количество норм, предусматривающих юридическую ответственность и за призывы к какой-либо социально опасной деятельности, что семантически близко пропаганде, в данной связи на этом нельзя не заострить наше внимание. Согласно Словарю лингвистических терминов О.С. Ахмановой «призыв» является одной из нескольких основных функций языка, заключающейся в обращении к слушающему и побуждении его к восприятию речи [8, с. 356, 508].

В соответствии с уже упомянутым Словарем С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой под «призывом» может пониматься целый ряд действий: позвать, пригласить, потребовать явиться или делать что-нибудь; предложить вести себя определенным образом; пожелать чего-нибудь кому-нибудь; потребовать явки на военную службу; политический лозунг, обращение, в лаконичной форме выражающее руководящую политическую идею, требование; просьба, мольба; установленное законом привлечение граждан к выполнению воинской обязанности; лица определенного возраста, одновременно призываемые на военную службу [5, с. 591].

За социально опасные призывы предусмотрена ответственность целым рядом норм КоАП РФ и УК РФ: ст.ст. 13.15, 13.37, 13.41, 14.62, 20.2.2, 20.3.2, 20.3.3, 20.3.4 КоАП РФ; ст.ст. 110.2, 205.2, 212, 280, 280.1, 280.3, 280.4, 284.2, 354 УК РФ. Наказуемы призывы к: террористической деятельности; экстремистской деятельности; незаконному массовому пребыванию и передвижению граждан в общественных местах; нарушению территориальной целостности России; дискредитации деятельности Вооруженных Сил РФ; введению иностранным государством ограничительных мер в отношении России и ее граждан; самоубийству; массовым беспорядкам; против безопасности РФ; развязыванию агрессивной войны и др.

В большинстве вышеперечисленных норм КоАП РФ и УК РФ наказуемость имеет место при наличии публичности призывов (использован термин «публичные призывы»), а лишь в некоторых нормах признака публичности для призывов не требуется (ст.ст. 13.41, 14.62, 20.3.4 КоАП РФ; ст.ст. 110.2, 212, 284.2 УК РФ). В этой связи сам собой напрашивается вопрос: Может ли быть призыв не публичным, а если нет, то прав ли законодатель, указывая его в вышеуказанных нормах КоАП РФ и УК РФ без обязательного признака публичности? Возвращаясь к приведенному здесь выше толкованию этого термина известными отечественными лингвистами (Ахманова О.С., Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.), а также соглашаясь с мнением правоведов, посвятивших свои исследования непосредственно вопросам юридической ответственности за общественно опасные призывы, в том, что «…сущностная направленность призывов – стремление возбудить у лица или многих лиц желание совершать преступления определенной направленности (на наш взгляд, это аналогично применимо и к адм. правонарушениям – прим. авт.) путем тщательного внушения, а не разового высказывания или просто предложения» [9, с. 215], можно дать уверенный ответ в том, что действительно, призывы могут носить как массовый (публичный) характер, та и определенную адресность.

Кстати, опять же, говоря касательно определений терминов, в данном случае термина «призывы» либо «публичные призывы», интересно отметить, что в упомянутом выше примечании к ст. 205.2 УК РФ даны определения всем ключевым терминам в этой статье («террористическая деятельность», «публичное оправдание терроризма», «пропаганда

[1] Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изм. и доп. по сост. на 17.02.2025 г.) // ИС «Континент» – https://continent-online.com/.

[2] Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII) (с изм. и доп. по сост. на 27.03.2025 г.) // ИС «Континент» – https://continent-online.com/.

терроризма»), за исключением термина «публичные призывы» к этой деятельности. Вместе с тем, толкование этому термину имеется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященного вопросам судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности[1].

В рамках данного исследования не будем обходить стороной сравнение пропаганды с еще одним термином – «склонение». В КоАП РФ термин склонение законодатель не применил, а вот в диспозициях норм Особенной части УК РФ это слово использовано чаще, чем пропаганда. Склонение в качестве действия как признака объективной стороны встречается здесь в целом ряде составов преступлений (ст.ст. 110.1, 151.2, 184, 205.1, 230, 230.1, 281.1, 282.1, 282.2 УК РФ).

Сравнивая перечень норм УК РФ, где в диспозиции использован термин «склонение» с перечнем статей, где есть слово «пропаганда», мы не находим ни одной нормы, где бы эти термины применялись совместно, как, например, «пропаганда» и «публичные призывы». Это легко объяснимо, ведь склонение, в отличие от пропаганды или призывов, всегда четко адресовано, направлено на конкретного физического лица (либо нескольких конкретных лиц), в целях добиться от них желаемого для субъекта преступления поведения. В этой связи, наиболее часто применяемым термином в качестве альтернативы склонению, выступает слово «вовлечение», которое встречается в диспозициях большинства составов преступлений, где «склонение» как преступное действие имеет место быть (ст.ст. 151.2, 205.1, 212, 281.1, 282.1, 282.2 УК РФ).

Результаты и обсуждение

Анализ норм КоАП РФ и УК РФ, предусматривающих ответственность за различные виды пропаганды, показал, что законодатель ставит в равнозначность этому действию немало альтернативных деяний. Так, в ч. 1 ст. 6.13 КоАП РФ реклама альтернативна пропаганде («пропаганда либо незаконная реклама») относительно наркотических средств и иных веществ, предусмотренных диспозицией этой нормы. В ст. 6.13.1 КоАП РФ предусмотрена ответственность за пропаганду потребления закиси азота либо распространение информации о его реализации вне целей, перечисленных в диспозиции этой нормы. В ч. 1 ст. 6.21 КоАП РФ распространение информации о нетрадиционных сексуальных отношениях указана законодателем в качестве составляющей пропаганды таких отношений, равно как частью пропаганды здесь выступает совершение каких-либо публичных действий, направленных на формирование у людей нетрадиционных сексуальных установок. То же самое и в ст. 6.21.1 КоАП РФ, где распространение информации о педофилии, является частью ее пропаганды. Некоторые авторы предлагают заменить в данной норме термин «пропаганда» на слово «оправдание», т.к. содержание диспозиции указанной статьи, по их мнению, наиболее соответствует именно второму из двух указанных терминов [10, с. 75]. В ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ альтернативой пропаганде и равно наказуемым этой нормой действием является публичное демонстрирование атрибутики или символики, перечисленной в данной статье (нацистская, экстремистская).

В ст. 205.2 УК РФ пропаганде терроризма альтернативой и равно наказуемыми действиями выступают публичные призывы к осуществлению терроризма, а также публичное его оправдание. Согласно ч. 3 ст. 239 УК РФ участие в деятельности организаций, указанных в частях первой и второй данной нормы, равнозначно по степени своей общественной опасности с пропагандой создания и руководства такими организациями. В ст. 282.4 УК РФ предусмотрен состав с административной преюдицией, который отсылает к ст. 20.3 КоАП РФ, поэтому по терминологическому соотношению пропаганды с другими видами общественно опасных действий здесь все то же самое, что и было указано при анализе ст. 20.3 КоАП РФ.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «Консультант Плюс».

Некоторые авторы, так же как и мы исследовавшие вопросы квалификации деяний по ст. 20.3 КоАП РФ, отмечают, как правило, отсутствие пропаганды в совершении этого деяния: «…Чаще всего в действиях правонарушителей усматривается публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, как правило, пропаганда не имеет доказательственной силы» [11, с. 74].

Детальный анализ диспозиций норм КоАП РФ и УК РФ, предусматривающих юридическую ответственность за различные виды социально опасной пропаганды, наряду с альтернативно наказуемыми ей действиями, на наш взгляд, необходим, в том числе по причинам, некоторыми авторами уже указанным: «…Альтернативные деяния не должны быть идентичными или лишь тождественными в какой-то отдельной части, в ином случае происходит наслоение уголовно-правовых явлений, как правило, приводящее к дополнительным трудностям в правоохранительной деятельности» [12, с. 142].

В целях наибольшей наглядности такого анализа приведем термины, использованные в диспозициях интересующих нас норм в виде таблицы (см.: табл. 1).

Таблица 1 – Терминология, применяемая наряду с пропагандой в нормах КоАП РФ и УК РФ

Table 1 – Terminology used along with propaganda in the norms of the Administrative Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation

терминология	статьи
реклама	ч.1 ст.6.13 КоАП РФ
распространение информации	ст.6.13.1 КоАП РФ
навязывание информации	ч.1 ст.6.21, ч.1 ст.6.21.1 КоАП РФ
публичное демонстрирование	ч.1 ст.20.3 КоАП РФ, ч.1 ст.282.4 УК РФ
публичные призывы	ч.1 ст.205.2 УК РФ
публичное оправдание	ч.1 ст.205.2 УК РФ
участие в деятельности	ч.3 ст.239 УК РФ

Анализ действий, являющихся альтернативой пропаганде и равнозначной ей наказуемостью, позволяет увидеть различную, на наш взгляд, их общественную опасность. Так, например, равнозначно наказуемое пропаганде распространение информации (ст. 6.13.1 КоАП РФ), явно имеет менее вредоносный характер, нежели пропаганда, поэтому последняя должна быть потенциально жестче наказуема, чем просто распространение информации. То же самое можно сказать о публичном демонстрировании (ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, ч. 1 ст. 282.4 УК РФ).

Применение словосочетания «навязывание информации» в качестве альтернативы указанной здесь же пропаганды в ч. 1 ст. 6.21 и ч.1 ст. 6.21.1 КоАП РФ выглядит не совсем удачным нормотворческим шагом законодателей, поскольку навязывание информации другим гражданам, на наш взгляд, является частью пропаганды, а не ее альтернативой. В этой связи, навязывание информации было бы правильным из вышеуказанных норм исключить.

Заключение

Таким образом, в результате исследования семантических аспектов в вопросах юридической ответственности за различные виды пропаганды, предусмотренной нормами КоАП РФ и УК РФ, можно сделать следующие выводы и некоторые предложения:

1. В качестве признака объективной стороны, как административных правонарушений, так и преступлений, пропаганда наиболее близка по своей природе и семантическому значению к деяниям, называемым законодателями: «призывы», «распространение», «реклама».

2. Выявлено несколько отличающееся понимание природы пропаганды у лингвистов и правоведов. В научных трудах первых, очевидно, что в пропаганде они усматривают исключительно публичную направленность (публичный характер), согласно нормотворческой практике вторых, а также их толкованию норм, предусматривающих юридическую ответственность за различные виды пропаганды, она может носить как публичную, так и частную (индивидуальную) направленность на конкретного человека.

3. Пропаганда является наиболее социально опасной в сравнении с равнозначно наказуемым ей сегодня распространением информации (ст. 6.13.1 КоАП РФ), поэтому пропаганда должна быть наказуема жестче, чем просто распространение информации. То же самое касается и равнозначности наказуемости в настоящее время пропаганды и публичного демонстрирования (ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, ч. 1 ст. 282.4 УК РФ).

4. Применение словосочетания «навязывание информации» в качестве альтернативы пропаганды в ч. 1 ст. 6.21 и ч. 1 ст. 6.21.1 КоАП РФ выглядит не совсем удачным нормотворческим шагом законодателей, поскольку навязывание информации другим гражданам, на наш взгляд, является частью пропаганды, а не ее альтернативой. В этой связи, навязывание информации было бы правильным в указанных нормах исключить.

5. В Кодексе РФ об административных правонарушениях и Уголовном кодексе РФ целесообразно предусмотреть универсальные определения пропаганды, применительно ко всем нормам, предусматривающим юридическую ответственность за административно / уголовно наказуемые виды пропаганды в данных кодексах.

Список источников

1. Ступина С.А. К вопросу об уголовной ответственности за антигосударственную пропаганду и агитацию // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 510–513.

2. Гунай А. Ч. К вопросу об ответственности за пропаганду отказа от вакцинации // Эпомен. 2019. № 31. С. 14–22.

3. Муравьев С. И. Уголовная ответственность за пропаганду наркотиков в сети «Интернет»: назревшая необходимость или угроза конституционным свободам ? // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4. С.405–416.

4. Хачатрян В. А., Симонян Р. З. О необходимости введения уголовной ответственности за пропаганду детского веганства // Медицинское право: теория и практика. 2023. № 3-4 (21-22). С. 143–148.

5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

6. Плотникова А.М. Пропаганда: коллизии юридического и лингвистического понимания // Материалы Международной научной конференции «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления». Екатеринбург: УГПУ, 2015. С. 201–205.

7. Баранов А. Н., Паршин П.Б. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. № 2. Том 12. С. 53–65.

8. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: «Советская энциклопедия», 1966. 606 с.

9.Минязева Т. Ф., Добряков Д. А. Ответственность за призывы к совершению преступления в уголовном праве Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 210–218.

10. Рыдченко К. Д. Административная ответственность за пропаганду педофилии: перспективы применения и пути совершенствования // Общество и право. 2023. №1 (83). С. 71–78.

11. Кирьянова О. В. Административная ответственность за пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики и символики: теория и судебная практика // Аграрное и земельное право. 2023. № 5 (221). С. 72–75.

12. Пшеничнов И. М., Смирнов Е. А. К вопросу об ответственности за пропаганду и оправдание терроризма: состояние, зарубежный опыт, пути совершенствования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3 (51). С. 137–144.

References

1. Stupina S. A. On the issue of criminal liability for anti-state propaganda and agitation. *Law and the State: theory and practice*. 2024;9(237):510–513. (In Russ.)

2. Gunai A. Ch. On the issue of responsibility for the promotion of vaccination refusal. *EPOMEN*. 2019;(31):14–22. (In Russ.)

3. Muravyov S. I. Criminal liability for drug propaganda on the Internet: urgent need or threat to constitutional freedoms ? *Issues of Russian justice.* 2019;(4);405–416. (In Russ.)

4. Khachatryan V. A., Simonyan R. Z. On the need to criminalize the promotion of child veganism. *Medical law: theory and practice.* 2023;3-4(21-22):143–148. (In Russ.)

5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions* / RAS. V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language – 4th ed., supplement. – Moscow: Azbukovnik; 1999. (In Russ.)

6. Plotnikova A. M. Propaganda: conflicts of legal and linguistic understanding. In: *Proceedings of the International Scientific Conference "Political Linguistics: problems, methodology, research aspects and prospects for the development of the scientific field".* Yekaterinburg: UGPU; 2015. Pp. 201–205. (In Russ.)

7. Baranov A. N., Parshin P. B. The category of propaganda in the linguistic examination of the text. *Theory and practice of forensic examination.* 2017;2(12):53–65. (In Russ.)

8. Akhmanova O. S. *Dictionary of Linguistic Terms*.– Moscow: Soviet Encyclopedia; 1966. 606 p. (In Russ.)

9. Minyazeva T.F., Dobryakov D.A. Responsibility for calls to commit a crime in the criminal law of the Russian Federation. *Bulletin of Tomsk State University.* 2024;(499);210–218. (In Russ.)

10. Rydchenko K. D. Administrative responsibility for pedophilia propaganda: prospects of application and ways of improvement. *Society and law.* 2023;1(83):71–78. (In Russ.)

11. Kiryanova O. V. Administrative responsibility for propaganda and public display of Nazi paraphernalia and symbols: theory and judicial practice. *Agrarian and Land Law.* 2023;5(221):72–75. (In Russ.)

12. Pshenichnov I. M., Smirnov E. A. On the issue of responsibility for propaganda and justification of terrorism: status, foreign experience, ways of improvement. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2020;3(51):137–144. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. В. Миллеров – кандидат юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления; доцент, Донской государственный технический университет.

Е. А. Миллерова – кандидат юридических наук, доцент, Ростовский государственный университет путей сообщения; доцент, Донской государственный технический университет.

Information about the authors

E. V. Millerov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute of Management; Associate Professor, Don State Technical University.

E. A. Millerova – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Rostov State Transport University; Associate Professor, Don State Technical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.05.2025; одобрена после рецензирования 29.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 13.05.2025; approved after reviewing 29.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 129–138
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(3):129–138

Научная статья
УДК 342.3+343.7
EDN XEWJEB

Информационные войны и иные киберугрозы личной, общественной и государственной безопасности

Ирина Анатольевна Семенцова[1], Андрей Иванович Фоменко[2]

[1]Московский университет имени С. Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия
[1]Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия
[1, 2]Южный университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия
[1]irina_semen@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0003-0888-0877
[2]fomenko300078@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9946-0634

Аннотация

Введение. Научная статья раскрывает некоторые современные проблемы информационной безопасности российского общества и государства в условиях возникающих рисков, угроз и открытых атак. Рассматриваются преступные проявления и противоборства в различных сферах общественной и политической жизни, реализующиеся в информационном пространстве глобальной сети и с использованием IT-технологий. При этом, согласно актуальной статистике, за последние годы специальные службы задерживали и заключали под стражу десятки шпионов, а также пресекали попытки огромного количества российских граждан, старающихся передать секретную информацию другим государствам, что подрывает государственную безопасность нашей страны.
В статье обозначаются проблемы законодательства и практики его применения при охране цифрового пространства в России и способы их преодоления, виды киберпреступлений и авторское видение по совершенствованию уголовного законодательства в этой области.
Цель. Детальное исследование стратегии, тактики и методов ведения информационных войн для разработки системы активного противодействия.
Материалы и методы. Для достижения обозначенной выше цели исследования были использованы такие методы, как системно-структурный анализ, статистический метод, метод перехода от общего понятия к частному, сравнительно-правовой метод, метод правового моделирования. Также принимались во внимание мнения ученых, выраженные в опубликованных научных трудах по схожей тематике.
Результаты. С точки зрения уголовно-правовых норм рассматриваются формы информационной войны. Делается акцент на высокий диверсионный, экстремистский и террористический потенциал преступлений, совершаемых в сети «Интернет» и посредством информационных баз данных. Проанализированы составы общеуголовных преступлений, в которых в качестве факультативного признака объективной стороны фигурирует способ совершения преступления посредством сети «Интернет».
Выводы. Предлагается дополнить часть норм Уголовного кодекса Российской Федерации уточняющими формулировками квалифицирующего признака его совершения «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»», так как использование электронных и информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступления повышает степень его общественной опасности за счет упрощения совершения деяния, анонимности преступников, а также массовости, быстроты и глубины проникновения негативного информационного террористического воздействия на общество.

© Семенцова И. А., Фоменко А. И., 2025

Ключевые слова: цифровизация, информационная война, киберпреступность, угрозы информационной безопасности, уголовно-правовая охрана, искусственный интеллект, сеть «Интернет», цифровые технологии, мошенничество, фишинговые технологии

Для цитирования: Семенцова И. А., Фоменко А. И. Информационные войны и иные киберугрозы личной, общественной и государственной безопасности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 129–138. EDN XEWJEB

Problems of Criminal and Procedural Law

Original article

Information wars and other cyber threats to personal, public and state security

Irina A. Sementsova[1], Andrey I. Fomenko[2]

[1]Moscow University named after S.Yu. Witte, branch in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia
[1]Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia
[1, 2]Southern University, Rostov-on-Don, Russia
[1]irina_semen@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0003-0888-0877
[2]fomenko300078@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9946-0634

Abstract

Introduction. The scientific article reveals some modern problems of information security of the Russian society and the state in the context of emerging risks, threats and open attacks. Criminal manifestations and confrontations in various spheres of public and political life, realized in the information space of the global network and using IT technologies, are considered. At the same time, according to current statistics, in recent years, special services have arrested dozens of spies, as well as thwarted attempts by a huge number of Russian citizens trying to transfer classified information to other states, which undermines the national security of our country.

The article outlines the problems of legislation and the practice of its application in protecting the digital space in Russia and ways to overcome them, types of cybercrimes and the author's vision for improving criminal legislation in this area.

Purpose. A detailed study of the strategy, tactics and methods of information warfare for the development of an active counteraction system.

Materials and methods. To achieve the above-mentioned research goal, such methods as system-structural analysis, statistical method, method of transition from a general concept to a particular one, comparative legal method, method of legal modeling were used. The opinions of scientists expressed in published scientific papers on similar subjects were also taken into account.

Results. From the point of view of criminal law norms, the forms of information warfare are considered. The emphasis is placed on the high subversive, extremist and terrorist potential of crimes committed on the Internet and through information databases. The composition of ordinary crimes is analyzed, in which the method of committing a crime via the Internet appears as an optional feature of the objective side.

Conclusions. It is proposed to supplement part of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation with clarifying formulations of the qualifying sign of its commission "using information and telecommunication networks, including the Internet," since the use of electronic and information and telecommunication networks in the commission of a crime increases the degree of its public danger by simplifying the commission of the act, anonymity of criminals as well as the magnitude, speed and depth of the negative informational terrorist impact on society.

Keywords: digitalization, information warfare, cybercrime, information security threats, criminal law enforcement, artificial intelligence, the Internet, digital technologies, fraud, and phishing technologies

For citation: Sementsova I. A., Fomenko A. I. Information wars and other cyber threats to personal, public and state security. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(3):129–138. (In Russ.). EDN XEWJEB

Введение

В качестве первостепенных задач система информационной безопасности российского общества ставит соблюдение конституционных прав и свобод граждан при использовании информационных технологий, их научно-техническое развитие, обеспечение бесперебойного функционирования критической инфраструктуры и противодействие угрозам использования информационных технологий в целях нарушения стратегической стабильности. Также система информационной безопасности должна обеспечивать доступность информации и услуг, сохранение конфиденциальности и целостности данных пользователя, минимизацию потенциального негативного воздействия нарушителя, сохранение работоспособности (неотказности) информационных систем.

Проблема законодательного регулирования использования сети «Интернет» и отношений, возникающих в цифровом пространстве, является весьма актуальной для ученых-современников и правоприменителей. С развитием информационного пространства, неизбежно активизируются и криминальные элементы. Способы и формы преступных проявлений трансформируются в ногу с цифровой эволюцией.

Однако на сегодняшний день именно в данной сфере уголовное законодательство не в полной мере регулирует отношения, возникающие в интернет-пространстве, и не готово к стремительному развитию современных информационных технологий, что свидетельствует о необходимости доработки данного вопроса на законодательном уровне.

Цель исследования. По указанным выше причинам детальное исследование стратегии, тактики и методов ведения информационных войн для разработки системы активного противодействия является целью настоящей статьи.

Материалы и методы. Для достижения обозначенной выше цели исследования были использованы такие методы, как системно-структурный анализ, статистический метод, метод перехода от общего понятия к частному, сравнительно-правовой метод, метод правового моделирования. Также принимались во внимание мнения ученых, выраженные в опубликованных научных трудах по схожей тематике.

Результаты и обсуждение

Все чаще в правовых реалиях нашего государства встает понятие «цифровизация», изначально созданное в целях повышения качества жизни населения, быстрого и эффективного удовлетворения запросов общества. Цифровизация с точки зрения профессора Куксина И. Н. представляется эволюционной положительной тенденцией развития общественных отношений, порожденных цифровыми технологиями в различных сферах, позволяющих достичь более высокого качества продукта на основе применения различных систем искусственного интеллекта с наименьшей затратой труда [1, с. 7].

Однако это новое прогрессивное явление с другой стороны породило новые вызовы и проблемы. Все чаще юристы-ученые и правоприменители упоминают понятие «информационная война», где местом боевых действий выступает информационное пространство и цифровой мир. Она не имеет четких временных рамок (не объявляется и не прекращается) при этом стратегически выстраивается, постепенно определяя выбор действий в зависимости от шага противника. Информационная война, даже имея цель политического превосходства, всегда в основном обращена на население и сознание человека. Очень сложным оказывается оценка последствий такой войны, так как фактических разрушений от нее нет, оценить вред, нанесённый информационной инфраструктуре проблематично, причинно-следственная связь между действием и последствием сложно доказуема. Информационная война многолика и имеет в своем арсенале множество форм и методов.

Полным ходом идет внедрение в массовое сознание ложных тезисов, взглядов и концепций, а также чуждых нашему обществу установок, ценностей и норм. Все это делается для того, чтобы подвергаемые негативному воздействию суверенные государства оказались неспособными проводить независимую политику, противостоять агрессивным замыслам противника.

Все чаще используется в качестве информационного оружия против нашей страны формат исторического дискурса. В ряде случаев фальсифицированная история используется для проведения недружественных акций влияния, предъявления России территориальных, политических, финансово-экономических претензий, ослабления авторитета на международной арене, принижения роли нашей страны в мировой истории [2, с. 1].

В связи с требованиями времени, специальной военной операцией, санкциями и связанными с этими факторами угрозами для Российской Федерации был издан Указ Президента России от 1 мая 2022 г. № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности РФ» (в ред. Указа Президента России от 13 июня 2024 г. № 500). Этот указ кардинально изменил подход к обеспечению кибербезопасности в российских организациях. Внесенными в него изменениями расширены меры обеспечения информационной безопасности в нашем государстве, к примеру, с 1 января 2025 года органам государственной власти, госкомпаниям, стратегическим предприятиям и системообразующим организациям запрещено не только использовать средства защиты информации из недружественных стран, но и пользоваться их сервисами (работами, услугами) по обеспечению информационной безопасности.

Государственная позиция требует формирования выверенного, научно- исторического взгляда, глубокого интереса и уважения к истории своей страны, распространения объективных знаний о её прошлом.

Одной из разновидностей неизвестных ранее угроз, исходящих от повсеместного внедрения цифровых технологий, является киберпреступность и различные схемы цифровых обманов.

Целями мошенников становятся личные данные физических лиц, доступ к их банковским счетам, базы данных государственных органов и коммерческих и иных организаций, автоматизированные системы управления, в сфере внешнеэкономической безопасности, обороны, финансов, промышленности, здравоохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, то есть критическая информационная инфраструктура. Совершенствуются способы информационного противостояния: распространение запрещенной информации, создание зеркальных сайтов для хищения электронных средств и продажи наркотических средств и психотропных веществ, онлайн-казино, экстремистских и террористически сообществ, функционирование параллельно теневой сегмент Интернета, введение различных цифровых активов (коины, токены), неконтролируемых банковской системой, для оплаты товаров и услуг с сети [3, с. 1065].

Достаточно часто мошенники применяют фишинговые технологии интернет-мошенничеств с целью получения доступа к конфиденциальным данным – логинам, паролям, доступам к банковским счетам пользователей. Это происходит, например, с помощью сайтов-копий реальных электронных ресурсов финансовых организаций. Повышаются риски стать жертвами преступных схем при возникновении опосредованных технических отношений или с использованием сервисов искусственного интеллекта, в частности, при оказании дистанционных образовательных или медицинских услуг, оказании правовой помощи, продажи авиа-, ж/д-билетов, билетов на развлекательные мероприятия и пр.

В научной юридической литературе отмечается, что с появлением новых общественных отношений в сфере информационного пространства, цифровой безопасности формируется новая подотрасль права, которая призвана урегулировать новые процессы. Появляются новые термины – «цифровые права», «цифровые обязанности», «цифровая ответственность». В этой связи предлагается принцип разделенной ответственности, когда за ошибки робота или даже ущерб, причиненный им, ответственность несет разработчик программы и оператор, обеспечивающий его использование и эксплуатацию [4, с. 8]. Исследователь Иткина Я.Я. считает необходимым наделить искусственный интеллект правосубъектностью, признать и официально закрепить в гражданско-правовом поле появления «электронного лица» как нового субъекта правоотношений. При этом в отличие от действий юридического лица,

за интересами которого стоят конкретные индивиды, в данном случае ответственность предлагается возложить на компанию-разработчика [5, с. 41].

Существенными факторами, делающими борьбу с современными информационными угрозами неэффективной, являются недостаточное нормативное регулирование функционирования социальных сетей, слабые средства противостояния кибер-атакам (уязвимость, неустойчивая антивирусная защита), отсутствие механизмов защиты частной жизни и персональных данных пользователей, неадекватные ответные меры против массового распространения клеветы и иной заведомо недостоверной информации, отсутствие законодательно закрепленной специальной терминологии и отставание в развитии уголовного законодательства, не успевающего эволюцией преступных способов [6, с.41].

Преступления в сфере компьютерной информации отдельно выделены в главу 28 Уголовного кодекса Российской Федерации. Считаем, что в целом законодатель предусмотрел достаточный перечень оснований для уголовной ответственности за совершение деяний, причиняющих вред или создающих угрозу его применения отношениям в сфере производства, хранения, использования и распространения компьютерной информации. Изучение этих составов не входит в предмет данного исследования. При этом хотелось бы остановиться на особенностях квалификации некоторых составов общеуголовных преступлений против личности, собственности, общественной безопасности, совершаемых с использованием информационных технологий в сети.

СМИ, в том числе и «Интернет», указаны как возможный способ совершения преступлений, связанных с доведением до самоубийства, содействием и склонением к самоубийству (ст. 110–110.2 УК РФ). И действительно, посредством угроз, травли, советов в социальных сетях достаточно часто происходят различного рода понуждение покончить жизнь. Законодатель предусмотрел квалифицирующий признак публичности и «использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» при распространении клеветнической информации, которая нередко доводится и становится известной через соцсети, форумы, мессенджеры. Также как и угрозы расправы, за которые предусмотрена ответственность в соответствии во ст. 119 УК РФ, хотя, в последней норме уголовного закона не указан данный признак, что значительно усложняет уголовно-правовую квалификацию при совершении преступления, например, публично и/или в Интернете. Считаем это нормативной недоработкой.

Аналогично следует поступить законодателю при вовлечении несовершеннолетнего в преступные или антиобщественные деяния, включив в ст. 150 и 151 УК РФ признак, когда субъект действует через сеть «Интернет».

При тайном хищении чужого имущества законодатель п. «г» ч.3 ст. 158 посвятил краже электронных денежных средств. Речь идет об использовании чужой или поддельной платежной карты либо числе, получив к ней доступ (пин-код, контрольную информацию). В случае же если с чужой банковской карты происходят безналичные расчеты по оплате товаров в Интернете, или с помощью зеркальных сайтов (без обмана или злоупотребления доверием) считаем необходимым применить квалифицированный состав с признаком «использования информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"».

Обманные способы при совершении простого мошенничества (ст. 159 УК РФ), в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ), получения выплат (ст. 159.2 УК РФ), страхования (ст. 159.5 УК РФ) с использованием цифровых технологий, также недостаточно урегулированы уголовным законом. Пора внести соответствующие изменения в нормы о заведомо ложном сообщении о теракте (ст. 207 УК РФ), вовлечение в участие в экстремистском сообществе (организации) (ст. 282.1 и 282.2 УК РФ). Очевидно, что данные виновные деяния могут быть совершены с использованием Интернет-ресурсов. Данный факт набирает все большую актуальность ввиду того, что только за 2023 год Роскомнадзором и прокуратурами было заблокировано более 558 тыс. интернет-страниц с материалами пронаркотического, суицидального,

экстремистского и террористического содержания[1]. Львиная доля пользователей таких каналов молодые люди в возрасте от 15 лет [7, с. 11].

Опорой и преемственностью населения выступает молодежь. Именно эта социальная группа больше всех остальных подвержена воздействию преступности, как традиционной, так и цифровой. Преступники пользуются уязвимостью подростков, их неокрепший разум становится еще одним средством на пути к победе в информационной войне. Никуда не уходит из России и мода на молодежные субкультуры. Молодые люди на протяжении всей истории развития общества стремились к обособлению в группы по различным признакам, интересам, устремлениям. Зачастую идеи таких общностей близки к экстремистским. Участников подобных групп призывают к антиобщественной деятельности, массовым дракам, унижению инакомыслящий и инаковыглядящих.

Яркая демонстрация тому – появившаяся в 2023 г. молодежная организация любителей аниме «Рёдан», создание и руководство которой осуществлялось через Интернет-сообщества. Члены этой группы по своим идейным соображениям не раз становились участниками массовых беспорядков и хулиганских действий в крупных городах России. Очевидно, что для подобных правонарушителей сегодня стирается грань между стремлением законно реализовать конституционные права на самовыражение и экстремистскими проявлениями.

В преступлениях террористической направленности обращения о готовящихся взрывах, поджогах и иных устрашающий действиях, угрожающих безопасности, все чаще направляются с помощью Интернет ресурсов. В 2022 г. произошёл всплеск поступивших сообщений о грядущих терактах. Письма такого содержания поступали на официальные адреса электронной почты государственных органов и коммерческих и иных организаций (правоохранительных органов, школ, вузов, организаций системы здравоохранения, торговых центров и т.д.), что неизбежно привело к сбоям учебного процесса и работы административного персонала. Сообщения поступали массово и регулярно. Настолько, что пользователи просто переставали реагировать на них, удаляя из электронного ящика. Это еще раз говорит о несовершенстве уголовно-правовой охраны, в частности, проблемах квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма [8, с. 84], а также о неготовности госорганов к информационному противостоянию.

В российских нормативных источниках нет дефиниции не категории «информационная война», не «война» в общем её понимании. Очевидно, что «информационная война» сложная, комплексная, но не неопределяемая в рамках российского федерального законодательства категория. А раз так, то существует возможность и нормативного ее закрепления как это сделано в некоторых международно-правовых актах, а именно в приложении № 1 к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, подписанного 25 декабря 2013 г. Кроме этого, данное определение также предложено в статье 2 концепции Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности (проект), внесенной в ООН на рассмотрение 15 мая 2023 г. ее разработчиками Россией, Белоруссией, КНДР, Никарагуа и Сирией.

Информационная война – открытые или скрытые целенаправленные информационные воздействия систем друг на друга с целью получения определенного выигрыша в материальной, военной, политической или идеологической сферах [9, с. 194].

В узком смысле слова информационная война – это вооруженный конфликт, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия.

Полагаем, что именно такое определение и следовало бы закрепить на законодательном уровне, так как оно не содержит в себе оценочных понятий, а также качественных и количественных характеристик.

[1] Роскомнадзор в 2023 году заблокировал более 558 000 сайтов и интернет-страниц. - URL: https://https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/01/26/1016847-roskomnadzor-zablokiroval-bolee-558-000-saitov. (дата обращения: 06.07.2025).- Текст: электронный

Иными словами, можно сказать, что информационная война включает в себя интегрированное использование возможностей, среди которых выделяются психологические и компьютерные сетевые операции в качестве электронного оружия. В условиях военного политического конфликта информационные технологии способны обеспечивать операции с военной дезинформацией и дезорганизацией [10, с. 34].

Понятие «информационная война» весьма широкое и может быть рассмотрено в двух аспектах: социальном и политическом. О социальных аспектах говорилось нами выше, и речь шла о явлении, в котором информация и информационное пространство выступает средством достижения преступных целей нарушения прав и свобод человека, подрыва традиционных ценностей, корыстной наживы, дестабилизации общества. Итог такой информационной войны как социального явления – рост общеуголовной преступности.

Войны в информационном пространстве ведутся при помощи информационного оружия, в этом понятии исследователи объединяют самый широкий спектр средств уничтожения, искажения, хищения информации, получения или ограничения доступа к информационным системам, нарушения функционирования информационной техники и сетей. Так, в кибератаках применяются компьютерные вирусы, логические бомбы, программы-оборотни и убийцы информации, средства несанкционированного доступа к информационным ресурсам и подавления информационных систем и т.д.

В Интернете терроризм развивается стремительно, поскольку сеть - это идеальная среда для его развития и распространения. Отсутствие цензуры приводит к распространению информации, изображений, угроз или сообщений независимо от их законности или потенциального воздействия на человеческое сознание. Кибертеррористы использует открытость Интернета для своих целей: дискредитации правительств и государств, размещения сайтов террористической направленности, порчи и разрушения ключевых систем (путем внесения в них фальсифицированных данных или постоянного вывода этих систем из строя). Это в свою очередь порождает страх или тревогу среди населения, и является дополнением к традиционному виду терроризма. Данные преступные деяния предусмотрены ст. 205, 205.1, 205.2 Уголовного кодекса РФ.

К сожалению, многие средства массовой информации употребляют термин «кибертерроризм» весьма некорректно, создавая путаницу в понятиях, ставя знак равенства между понятием «хакер» и «кибертеррорист». Вряд ли это можно счесть правильным. Безусловно, терроризм – это преступление, но не каждое преступление есть терроризм, точно так же как кибертеррориста, как правило, можно назвать хакером, но не всякий хакер совершает терракты в киберпространстве или с помощью компьютера.

Итак, на наш взгляд, кибертерроризм можно отнести к так называемым технологическим видам терроризма. В отличие от традиционного, этот вид терроризма использует в террористических акциях новейшие достижения науки и техники в области компьютерных и информационных технологий, радиоэлектроники, генной инженерии, иммунологии.

В политическом смысле информационная война ведется за власть и представляет собой противоборство двух или более сторон путем воздействия, оказываемого на государственный аппарат, вооруженные силы и политические структуры. Примером может служить массовое распространение ложной информации (фейков) о действиях Вооружённых сил, о ходе специальной военной операции, о стратегических объектах и политических курсах, атака на критическую информационную инфраструктуру. Такое воздействие может осуществляться как внутри страны, так и с внешней стороны государствами-противниками.

С целью подрыва власти, зарождения недоверия общества государству, возникновения паники совершаются крупные хакерские атаки как формы неправомерного доступа к компьютерной информации. Последствиями могут быть полное или частичное уничтожение, блокирование, модификация, копирование информационных баз. Противодействие подобным атакам сегодня осуществляют субъекты защиты критической информационной

инфраструктуры, к которым относят государственные органы, прежде всего, ФСБ России, отвечающую, в том числе, за создание национального координационного центра по компьютерным инцидентам; ФСТЭК России, осуществляющую государственный контроль в области обеспечения безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры; их должностные лица, а также подразделения и должностные лица самих субъектов такой инфраструктуры.

Ярким примером успешного отражения серьезной кибератаки на ведомственные сервера может служить восстановление работоспособности электронных систем ФТС России после массированной DDoS-атаки на операторов связи весной 2023 года. В мае-июне 2024 г. произведена масштабная хакерская атака на известную логистическую компанию, которая парализовала ее работу на несколько дней. Не функционировал сайт и другие сервисы организации, не работами пункты выдачи отправлений. Кибератакам были подвержены также сервис «Госуслуги», сайты кредитных организаций и СМИ, судов, сайты вузов накануне приемных кампаний.

В связи с событиями 2022 г. против России ведется ожесточенная информационная внешнеполитическая война, которая в рамках данного исследования понимается как конфликт между государствами либо негосударственными формированиями, основывающийся на комплексе средств воздействия, усложняющих сбор, обработку, хранение, передачу и использование информации противником (вооруженными силами, госорганами, мирным населением), оказывающих влияние на военный и государственный аппарат с целью подрыва независимости страны, искажении достоверных сведений одного государства, и (или) использование их же против другой стороны [11, с. 109].

В подобной формулировке в России необходимо узаконить данное понятие, потому как это послужит основой защиты государственных информационных систем и процессов в условиях военно-политического противостояния.

Выводы

Для исключения указанных ранее пробелов необходимо восполнить в федеральных актах терминологию, характерную для преступлений, связанных с информационными технологиями («аккаунт», «сообщество», «хакерская атака», «фейк», «инфо-поле» и т.д.) либо отказаться от их использования в такой формулировке в официальных изданиях.

Требуется дальнейшее внесение изменений в уголовный закон в части указания квалифицирующего признака «совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в составах, для которых данный способ характерен (ст. 119, 150, 151, 158, 159 – 159.2 , 159.5, 207, 282.1, 282.2УК РФ).

Перечисленные предложения помогут эффективнее использовать нормы Уголовного закона для решения проблемы информационных преступлений, формирования новой базы уголовно-правовой характеристики данных деяний и разработки методик расследования указанных правонарушений, а также окажут влияние на формирование правовой базы для охраны цифрового пространства России.

Информационные войны со своими кибератаками анонимны, стремительны, не требуют вооружения или дорогостоящей техники. Распространением одной вредоносной программы можно причинить вред, сопоставимый с военной операцией, а ущерб дистанционных хищений в разы превышает нетехнологические способы. Защита персональных данных, борьба с дистанционными видами мошенничества, защита банковских транзакций, блокировка запрещенных Интернет-ресурсов – эта лишь начальная, но обязательная стадия и доля мер, направленных на упреждение информационных угроз личной безопасности. Следующим этапом противостояния являются информационные войны с угрозами общественной и государственной безопасности в различных формах, в том числе, кибертерроризм, кибершпионаж. Важно, чтобы борьба с информационными атаками перешла со стадии «своевременное реагирование» на ступень выше «законодательное регулирование» и «пресечение».

Список источников

1. Куксин И.Н. Цифровизация – новая реальность в праве // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2020. № 1 (23). С. 6-12. DOI 10.21777/2587-9472-2020-1-6-12.
2. Копичев О.А., Николаев А.Е. Современные войны: анализ тенденций развития межгосударственного противоборства, классификация форм и способов борьбы, формирование признаков и критериев военного конфликта // Системы управления, связи и безопасности. 2021. №1. С.1-34. DOI: 10.24411/2410-9916-2021-10101.
3. Дубень А. К. Аспекты и угрозы информационной безопасности в эпоху современных информационных войн // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. № 6. С.1064-1068. DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-6-1064-1068.
4. Романова И.Н., Видова Т.А. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта в сфере юриспруденции // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2023. № 3 (39). С. 5-10. DOI 10.21777/2587-9472-2023-3-5-10.
5. Иткина Я.Я. Правовые аспекты искусственного интеллекта // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2022. № 2.1 (33). С. 39-43. DOI 10.21777/2587-9472-2022-2.1-39-43.
6. Игнатьева И.В., Зедгенизова И.И., Власова Е.Л. Влияние информационных войн на снижение уровня национальной безопасности государств и формирование правосознания общества // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17. № 6. С. 38-42.
7. Кобец П.Н. Информационное воздействие как один из современных методов терроризма и меры борьбы с ним // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 1. С. 10–14.
8. Просочкин А.М., Петрашева Н.В. Усиление уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма: проблема конструирования уголовно-правовых санкций // Юристъ-Правоведъ. 2019. №1 (88). С. 84–89.
9. Основы информационной безопасности : учебное пособие для студентов вузов / Е.В. Вострецова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. 204 с.
10. Муратова Ю.Д. Сущность информационной войны в региональном политическом конфликте и основные формы ее проявления // Коммуникология. 2018. №1. С. 34–45.
11. Крылова И.А. Информационно-психологические войны как фактор дезинтеграционных процессов в современном мире // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. № 4-1. С. 106–110.

References

1. Kuksin I.N. Digitalization is a New Reality in Law. *Bulletin of Moscow Witte University. Series 2: Legal science*. 2020;1 (23):6-12. DOI 10.21777/2587-9472-2020-1-6-12 (In Russ.)
2. Kopichev O.A., Nikolaev A.E. Modern Wars: Analysis of Trends in Interstate Conflict, Classification of Forms and Methods of Warfare, and Formation of Signs and Criteria of Military Conflict. *Systems of Control, Communication and Security*. 2021;(1):1-34. DOI: 10.24411/2410-9916-2021-10101. (In Russ.)
3. Duben' A.K. Aspects and Threats of Information Security in the Era of Modern Information Wars. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law.* 2022;(6):1064-1068. DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-6-1064-1068. (In Russ.)
4. Romanova I.N., Vidova T.A. Legal Issues in the Regulation of Artificial Intelligence in the Legal Field. *Bulletin of Moscow Witte University. Series 2: Legal science*. 2023;3(39):5-10. DOI: 10.21777/2587-9472-2023-3-5-10. (In Russ.)
5. Itkina Ya.Ya. Legal aspects of artificial intelligence. *Bulletin of Moscow Witte University. Series 2: Legal science*. 2022;2.1 (33):39-43. DOI 10.21777/2587-9472-2022-2.1-39-43. (In Russ.)
6. Ignat'eva I.V., Zedgenizova I.I., Vlasova E.L. The impact of information wars on reducing the national security of states and shaping public consciousness. *Economic Problems and Legal Practice.* 2021;17(6):38–42. (In Russ.)
7. Kobec P.N. Informational influence as one of the modern methods of terrorism and measures to combat it. *Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA.* 2022;(1):10–14. (In Russ.)

8. Prosochkin A.M., Petrasheva N.V. Strengthening Criminal Liability for False Reports of Terrorist Acts: The Problem of Constructing Criminal Sanctions. *Jurist-Pravoved.* 2019;1(88):84–89. (In Russ.)

9. Vostretsova E. V. *Fundamentals of Information Security:* A Textbook for University Students. Yekaterinburg: Ural University Press; 2019. 204 p. (In Russ.)

10. Muratova Yu. D. The Essence of Information Warfare in a Regional Political Conflict and Its Main Forms. *Communicology.* 2018;(1):34–45. (In Russ.)

11. Krylova I.A. Information and psychological warfare as a factor in the disintegration of the modern world. *Greater Eurasia: development, security, cooperation.* 2021;(4-1):106–110. (In Russ.)

Информация об авторах

И. А. Семенцова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Московский университет имени С. Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону; доцент кафедры уголовного права и криминологии, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); доцент кафедры «Уголовно-правовые дисциплины», Южный университет (ИУБиП).

А. И. Фоменко – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовно-правовые дисциплины», проректор по воспитательной работе и молодежной политике, Южный университет (ИУБиП).

Information about the authors

I. A. Sementsova – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Moscow University named after S.Yu. Witte, branch in Rostov-on-Don; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia); Associate Professor of the Department "Criminal Law Disciplines", Southern University.

A. I. Fomenko – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department "Criminal Law Disciplines", Vice-Rector for Educational Work and Youth Policy, Southern University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025; одобрена после рецензирования 03.09.2025; принята к публикации 04.09.2025.
The article was submitted 07.07.2025; approved after reviewing 03.09.2025; accepted for publication 04.09.2025.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 139–147
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(3):139–147

Научная статья
УДК 343.9
EDN QKRHKH

Особенности экологической преступности в сфере водных биологических ресурсов и меры ее профилактики

Ольга Геннадьевна Казанцева[1],
Екатерина Алексеевна Федорова[2],
Ольга Васильевна Толопченко[3]

[1]Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
[1]Филиал Московского университета им. С. Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия
[2]Государственный морской университет имени адмирала Ф. Ф. Ушакова, Новороссийск, Россия
[3]Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия
[1]kazantseva10@mail.ru
[2]gelonkinaea@yandex.ru
[3]tolopchencko.olga@yandex.ru

Аннотация

Введение. Историческое представление человека о неиссякаемости природных ресурсов, включая водные биологические ресурсы, привело впоследствии к оскудению компонентов аквакультуры. В настоящее время можно констатировать тот факт, что некоторые из них полностью исчезли из водоёмов нашего государства. В связи с этим, особую значимость имеет политика государства в сфере охраны водных биологических ресурсов, его адекватная реакция посредством административного и уголовного законодательства на ситуацию в рассматриваемой сфере, разработка мер эффективного предупреждения экологических правонарушений и преступлений.

Цель. Исследование современного состояния и мер эффективного противодействия преступности в сфере водных биологических ресурсов.

Материалы и методы. Теоретическую основу исследования составили научные статьи, статистические отчеты государственных ведомственных структур, материалы судебной и следственной практик. Методологическую основу составляют общеиспользуемые методы научного исследования, применение которых обуславливает выбор системного, деятельностного, функционального и междисциплинарного подходов в изучении актуальной проблемы.

Результаты. Эффективная профилактика преступности в сфере водных биологических ресурсов подразумевает исследование всех её компонентов. В частности, в первую очередь интерес вызывают детерминанты экологических преступлений. Так, в результате настоящего исследования установлено, что водные биологические ресурсы уничтожаются исключительно из корыстных побуждений, в целях наживы.

Особую значимость имеет изучение личностных характеристик лиц, совершивших подобные преступления. Изучив материалы судебной практики, данные отчётов правоохранительных органов, авторы пришли к выводу, что рассматриваемые преступные деяния совершаются в подавляющем большинстве мужчинами средних лет, не имеющими высшего образования и имеющими низкий размер заработка.

© Казанцева О. Г., Федорова Е. А., Толопченко О. В., 2025

Выводы. Установлено, что эффективная профилактика браконьерства на водные биологические ресурсы должна начинаться первым делом с просвещения граждан об их невосполнимости и ограниченности. Также необходимо принять меры по искоренению коррупции в правоохранительных органах. Далее предлагается ограничить на законодательном уровне продажу запрещённых орудий для рыбалки. Кроме того, следует установить контроль в сети «Интернет» за распространением информации, которая служит провокацией для совершения преступлений в сфере рыболовства.

Ключевые слова: экологическая преступность, водные биологические ресурсы, аквакультура, детерминанты, браконьерство, невосполняемость, виктимология, экологические правонарушения
Для цитирования: Казанцева О. Г., Федорова Е. А., Толопченко О. В. Особенности экологической преступности в сфере водных биологических ресурсов и меры ее профилактики // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 139–147. EDN QKRHKH

Problems of Criminal and Procedural Law
Original article

Features of environmental crime in the field of aquatic biological resources and measures for its prevention

Olga G. Kazantseva[1], Ekaterina A. Fedorova[2], Olga V. Tolopchenko[3]

[1]Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
[1]Moscow University named after S. Yu. Witte, branch in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia
[2]Admiral F. F. Ushakov State Maritime University, Novorossiysk, Russia
[3]All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov Institute (branch), Rostov-on-Don, Russia

[1]kazantseva10@mail.ru
[2]gelonkinaea@yandex.ru
[3]tolopchencko.olga@yandex.ru

Abstract

Introduction. The historical human concept of the inexhaustibility of natural resources, including aquatic biological resources, subsequently led to the depletion of aquaculture components. Currently, it can be stated that some of them have completely disappeared from the reservoirs of our state. In this regard, the state's policy in the field of protection of aquatic biological resources, its adequate response through administrative and criminal legislation to the situation in this area, and the development of measures to effectively prevent environmental offenses and crimes are of particular importance.

Purpose. Research of the current state and measures of effective counteraction to crime in the field of aquatic biological resources.

Materials and methods. The theoretical basis of the research was made up of scientific articles, statistical reports of government departmental structures, materials of judicial and investigative practices. The methodological basis is made up of commonly used scientific research methods, the application of which determines the choice of systemic, activity-based, functional and interdisciplinary approaches to the study of an urgent problem.

Results. Effective crime prevention in the field of aquatic biological resources involves the study of all its components. In particular, the determinants of environmental crimes are of particular interest. Thus, as a result of this study, it has been established that aquatic biological resources are being destroyed solely for selfish reasons, for the purpose of profit.

Of particular importance is the study of the personal characteristics of persons who have committed such crimes. Having studied the materials of judicial practice, data from reports of law enforcement agencies, the authors came to the conclusion that the criminal acts in question are committed overwhelmingly by middle-aged men who do not have higher education and have low earnings.

Conclusions. The authors of the article have established that effective prevention of poaching for aquatic biological resources should begin first of all with educating citizens about their irreplaceability and limitations. It is also necessary to take measures to eliminate corruption in law enforcement agencies. Further, it is proposed to restrict the sale of prohibited fishing gear at the legislative level. In addition, it is necessary to establish control on the Internet over the dissemination of information that serves as a provocation for committing crimes in the field of fishing.

Keywords: environmental crime, aquatic biological resources, aquaculture, determinants, poaching, non-recoverability, victimology, environmental offenses

For citation: Kazantseva O. G., Fedorova E. A., Tolopchenko O. V. Features of environmental crime in the field of aquatic biological resources and measures for its prevention. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(3):139–147. (In Russ.). EDN QKRHKH

Введение

В Основах государственной политики в области экологического развития стратегической целью государственной политики в данной сфере обозначено решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности[1].

Неоспоримым фактом является необходимость сохранения биологических ресурсов для обеспечения экологического баланса, стабильности экосистем и устойчивого развития будущих поколений. Неистощительное использование возобновляемых и рациональное использование невозобновляемых природных ресурсов выступают одним из направлений государственной политики РФ в области экологии. Принципиальным является предотвращение и пресечение всех видов нелегального использования природных ресурсов, в т. ч. браконьерства, а также их незаконного оборота[2].

Структура экологической преступности в России за последние годы демонстрирует значительное преобладание преступлений, связанных с незаконной добычей и использованием природных ресурсов. Незаконная добыча (вылов) ВБР стоит на втором месте после незаконной рубки лесных насаждений по количеству осуждённых лиц.

В 2023 г. по ст. 256 было осуждено 2474 человека, 2490 лиц были привлечены к уголовной ответственности по ст. 260 УК РФ. По ст. 258 суды вынесли обвинительный приговор в отношении 330 лиц, по ст. 258.1 осудили 404 лица. В целом по преступлениям главы 26 УК РФ в 2023 г. были осуждены 6096 человек, т. е. привлечённые к ответственности за незаконное изъятие природных ресурсов из естественной среды составляют большую часть от общего количества лиц, нарушивших уголовный закон в сфере экологии. Анализ структуры экопреступности за 2018-2023 гг. показал аналогичную ситуацию в предыдущие годы. Также согласно информации Генеральной прокуратуры РФ и МВД России, уровень преступности в сфере незаконного оборота водных биоресурсов и рыбной продукции не снижается[3].

---

[1] «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (утв. Президентом РФ 30.04.2012) // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 13.07.2025).

[2] Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 36. Ст. 3510.

[3] «Программа профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов на 2025 год» (утв. Росрыболовством 20.12.2024) // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 13.07.2025).

Представленные выше статистические данные опосредуют актуальность проблемы и акцентируют внимание на важности усиления уголовно-правовой защиты водных биологических ресурсов. Следует более активно разрабатывать и внедрять меры, которые позволят эффективно противостоять экологической преступности, в частности – пресекать деятельность браконьеров и других лиц, которые допускают нарушение законодательство в области охраны водных биоресурсов.

Материалы и методы

Теоретическую основу исследования составили научные статьи, статистические отчеты государственных ведомственных структур, материалы судебной и следственной практик. Методологическую основу составляют обще используемые методы научного исследования, применение которых обуславливает выбор системного, деятельностного, функционального и междисциплинарного подходов в изучении обозначенной проблемы.

Результаты и обсуждение

Основным законом, регулирующим правоотношения в области охраны водных биологических ресурсов, является Федеральный закон от 20 декабря 2004 года № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (далее – ФЗ № 166)[1]. В соответствии со ст. 1 данного закона водные биологические ресурсы – это рыбы, водные беспозвоночные, водные млекопитающие, водоросли, другие водные животные и растения, находящиеся в состоянии естественной свободы.

Последний признак, закреплённый в нормативном определении водных биологических ресурсов, играет большую роль как в теории обеспечения экологической безопасности и охраны водных биологических ресурсов, так и в правоприменительной практике, в установлении границ ответственности за их незаконное изъятие и использование. Например, важно отличать водные биоресурсы от сходных по своей сути, но разных по происхождению объектов аквакультуры, которые представляют собой водные организмы, разведение и (или) содержание, выращивание которых осуществляются в искусственно созданной среде обитания[2].

Важно понимать, что состояние водных экосистем и сохранность водных биологических ресурсов зависит от множества факторов, таких как соблюдение правил всех видов рыболовства (любительского, промышленного, прибрежного и др.); минимизация губительного антропогенного воздействия на места обитания водных биоресурсов; эффективно работающий механизм обеспечения экологической безопасности, затрагивающий вопросы профилактики и противодействия посягательствам на водные биоресурсы.

В рамках охраны водных биологических ресурсов осуществляется контроль (надзор) в сфере рыболовства и сохранения водных биоресурсов. Одним из результатов проводимых сотрудниками правоохранительных органов мероприятий является возбуждение дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 8 КоАП РФ, и привлечение к ответственности экологических правонарушителей[3].

В Стратегии национальной безопасности РФ (п. 42) среди прочих угроз государственной и общественной безопасности упомянут высокий уровень преступности и большое количество совершаемых преступлений в сфере использования водных биологических ресурсов[4].

---

[1] Федеральный закон от 20.12.2004 № 166-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52 (часть 1). Ст. 5270.

[2] Федеральный закон от 02.07.2013 № 148-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3440.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[4] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

Общественная опасность таких деяний заключается в подрыве экологической безопасности общества, причинении ущерба животному и растительному миру. Каждый год число подобных преступных деяний возрастает, что оказывает разрушительное влияние на состояние окружающей среды и биоразнообразие. Отличительной чертой таких преступлений является чрезвычайно высокий уровень ущерба, который они наносят экосистемам субъектов нашей страны. Как верно отметил Ф.Н. Мухамбетов, вред от экологических преступлений характеризуется растянутостью во времени, сложностью точного (реального) подсчёта последствий. Он имеет аккумулируемый (накапливаемый) характер [1, с. 34].

Необходимость обратить более пристальное внимание на борьбу с посягательствами против водных биологических ресурсов уже была обозначена в 2017 году. После проведения анализа законности в сфере охраны и добычи водных биологических ресурсов Генпрокуратура России обязала усилить прокурорский надзор и ужесточить контроль за соблюдением законодательства в данной области правоотношений[1]. В 2022 г. Верховный Суд РФ в целях обеспечения единообразных подходов к рассмотрению уголовных дел об экологических преступлениях подготовил Обзор судебной практики, где обозначил свои правовые позиции по поводу выявленных проблем применения закона судами РФ[2]. Все указанные меры свидетельствуют о возрастающей значимости проблемы охраны водных биологических ресурсов и необходимости эффективного противодействия преступлениям в данной сфере.

Основные преступления, связанные с посягательством на водные биоресурсы, систематизированы в главе 26 УК РФ, регламентирующей уголовную ответственность за экологические преступления. Однако, помимо положений, предусматриваемых данной главой, уголовно-правовая защита водных биологических ресурсов осуществляется и другими нормами. Например, статья 226.1 УК РФ устанавливает ответственность за контрабанду особо ценных водных биологических ресурсов, а также их частей и дериватов (производных). Данный факт свидетельствует о системном подходе к защите водных биологических ресурсов и подчёркивает, что данный вид деяний связан не только с охраной природы, но и затрагивает вопросы обеспечения экономической безопасности, в том числе внешнеэкономические интересы России.

Таким образом, актуальность обеспечения экологической безопасности и необходимость комплексного подхода к охране водных биоресурсов подчёркивается в нормативно-правовых актах разного уровня. Нормы административного и уголовного права предусматривают ответственность за посягательства на общественные отношения в сфере окружающей среды по рациональному использованию и охране водных биоресурсов. В частности, реакция государства через уголовно-правовые меры служит инструментом сдерживания потенциальных нарушений и формирует в обществе понимание ценности рационального природопользования. Проблемы в данной сфере нуждаются во внимании, так как ущерб, причинённый природным ресурсам, как правило, невозмещаем, не всегда очевиден, а последствия вреда не могут быть выявлены и устранены сразу.

Ввиду большого количества совершаемых преступлений в сфере водных биоресурсов и значимости всестороннего содействия сохранению природных ресурсов, есть необходимость исследования особенностей экологической преступности, криминологических аспектов личности преступника, глубинных причин данных преступных посягательств.

---

[1] Указание Генпрокуратуры России от 05.05.2017 № 320/20 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов в сфере охраны и добычи водных биологических ресурсов» // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 13.07.2025).

[2] «Обзор практики применения судами положений главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации об экологических преступлениях» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 11.

Нельзя не согласиться с мнением И. В. Петрова о необходимости учёта возможных размеров латентной (неучтённой) преступности при оценке уровня экологической преступности. Различают объективно существующую (оставшуюся неизвестной правоохранительным органам) и субъективно обусловленную преступность, т. е. скрываемую правоохранительными и контрольными органами от учёта, что негативно влияет на состояние национальной безопасности в целом [2, с. 53]. Например, В.В Сверчков давал характеристику противоправного поведения, отражённого в ст. 256 УК РФ, как высоколатентного, нередко тщательно спланированного, представляющего собой организованный промысел [3, с. 181].

При исследовании криминологических особенностей лиц, которые совершают преступления против водных биологических ресурсов, можно сделать вывод, что подобные преступные деяния чаще всего совершают мужчины. Представители этой категории преступников, как правило, отличаются хорошей физической формой и высокой выносливостью. В большинстве случаев люди, которых признают виновными в таких преступлениях, находятся в возрасте от 35 до 60 лет [4, с. 93]. Образование, в основном, среднее, чаще безработные, с небольшим материальным достатком.

В случае с самым распространённым преступлением, связанным с водными биоресурсами, добыча (вылов) водных биологических ресурсов представляет собой сложную цепочку действий преступника, которым, вероятно, предшествует подготовка, поиск возможностей сокрытия преступления. Для совершения преступления, предусмотренному ст. 258.1 УК РФ, лицу необходимо обладать знаниями о предмете преступления, характеристиках места обитания, способах добычи (вылова). Кроме того, дальнейшие действия преступника по содержанию, хранению, перевозке, пересылке предмета посягательства, требуют также соответствующих знаний и умений [5, с. 81]. В случае же с выловом рыбы, не относящейся к особо ценным видам, для совершения такой категории преступлений требуется не высокий уровень знаний, а наличие навыков и познаний в сфере незаконного рыбного промысла, которые приобретаются, как правило, от других лиц, занятых в указанном виде преступного «промысла».

Для совершающих соответствующие преступления не в первый раз характерно нигилистическое отношение к нормам законодательства и иным запретам, явное пренебрежение к сохранению природных ресурсов и в целом отрицание общепринятых норм и правил поведения в обществе [6, с. 133].

Одним из элементов криминологической характеристики преступлений выделяют поведение жертвы (виктимологию). Вопросы виктимологической характеристики и профилактики экологических преступлений исследовали А. А. Савичев, В. Е. Квашис и другие [7, с. 24]. Однако, по нашему мнению, более пристальное внимание в случае с посягательствами на водные биологические ресурсы следует обратить на меры профилактики и противодействия возможному преступному поведению, так как вопрос о виктимологической характеристике таких деяний остаётся дискуссионным [8, с. 128]. Такие меры будут рассмотрены далее.

Одним из значимых детерминант экологической преступности в РФ является сформировавшееся правосознание и специфическое отношение к окружающей среде и природным ресурсам. Нельзя не согласиться с мнением И. А. Паршиной, о том, что в советском государстве природа и его ресурсы, к сожалению, не рассматривались как основа всего биологического на земле. Природа являлась базой развития народного хозяйства, служила источником непрерывного роста материальных и культурных ценностей. На уровне индивидуального сознания закрепилось безразличие к судьбе природы, утвердилось мнение о неисчерпаемости природных ресурсов и возможности природы к самовосстановлению. В этот период времени экономические интересы населения преобладали над экологическими.

Нельзя не отметить тот факт, что недопонимание значения природы привело к экологическому кризису в стране [9, с. 3].

Место преступления, а именно регион обитания водных биологических ресурсов имеет важное криминологическое значение. Согласимся и с И. В. Петровым, указывавшим на то, что зачастую добыча (вылов) водных биологических ресурсов, которые являются браконьерством, не воспринимаются как серьёзное нарушение законодательства основной частью населения, живущего на берегах рек, озёр, морей, а также частью работников рыбоохраны. В значительной мере это объясняется тем, что в обширных районах Российской Федерации потребительское рыболовство исторически представляет собой неразрывный элемент быта местных жителей, а в отдельных субъектах страны служит единственным источником заработка [2, с. 56].

А. А. Савичев одним из детерминант преступного вылова водных биологических ресурсов называет недостаточное развитие рыбоводства (аквакультуры) и недоступность соответствующей продукции (прежде всего, изготовленной из ряда особо ценных видов гидробионтов) для широкого круга потребителей [4, с. 92–93]. Данная точка зрения представляется интересной и подкрепляемой нормативно, так как вопросы развития аквакультуры как эффективного способа противодействия сбыту браконьерской продукции активно прорабатываются в рамках международного сотрудничества между государствами-членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС). На межгосударственном уровне разработан комплекс мер, направленных на повышение доступности широкого ассортимента рыбной продукции для различных социальных групп населения в странах ЕАЭС[1].

Главной особенностью экологической преступности в сфере водных биоресурсов является её латентный характер. Для обнаружения и эффективного противодействия преступным посягательствам на водные биоресурсы важно учитывать криминологическую характеристику личности преступника, его мотивы и вероятный ход его действий в процессе совершения преступления. Исторические, географические и социально-экономические причины влияют на формирование у лица намерения совершить экологическое преступление, посягающее на окружающую среду и сохранность природных ресурсов.

Заключение

Таким образом, несмотря на все принимаемые меры борьбы с браконьерством и другими посягательствами на водные биологические ресурсы, методы охраны водных биологических ресурсов требуют дальнейшего изучения и совершенствования.

Необходимо повышать правовую грамотность и осведомлённость граждан в сфере нормативного регулирования рыболовства и соблюдения природоохранных норм. Важна борьба с коррупцией в органах правопорядка, недопущение попустительского отношения к экологическим правонарушителям. Требует немедленной реакции и пресечения распространение в сети «Интернет» информации, провоцирующей незаконные действия в сфере рыболовства. Необходимо предотвращать свободную продажу запрещённых орудий для рыбалки. Проведение природоохранных мероприятий с обязательным учётом результатов научных исследований в сфере экологии является принципиальным для обеспечения охраны водных биологических ресурсов.

[1] Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 23.05.2022 № 21 «Об общих принципах и подходах к обеспечению устойчивого развития аквакультуры и рыболовства в государствах - членах Евразийского экономического союза» // Евразийский экономический союз: сайт. URL: http://www.eaeu№io№.org / (дата обращения: 13.07.2025).

Список источников

1. Мухамбетов Ф. Н. Незаконные добыча и оборот водных биологических ресурсов: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. С. Ф. Милюкова. М. : Юрлитинформ, 2023. – 184 с.

2. Петров И. В. Уголовная характеристика незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов и возможные пути совершенствования противодействия правоохранительными органами // Хозяйство и право. 2024. № 4. С.49-58. DOI 10.18572/0134-2398-2024-4-49-58.

3. Сверчков В. В. Преступления против экологии: система, юридическая характеристика, особенности и проблемы применения уголовного законодательства: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2025. – 224 с.

4. Савичев А. А. Незаконная добыча водных биологических ресурсов: криминологический аспект // Виктимология. 2023. Т. 10. № 1. С.89-100. DOI 10.47475/2411-0590-2023-10109.

5. Сорокина А. В. Частные криминологические свойства личности преступника, совершающие незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2024. № 2 (67). С.78-83.

6. Зубкова А. В. Криминологическая характеристика преступлений, посягающих на незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов и нарушение правил их охраны // Труды Академии управления МВД России. 2020. №. 4 (56). С.130-137.

7. Квашис В. Е., Случевская Ю. А. Исследование экологической преступности: проблемы и перспективы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (58). С.22-26.

8. Савичев А. А. Виктимологическая характеристика преступлений в отношении водных биологических ресурсов // Виктимология. 2024. Т. 11. № 1. С. 124–131. DOI: 10.47475/2411-0590-2024-11-1-124-131.

9. Паршина И. А. Незаконная добыча рыбы (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. А. Паршина. Краснодар, 2003. – 27 с.

References

1. Mukhambetov F. N. *Illegal extraction and trafficking of aquatic biological resources*: a monograph / ed. jurid. S. F. Milyukova. Moscow : Yurlitinform; 2023. 184 p. (In Russ.)

2. Petrov I. V. Criminal characteristics of illegal extraction (fishing) of aquatic biological resources and possible ways to improve counteraction by law enforcement agencies. *Economy and Law.* 2024;(4):49–58. DOI 10.18572/0134-2398-2024-4-49-58. (In Russ.)

3. Sverchkov V. V. Crimes against ecology: system, legal characteristics, features and problems of application of criminal legislation : textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House; 2025: 224 p. (In Russ.)

4. Savichev A. A. Illegal extraction of aquatic biological resources: criminological aspect. *Victimology.* 2023;(1): 89-100. DOI 10.47475/2411-0590-2023-10109. (In Russ.)

5. Sorokina A. V. Private criminological properties of the criminal's personality, committing illegal extraction and trafficking of especially valuable wild animals and aquatic biological resources. *Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2024;2(67):78–83. (In Russ.)

6. Zubkova A. V. Criminological characteristics of crimes encroaching on the illegal extraction (fishing) of aquatic biological resources and violation of the rules for their protection. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2020;4(56):130–137. (In Russ.)

7. Kvashis V. E., Sluchevskaya Yu. A. Investigation of environmental crime: problems and prospects. *Bulletin of the Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2019;4(58):22–26. (In Russ.)

8. Savichev A. A. Victimological characteristics of crimes against aquatic biological resources. *Victimology.* 2024;11(1):124–131. DOI: 10.47475/2411-0590-2024-11-1-124-131. (In Russ.)

9. Parshina I. A. *Illegal fishing (criminal law and criminological aspects)*: abstract of the dissertation of the cand. law sciences. Krasnodar; 2003. 27 p. (In Russ.)

Информация об авторах

О. Г. Казанцева – кандидат юридических наук, доцент, Донской государственный технический университет; доцент, филиал Московского университета им. С. Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону.
Е. А. Федорова – кандидат юридических наук, доцент, Государственный морской университет имени адмирала Ф. Ф. Ушакова.
О. В. Толопченко – кандидат педагогических наук, доцент, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Information about the authors

O. G. Kazantseva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Don State Technical University; Associate Professor, Moscow University named after S.Yu. Witte, branch in Rostov-on-Don.
E. A. Fedorova – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Admiral F. F. Ushakov State Maritime University; Associate Professor, Moscow University named after S.Yu. Witte, branch in Rostov-on-Don.
O. V. Tolopchenko – Cand. Sci. (Pedagog.), Associate Professor, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov Institute (branch).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.07.2025; одобрена после рецензирования 04.09.2025; принята к публикации 07.09.2025.
The article was submitted 27.07.2025; approved after reviewing 04.09.2025; accepted for publication 07.09.2025.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 148–156
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(3):148–156

Проблемы уголовного и процессуального права

Научная статья
УДК 343.13
EDN VSGVXG

Содержание правовой категории «изобличение» лица, подвергаемого уголовному преследованию

Юрий Борисович Чупилкин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия,
chupilkin_yb@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0001-7728-5903

Аннотация

Введение. Категория «изобличение» занимает центральное место в уголовном процессе и криминалистике. Её генезис прослеживается с Устава уголовного судопроизводства 1864 г. до современного Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Цель. Теоретико-правовое исследование содержания категории «изобличение» в контексте уголовного преследования.

Теоретические основы. Теоретическая основа авторского исследования категории «изобличение» охватывает ключевые концептуальные аспекты: уголовно-процессуальный (нормативные основания и процедурные формы), уголовно-правовой (квалификационные признаки), криминалистический (тактико-психолого-методическое обеспечение). Такой триединый подход позволяет не только деконструировать саму категорию «изобличение», но и выявить её системообразующую роль в уголовно-правовой реальности.

Результаты. Выявлены коллизии в нормах п. 55 ст. 5 и ст. 21 Уголовно-процессуального кодекса РФ, сформулированы определения оперативно-розыскного и уголовно-процессуального изобличения.

Выводы. Изобличение представляет собой многоаспектную, динамическую, поэтапную, дифференцированную, познавательную деятельность уполномоченных субъектов (должностных лиц оперативно-розыскных органов, следователя, дознавателя и прокурора) по установлению и юридической фиксации причастности лица к совершению преступления, реализуемую в ряде процессуальных форм.

Представляется правильным закрепить понятие оперативно-розыскного изобличения в законе об оперативно-розыскной деятельности, в следующем виде: «оперативно-розыскное изобличение заподозренного лица – деятельность оперативно-розыскных органов по сбору, формированию и передаче доказательственной (непроцессуальной) информации о его причастности к преступлению, в орган предварительного расследования, прокурору или в суд».

Ключевые слова: изобличение, уголовное преследование, доказывание вины, оперативно-розыскная деятельность, обвинение, правовая категория, уголовно-процессуальное законодательство

Для цитирования: Чупилкин Ю. Б. Содержание правовой категории «изобличение» лица, подвергаемого уголовному преследованию // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 148–156. EDN VSGVXG

© Чупилкин Ю. Б., 2025

Problems of Criminal and Procedural Law

Original article

The content of the legal category "exposure" of a person being prosecuted

Yuri B. Chupilkin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia,
chupilkin_yb@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0001-7728-5903

Abstract

Introduction. The category of "exposure" occupies a central place in the criminal process and criminology. Its genesis can be traced from the Statute of Criminal Procedure of 1864 to the modern Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Purpose. Theoretical and legal study of the content of the category "exposure" in the context of criminal prosecution.

Theoretical Basis. The theoretical basis of the author's research on the category of "exposure" covers key conceptual aspects: criminal procedure (normative bases and procedural forms), criminal law (qualification criteria), criminalistic (tactical, psychological and methodological support). Such a three-pronged approach allows not only to deconstruct the very category of "exposure", but also to reveal its system-forming role in the criminal legal reality.

Results. Collisions in the norms of clauses 55 of Articles 5 and 21 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation were identified, definitions of operational-investigative and criminal-procedural exposure were formulated.

Conclusions. Exposure is a multidimensional, dynamic, step-by-step, differentiated, cognitive activity of authorized subjects (officials of operational investigative bodies, investigator, inquirer and prosecutor) to establish and legally fix the involvement of a person in the commission of a crime, implemented in a number of procedural forms.

It seems correct to consolidate the concept of operational-investigative exposure in the law on operational-investigative activities, in the following form: "operational-investigative exposure of a suspected person is the activity of operational–investigative bodies to collect, form and transfer evidentiary (non-procedural) information about his involvement in a crime to the preliminary investigation body, the prosecutor or to court".

Keywords: exposure, criminal prosecution, proof of guilt, operational investigative activities, prosecution, legal category, criminal procedure legislation

For citation: Chupilkin Yu. B. The content of the legal category "exposure" of a person being prosecuted. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(3):148–156. (In Russ.). EDN VSGVXG

Введение

Категория «изобличение» занимает центральное место в уголовном процессе и криминалистике. Её генезис прослеживается с Устава уголовного судопроизводства (УУС) 1864 г. до современного УПК РФ. В статье анализируются противоречия между нормами п. 55 ст. 5 и ст. 21 УПК РФ, а также проводится межотраслевой анализ законодательно не закреплённой дефиниции. **Целью** в работе является теоретико-правовое исследование содержания категории «изобличение» в контексте уголовного преследования.

Теоретические основы

Теоретическая основа авторского исследования категории «изобличение» охватывает ключевые концептуальные аспекты: уголовно-процессуальный (нормативные основания и процедурные формы), уголовно-правовой (квалификационные признаки), криминалистический (тактико-психолого-методическое обеспечение). Такой триединый подход позволяет не только деконструировать саму категорию «изобличение», но и выявить её системообразующую роль в уголовно-правовой реальности.

Результаты и обсуждение

Термин «изобличение» впервые употребляется в российском законодательстве в УУС 1864 года. Регулируя уголовное преследование по УУС, законодатель использует три термина «изобличение», «обличение» и «уличение», употребляя 4-ре раза каждый из них.

С.И. Викторским выделяются три этапа уголовного преследования по УУС: 1) возбуждение уголовного преследования; 2) предварительное расследование; 3) изобличение обвиняемого в суде [1, с. 235–242]. Причем категория «изобличение» им используется применительно к судебной стадии.

По мнению А.И. Чекуновой, понятие «изобличение» использовалось в УУС не для обозначения какой-то особой цели уголовно-процессуальной деятельности стороны обвинения, а являлось общеупотребительным для второй половины XIX века и было синонимом понятия «обвинение» [2, с. 71–73].

Р.В. Мазюк, рассмотрев семантические различия этих трех терминов, приходит к выводу, что контекстуальное употребление терминов в УУС соответствует их назначению. «Изобличение» использовалось как синоним доказывания (ст. ст. 21, 24, 771, 963 УУС), «обличение» понималось преимущественно в контексте «обличение пред судом» (ст. ст. 3–5, 696 УУС), а «уличение» – только в конструкции «обстоятельства, уличающие» (ст. ст. 265, 666, 722, 739 УУС) [3, с. 2287].

Представляется, что правовое регулирование процессов преследования с помощью данных терминов по УУС использовалось в следующем значении: изобличение – доказательство виновности, обличение – разоблачение через высказывание правды, уличение – предоставление доказательств вины.

Эволюция уголовно-процессуального законодательства советского и постсоветского периодов демонстрирует унифицирование понятийного аппарата: вместо трех исторических терминов («изобличение», «обличение», «уличение») в нормативных текстах употребляется только термин «изобличение» как обобщающая процессуальная категория.

Анализ УПК РСФСР 1922-1923 гг. выявляет строго ограниченное применение категории «изобличение» – лишь в нормах о полномочиях дознания (ст. 107 УПК 1922 г. и ч. 2 ст. 105 УПК 1923 г.). Примечательно, что УПК 1923 г., сохранив данный термин при регламентации передачи материалов в суд, полностью исключил его из других процессуальных институтов, что свидетельствует о начале формирования новой советской процессуальной доктрины.

В УПК РСФСР 1960 г. «изобличение виновных» является уже одной из задач советского уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 2).

В настоящее время категория «изобличение» обладает выраженным междисциплинарным характером, интегрируя концептуальные подходы различных отраслей научного знания. В рамках системного анализа можно выделить три ключевых аспекта: уголовно-процессуальный, уголовно-правовой и криминалистический.

Уголовно-процессуальная парадигма выражается в нормативной регламентации процессуальной формы изобличения (п. 55 ст. 5 УПК РФ, ст. ст. 21, 86 УПК РФ).

В.С. Джатиев справедливо обращает внимание на отсутствие четких механизмов реализации изобличения в нормах УПК РФ [4, с. 95].

Сравнительный анализ норм п. 55 ст. 5 УПК РФ и ст. 21 УПК РФ свидетельствует о ряде противоречий. В соответствие с п. 55 ст. 5 УПК РФ под уголовным преследованием понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Норма п. 55 ст. 5 УПК РФ по своему содержанию представляет строго юридическое определение уголовного преследования, которое сводится к понятию изобличения. По смыслу данной нормы получается, что между «изобличением» и «процессуальной деятельностью стороны обвинения (прокурора, следователя, дознавателя)» стоит знак равенства. Цель нормы п. 55 ст. 5 УПК РФ заключается в том, что органы предварительного расследования должны собрать

доказательства виновности подозреваемого и обвиняемого, предъявить ему обвинение, а прокурор должен его обосновать в суде. Данная норма терминологически закрепляет значение понятия «изобличение» для единообразного толкования УПК РФ, ограничивает сферу применения, т.е. изобличение возможно только после возбуждения дела и в рамках процессуальных действий. Из содержания дефиниции, рассматриваемой нормы, можно сделать вывод, что уголовное преследование (включая изобличение) допустимо исключительно в формах, предусмотренных УПК РФ.

Вместе с тем норма ст. 21 УПК РФ, по своему содержанию, предусматривает практические полномочия прокурора, следователя, дознавателя по осуществлению уголовного преследования вне зависимости от процессуальных формальностей, и выражается в их деятельности, которая начинается до возбуждения дела (например, при проверке сообщения о преступлении). Таким образом норма ст. 21 УПК РФ является функциональной, поскольку указывает на необходимость проведения реальных действий должностными лицами.

В анализируемые нормы заложено выполнение разных задач. Норма п. 55 ст. 5 УПК РФ отвечает на вопрос: «Что такое уголовное преследование?». Ответ заключается в виде узкого процессуального понимания – изобличение подозреваемого, обвиняемого. А норма ст. 21 УПК РФ отвечает на вопрос: «Как осуществляется уголовное преследование?». Ответ видится в широком практическом ее применении – в установлении события преступления, изобличении лица или лиц, виновных в преступной деятельности (ч. 2 ст. 21 УПК РФ).

В этом проявляется противоречие (коллизии) рассматриваемых норм, которое можно показать на примерах проведения оперативно-розыскным органом по поручению следователя, дознавателя оперативно-розыскных мероприятий: 1) в ходе опроса заподозренного лица, оперуполномоченный фиксирует его признательные объяснения в порядке ст. 144 УПК РФ или ст. 6 Закона об оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД); 2) в результате проводимой проверочной закупки или оперативного эксперимента, заподозренное лицо подвергается фактическому задержанию с поличным. Согласно содержанию нормы ч. 4 ст. 21 УПК РФ действия оперативно-розыскных органов в приведенных примерах можно рассматривать, как законное уголовное преследование и изобличение лица в совершении преступления. Однако из содержания нормы п. 55 ст. 5 УПК РФ эта деятельность ещё не является уголовным преследованием и изобличением лица, так как лицо не имеет процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого.

Таким образом эти обе процессуальные нормы направлены на установление обстоятельств преступления, но имеют совершенно разные акценты.

Уголовно-правовая рецепция категории «изобличения» заключается в том, что она используется в нормах Уголовного кодекса РФ как «активное способствование изобличению других соучастников преступления», является обстоятельством, смягчающим наказание (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ), а также выступает в качестве одного из условий освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 228 УК РФ (Примечание 1 к ст. 228 УК РФ). При этом изобличение с позиций уголовного права понимается как любая активная деятельность лица, совершившего преступление, способствующая установлению виновности иных лиц в совершении данного преступления, в том числе и деятельность до возбуждения уголовного дела. Законодатель в УК РФ не придает термину «изобличение» исключительно уголовно-процессуального значения.

Современная правовая наука демонстрирует терминологический плюрализм в понимании изобличения, что обусловлено его сложной правовой природой. Анализ позволяет систематизировать и выделить несколько концептуальных подходов к рассмотрению категории «изобличение» в науке уголовного судопроизводства.

Наиболее распространенным является процессуально-доказательственный подход.

Доказательственная природа уголовного преследования выделяется М.С. Строговичем [5, с. 65].

Д.Н. Козак и Е.Б. Мизулина отождествляют изобличение с процедурой доказывания виновности через систему обвинительных доказательств [6, с. 82].

П.С. Ефимичев и С.П. Ефимичев рассматривают изобличение как задачу всего судопроизводства, заключающуюся в сборе и предъявлении обвинительных улик [7, с. 40].

С.В. Корнакова и Е.В. Мищенко предлагают законодательно уточнить, что изобличение базируется на уже собранных доказательствах [8, с. 313].

Противоположную позицию занимает О.Т. Темираев. Ученый дифференцирует категории «доказывание» и «изобличение», подчеркивает их различную процессуальную природу, при этом отмечает их диалектическую взаимосвязь в контексте принципа презумпции невиновности. Доказывание – нейтральная процедура установления истины. Изобличение – обвинительная деятельность, связанная с презумпцией невиновности [9, с. 227].

Доказательственная природа изобличения подтверждается как ранее приведенным историческим анализом данной категории, так и ее этимологическим значением. В толковом словаре В.И. Даля термин «изобличать» понимается как «доказывать или обвинять уликой, доказательствами» [10], а в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой – «уличить кого-нибудь в чем-нибудь» [11].

Отдельно следует выделить поэтапный подход к категории изобличения.

Так, А.А. Чебуренков и Д.В. Токманцев интерпретируют изобличение как этап, следующий за раскрытием преступления, направленный на доказывание виновности конкретного лица [12, с. 32; 13, с. 34]. Указанная точка зрения является дискуссионной, поскольку в уголовно-процессуальной науке отсутствует единое понимание категории «раскрытие преступления». Автор настоящего исследования придерживается концепции, согласно которой раскрытие преступления представляет собой комплексную процессуальную деятельность уполномоченных субъектов, направленную на установление всей совокупности обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ). Хронологические рамки данного процесса охватывают период от момента выявления признаков преступления до вступления приговора суда в законную силу [14, с. 34].

Н.А. Быданцев рассматривает изобличение как конечную цель уголовного преследования, как завершающий этап процессуальной деятельности обвинения [15, с. 27].

Р.В. Мазюк считает, что фактическое изобличение лица в совершении преступления начинает осуществляться еще до появления у него процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого, в том числе до возбуждения уголовного дела, включая оперативно-розыскные мероприятия [16, с. 32–33]. Автором поддерживается позиция Р.В. Мазюка. Теоретическая значимость данного подхода заключается в преодолении традиционной парадигмы, связывающей изобличение исключительно с формальными процессуальными стадиями.

Криминалистическая доктрина под «изобличением» понимает специальную тактико-психолого-технологическую систему, интегрирующую: методы собирания доказательств, тактические приемы, психологические техники взаимодействия с лицом, подвергаемым уголовному преследованию, при производстве следственных действий, при демонстрации изобличаемому лицу доказательств виновности.

Так, Е.П. Ищенко рассматривает изобличение виновных, как цель криминалистической деятельности, как методы собирания доказательств [17, с. 19, 390].

Н.Н. Китаев приходит к выводу, что изобличение – процессуальная деятельность стороны обвинения по обнаружению, собиранию, исследованию, оценке и демонстрации доказательств, направленной на установление их достаточности для обвинения и доказывание виновности лица, совершившего преступление [18, с. 7–8].

В.Д. Кинзин изобличение лица, совершившего преступление в сфере предпринимательской деятельности, считает одной из центральных тактических операций, смысл которой заключается в демонстрации подозреваемому (обвиняемому) лицу процесса доказывания его вины и убеждения его в несостоятельности линии поведения по противодействию расследованию [19, с. 8].

Таким образом криминалистический подход к рассмотрению изобличения представляет собой синтез: процессуальной формы, следственной тактики, психологического воздействия (коммуникативный процесс с элементами демонстрации доказательственной базы, нейтрализация защитных стратегий, формирование когнитивного диссонанса у изобличаемого лица).

Системный анализ позволяет выявить существенные теоретические антиномии: между ограничительным толкованием изобличения как установления вины и широким спектром обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Темпоральный[1] аспект изобличения заключается в том, что непроцессуальная деятельность по изобличению фактически происходит при оперативно-розыскном преследовании личности.

Под оперативно-розыскным преследованием автор понимает – деятельность специально уполномоченных на то законом об ОРД субъектов, осуществляемую в отношении заподозренного лица с целью выявления, предупреждения и раскрытия преступления [20, с. 48].

Непроцессуальная деятельность по изобличению инициируется в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий. Например, полученные в ходе оперативного эксперимента (ст. 8 Закона об ОРД) сведения проходят процесс легализации через процедуру приобщения к материалам уголовного дела и трансформируются в допустимые доказательства (ст. 89 УПК РФ), образуют основу для последующего уголовного преследования. Процессуальная деятельность по изобличению проводится до формального присвоения лицу процессуального статуса при проверке сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ). Установленные до возбуждения дела обстоятельства влияют на уголовно-процессуально-правовые последствия: детерминируют выбор мер процессуальных мер принуждения; на формирование предмета доказывания; предопределяют направленность предварительного расследования.

Теоретическая значимость данного подхода заключается в преодолении традиционной парадигмы, связывающей изобличение исключительно с формальными процессуальными стадиями. Практическая ценность проявляется в необходимости разработки: четких критериев допустимости досудебного изобличения; правовых гарантий для лиц, вовлекаемых в орбиту оперативно-розыскного и уголовного преследований.

Заключение

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

Изобличение представляет собой многоаспектную, динамическую, поэтапную, дифференцированную, познавательную деятельность уполномоченных субъектов (должностных лиц оперативно-розыскных органов, следователя, дознавателя и прокурора) по установлению и юридической фиксации причастности лица к совершению преступления, реализуемую в следующих процессуальных формах:

1) изобличение в ходе оперативно-розыскного преследования представляет собой: непроцессуальное выявление признаков преступной деятельности; формирование оперативно-розыскной информации о заподозренных лицах; создание условий для последующей их процессуальной фиксации (ч. 2 ст. 11 Закона об ОРД);

2) изобличение на этапе возбуждения уголовного дела (ст. 144 УПК РФ): установление объективных признаков состава преступления; предварительная верификация данных о причастности конкретных лиц (заподозренных в совершении преступления); фиксация следов преступления для последующего доказывания;

[1] Темпора́льность (от лат. tempora «времена» мн. ч. tempus «время») – специфическая взаимосвязь моментов времени и временных характеристик, динамика изменений тех явлений и процессов, качественная особенность которых обусловлена социокультурной спецификой человеческого существования; временная сущность явлений. URL.: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Темпоральность (дата обращения: 22.05.2025).

3) изобличение в ходе предварительного расследования (ст. 73 УПК): системное исследование обстоятельств дела по трем направлениям (обвинительные и оправдательные доказательства, смягчающие и отягчающие обстоятельства; процессуальное оформление статусов лица, подвергаемого уголовному преследованию (подозреваемого, обвиняемого);

4) в судебном производстве (гл. 35–39 УПК РФ): публичная презентация доказательственной базы стороной обвинения (прокурором): юридическая квалификация установленных обстоятельств; оценка допустимости и достаточности доказательств виновности.

Представляется правильным закрепить понятие оперативно-розыскного изобличения в Законе об ОРД, в следующем виде: «оперативно-розыскное изобличение заподозренного лица – деятельность оперативно-розыскных органов по сбору, формированию и передаче доказательственной (непроцессуальной) информации о его причастности к преступлению, в орган предварительного расследования, прокурору или в суд».

В УПК РФ видится необходимым определить уголовно-процессуальное изобличение путем дополнения ст. 5 УПК РФ пунктом 55^1, в следующей редакции: «Изобличение – деятельность следователя, дознавателя и прокурора (стороны обвинения) по собиранию, проверке и оценке доказательств, направленная на установление обстоятельств, свидетельствующих о совершении преступления заподозренным, подозреваемым и обвиняемым».

Список источников

1. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1997. – 448 с.

2. Чекунова А.И. Формирование понятия «изобличение» в юридической литературе // XII (59) Научная сессия преподавателей, научных сотрудников и аспирантов университета. Сборник статей. Редколлегия: Г.И. Михасев [и др.]. Витебск: Изд-во: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова. 2007. С. 71–73.

3. Мазюк Р.В. О преемственности терминологии Устава уголовного судопроизводства 1864 г. в современном уголовно-процессуальном праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2284–2289.

4. Джатиев В.С. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: шаг вперед или два шага назад? // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений. М., 2005. С. 94 –95.

5. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 191 с.

6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. М., 2003. – 1039 с.

7. Ефимичев П.С., Ефимичев С.П. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности. Монография. М.: Юстицинформ, 2009. – 504 с.

8. Корнакова С.В., Мищенко Е.В. Категории «обвинение» и «уголовное преследование»: к вопросу о содержании, соотношении и адекватности их использования в уголовно-процессуальном законе // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 3. С. 305–314.

9. Темираев О.Т. К вопросу о толковании термина «уголовное преследование» в международном и российском уголовно-процессуальном законодательстве // Общество и право. 2008. № 2 (20). С. 226–229.

10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. – М.: РИПОЛ классик, 2006. / Том 2. И-О. – 784 с. / И. 5-69 с. URL.: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-veliko russkogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-i/563 (дата обращения: 22.05.2025).

11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им В.В. Виноградова. – 4-е изд. дополненное. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. – 941 с.

12. Чебуренков А.А. Соотношение раскрытия и расследования преступлений // Вестник Мордовского университета. 2006. № 1. С. 25–31.

13. Токманцев Д.В. К вопросу о понятии раскрытия преступлений в уголовном праве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 30–35.

14. Чупилкин Ю.Б. Содержание категорий «раскрытие», «расследование» и «раскрываемость» преступлений в российском законодательстве // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 32–35.

15. Быданцев Н.А. Прекращение уголовного преследования (дела) в отношении несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия в аспекте ювенальной юстиции: монография. М., 2008. – 157 [1] с.

16. Мазюк Р.В. О заподозренном в рамках оперативно-разыскной деятельности и его праве на адвокат // Адвокатская практика. 2023. № 2. С. 30–34.

17. Ищенко Е.П. Криминалистика: Курс лекций. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; АСТ-МОСКВА, 2007. – 416 с.

18. Китаев Н.Н. Вопросы теории и практики изобличения лиц, совершивших умышленное убийство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Томск, 1993. – 23 с.

19. Кинзин В.Д. Тактика изобличения лица, совершившего преступление в сфере предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Тюмень, 2007. – 21 с.

20. Чупилкин Ю.Б. Правовой статус лица, подвергаемого оперативно-розыскному преследованию: монография. Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2024. – 239 с.

References

1. Viktorskiy S.I. *Russian criminal process.* Moscow; 1997. 448 p. (In Russ.)

2. Chekunova A.I. Formation of the concept of "exposure" in the legal literature. In: *XII (59) Scientific session of teachers, researchers and graduate students of the University.* Collection of articles. Editorial board: G.I. Mikhasev [and others]. Vitebsk: Publishing house: Vitebsk State University named after P.M. Masherov; 2007. Pp. 71–73. (In Russ.)

3. Mazyuk R.V. On the continuity of terminology of the Statute of Criminal Procedure of 1864 in modern criminal procedure law. *Actual problems of Russian law.* 2014;10(47):2284–2289. (In Russ.)

4. Dzhatiev B.C. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: One step forward or two steps back? *Fundamental and applied problems of crime investigation management.* Moscow; 2005. Pp. 94–95. (In Russ.)

5. Strogovich M.S. *Criminal prosecution in the Soviet criminal process.* Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1951. 191 p. (In Russ.)

6. *Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation* / Ed. by D.N. Kozak, E.B. Mizulina. Moscow; 2003. 1039 p. (In Russ.)

7. Efimichev P.S., Efimichev S.P. *Crime investigation: theory, practice, ensuring individual rights.* Monograph. Moscow: Justicinform; 2009. 504 p. (In Russ.)

8. Kornakova S.V., Mishchenko E.V. The categories of "accusation" and "criminal prosecution": on the issue of the content, correlation and adequacy of their use in the criminal procedure law. *All-Russian Journal of Criminology.* 2024;18(3):305–314. (In Russ.)

9. Temiraev O.T. On the issue of interpretation the term "criminal prosecution" in international and Russian criminal procedure legislation. *Society and Law*. 2008;2(20):226–229. (In Russ.)

10. Dahl V.I. *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*: In 4 volumes. Moscow: RIPOL classic, 2006. / Volume 2. I-O. – 784 p. / I. 5-69 p. Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-veliko russkogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-i/563 (Accessed 22 May 2025). (In Russ.)

11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Explanatory dictionary of the Russian language*: 80,000 words and phraseological expressions. Russian Academy of Sciences. Vinogradov Institute of the Russian Language. – 4th ed. expanded. Moscow: ITI TECHNOLOGIES LLC, 2003. 941 p. (In Russ.)

12. Cheburenkov A.A. The ratio of disclosure and investigation of crimes. *Bulletin of the Mordovian University.* 2006;(1):25–31. (In Russ.)

13. Tokmantsev D.V. On the concept of crime detection in criminal law. *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2019;(2):30–35. (In Russ.)

14. Chupilkin Yu.B. The content of the categories "disclosure", "investigation" and "disclosure" of crimes in Russian legislation. *Russian Justice.* 2019;(4):32–35. (In Russ.)

15. Bydantsev N.A. *Termination of criminal prosecution (cases) against a minor with the use of a compulsory measure of educational influence in the department of juvenile justice*: monograph. Moscow; 2008. 157 [1] p. (In Russ.)

16. Mazyuk R.V. About a suspect in the framework of operational investigative activities and his right to a lawyer. *Law practice.* 2023;(2):30–34. (In Russ.)

17. Ishchenko E.P. *Criminalistics: A course of lectures.* Moscow: KONTRAKT Law Firm; AST-MOSCOW; 2007. 416 p. (In Russ.)

18. Kitaev N.N. *Questions of theory and practice of exposing persons who committed premeditated murder*: abstract of the dissertation of the cand. law sciences. Tomsk; 1993. 23 p. (In Russ.)

19. Kinzin V.D. *Tactics of exposing a person who has committed a crime in the field of entrepreneurial activity*: abstract of the dissertation of the cand. law sciences. Tyumen; 2007. 21 p. (In Russ.)

20. Chupilkin Yu.B. *The legal status of a person subject to operational-search investigation*: a monograph. Rostov-on-Don: South Russian Institute of Management of RANEPA; 2024. 239 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. Б. Чупилкин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the author

Yu. B. Chupilkin – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Procedural Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.06.2025; одобрена после рецензирования 27.07.2025; принята к публикации 29.07.2025.
The article was submitted 01.06.2025; approved after reviewing 27.07.2025; accepted for publication 29.07.2025.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 157–164
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(3):157–164

Проблемы уголовного и процессуального права

Научная статья
УДК 347.9
EDN LMICPO

Критерий тождественности сторон для целей применения принципа res judicata в гражданском процессе России и США

Антон Олегович Одринский

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия,
odrinskij.a.o@my.mgimo.ru, https://orcid.org/0009-0009-3460-5116

Аннотация

Введение. Рассматриваются основания установления тождественности сторон для целей применения принципа *res judicata*, используемые в гражданском процессе России и США. Проводится сравнительный анализ условий тождественности сторон для применения преклюзивного и преюдициального эффектов в российском и американском праве, выявляются сходства и различия в подходах к распространению его эффектов на третьих лиц.

Цель. Провести сравнительно-правовой анализ условий тождественности сторон для применения преклюзивного и преюдициального эффектов в российском и американском праве, выявить сходства и различия в подходах к распространению его эффектов на третьих лиц.

Методы. Для достижения обозначенной выше цели исследования были использованы такие методы, как системно-структурный анализ, статистический метод, метод перехода от общего понятия к частному, сравнительно-правовой метод, метод правового моделирования.

Результаты. Российский и американский подход к определению тождественности сторон для целей применения принципа *res judicata* обладает существенными сходствами. В обеих системах гражданского процесса установление тождественности сторон является необходимым условием для применения как преклюзивного, так и преюдициального эффектов. Вместе с тем и в праве России, и в праве США используется не буквальное толкование понятия тождественности и при определенных условиях действия *res judicata* может быть распространено на третьих лиц, не участвовавших в первоначальном споре.

Вместе с тем американское регулирование вопросов тождественности сторон шире, чем российское, и включает больший перечень возможных оснований ее установления. В частности, в гражданском процессе США принцип *res judicata* применим в отношении третьих лиц, которые осуществляли фактической контроль одной из сторон при рассмотрении спора.

Выводы. Отмечается, что действующее российское процессуальное законодательство может быть усовершенствовано с использованием американского опыта в части расширения перечня случаев, при которых действие *res judicata* распространяется на лиц, не участвовавших в первоначальном деле.

Ключевые слова: принцип *res judicata*, тождественность сторон, процессуальное правопреемство, процессуальное представительство, аффилированность, универсальное правопреемство, сингулярное правопреемство, преклюзивный эффект, преюдициальный эффект

Для цитирования: Одринский А. О. Критерий тождественности сторон для целей применения принципа res judicata в гражданском процессе России и США // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 157–164. EDN LMICPO

© Одринский А. О., 2025

Problems of Criminal and Procedural Law

Original article

The criterion of the identity of the parties for the purposes of applying the principle of res judicata in the civil procedure of Russia and the USA

Anton O. Odrinsky
MGIMO University, Moscow, Russia, odrinskij.a.o@my.mgimo.ru, https://orcid.org/0009-0009-3460-5116

Abstract

Introduction. This article examines the grounds for establishing the identity of the parties for the purposes of applying the principle of res judicata, used in the civil procedure of Russia and the United States. A comparative analysis of the conditions of identity of the parties for the application of preclusive and prejudicial effects in Russian and American law is carried out, similarities and differences in approaches to the dissemination of its effects to third parties are revealed.

Purpose. To conduct a comparative legal analysis of the conditions of identity of the parties for the application of preclusive and prejudicial effects in Russian and American law, to identify similarities and differences in approaches to the dissemination of its effects to third parties.

Methods. To achieve the above-mentioned research goal, such methods as system-structural analysis, statistical method, method of transition from a general concept to a particular one, comparative legal method, method of legal modeling were used.

Results. he Russian and American approaches to determining the identity of the parties for the purposes of applying the principle of res judicata have significant similarities. In both systems of civil procedure, establishing the identity of the parties is a prerequisite for the application of both preclusive and prejudicial effects. At the same time, both Russian and US law use a non-literal interpretation of the concept of identity and, under certain conditions, res judicata may be extended to third parties who were not involved in the original dispute. At the same time, the American regulation of identity issues is broader than the Russian one and includes a large list of possible grounds for its establishment. In particular, in the US civil procedure, the principle of res judicata is applicable to third parties who exercised de facto control over one of the parties during the dispute.

Conclusions. It is noted that the current Russian procedural legislation can be improved using the American experience in expanding the list of cases in which res judicata applies to persons who did not participate in the original case.

Keywords: res judicata principle, identity of the parties, procedural succession, procedural representation, affiliation, universal succession, singular succession, preclusive effect, prejudicial effect

For citation: Odrinsky A. O. The criterion of the identity of the parties for the purposes of applying the principle of res judicata in the civil procedure of Russia and the USA. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(3):157–164. (In Russ.). EDN LMICPO

Введение

Принцип *res judicata* является одним из ключевых элементов современного гражданского процесса, направленного на обеспечение правовой определённости, судебной экономии и предотвращение повторных споров. Одним из основных условий применения как преклюзивного, так и преюдициального эффектов *res judicata* выступает тождественность сторон первоначального и последующего спора.

Однако как в российской, так и в американской правовых системах отсутствует требование полного фактического совпадения субъектного состава. Вместо этого обе системы допускают расширительное толкование понятия тождественности, позволяя распространять действие принципа *res judicata* на третьих лиц, не участвовавших в первоначальном

процессе, при соблюдении определённых условий. При этом конкретный набор критериев расширения действия преклюзивного и преюдициального (конклюзивного) эффектов в каждой из систем права характеризуется определенными особенностями.

Цель исследования. Провести сравнительно-правовой анализ условий тождественности сторон для применения преклюзивного и преюдициального эффектов в российском и американском праве, выявить сходства и различия в подходах к распространению его эффектов на третьих лиц.

Методы. Для достижения обозначенной выше цели исследования были использованы такие методы, как системно-структурный анализ, статистический метод, метод перехода от общего понятия к частному, сравнительно-правовой метод, метод правового моделирования.

Результаты и обсуждение

Тождественность сторон в России

В российском гражданском и арбитражном процессах тождественность сторон рассматривается как одно из неотъемлемых условий применения принципа *res judicata*[1]. Из положений ч. 2 ст. 209 ГПК РФ следует общее правило, в соответствии с которым, действие преклюзивного и преюдициального эффектов распространяется на: 1) стороны спора; 2) других лиц, участвующих в деле; 3) их правопреемников [1, с. 6].

При этом законодательство не требует полного совпадения состава участников процесса. Достаточно частичного совпадения субъектного состава в части сторон спора, что позволяет применять *res judicata* даже в случае изменения числа истцов или ответчиков[2]. Однако изменение процессуального положения лиц, участвовавших в первоначальном и последующем деле, может препятствовать установлению тождественности сторон[3].

Российское право признаёт возможность распространения действия *res judicata* на правопреемников сторон. Под правопреемством понимается переход прав и обязанностей от одного лица к другому[4]. В континентальной традиции принято выделять две основные модели правопреемства: универсальное и сингулярное.

В случае универсального правопреемства все права и обязанности правопредшественника переходят к правопреемнику единовременно и как единый комплекс. При сингулярном правопреемстве к преемнику переходят отдельные права или обязанности правопредшественника[5].

Распространение действия эффектов *res judicata* возможно и в случаях универсального (например, наследование, реорганизация юридического лица), и в случаях сингулярного правопреемства (уступка требования, перевод долга). При этом для применения исключительности и преюдициальности судебного решения достаточно того, чтобы объект правопреемства был затронут предметом первоначального спора, и пределы их действия также ограничены соответствующим предметом.

В обосновании данного правила лежит концепция, что правопреемник, замещающий правопредшественника в правоотношении, принимает и все процессуальные последствия

---

[1] Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 сентября 2016 г. N 33-КГ16-14; Определение Верховного Суда РФ от 24.04.2017 № 305-ЭС17-1570 по делу № А41-69411/2013 // СПС «Гарант».
[2] Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.10.2023 N 19АП-3501/2023 по делу N А14-13093/2022 // СПС «Гарант».
[3] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16.08.2022 N 88-16191/2022 // СПС «Гарант».
[4] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28 июня 2021 г. по делу N 8Г-11226/2021. // СПС «Гарант».
[5] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 декабря 2020 г. N Ф05-4111/19 по делу N А40-22361/2017. // СПС «Гарант».

его действий, включая правовые эффекты *res judicata*[1]. Вместе с тем правопреемники являются не единственной категорией третьих лиц, в отношении которых возможно распространение преклюзивного или преюдициального эффектов.

В судебной практике сформулированы и иные исключения из общего критерия тождественности сторон, прямо не указанные в законодательстве. Так, например, действие *res judicata* может распространяться процессуального представителя стороны, если его материально-правовые интересы полностью совпадают с интересами представляемой стороны. Такой подход применяется, например, в делах о косвенных исках акционеров, где акционер действует от имени корпорации, но защищает одновременно и свои собственные имущественные интересы[2].

Конструкция косвенного иска акционера включает в себя частичную фикцию. Фактически, подавая такой иск и участвуя в процессе, акционер действует не только от имени юридического лица, но и в собственных интересах. Его имущественная заинтересованность в споре является самостоятельной: увеличение активов компании в результате выигрыша иска напрямую влияет на рост его личных активов как владельца доли в корпорации. В таких случаях интересы акционера и юридического лица часто совпадают, и представляя права корпорации, акционер одновременно осуществляется судебную защиту и собственных интересов.

Аналогичная позиция закреплена в практике Верховного Суда Российской Федерации относительно участия прокуроров в спорах в защиту интересов органов государственной власти. Поскольку прокурор не имеет самостоятельных материальных требований, а лишь представляет интересы другой стороны, то он не является истцом в материальном смысле[3]. В этой связи в случаях, когда органы прокуратуры предъявляют иск в интересах государственного органа, уже реализовавшего свое право на судебную защиту, на такой иск будет распространяться действие *res judicata*.

Тождественность сторон в США

В американском гражданском процессе основным механизмом определения действия принципа *res judicata* по кругу лиц является институт *privity* (аффилированности). Термин *privity* не имеет единого определения и четко установленного содержания, но в наиболее общем виде под ним понимается наличие тесной связи между стороной и третьим лицом, достаточной для распространения на такое лицо преклюзивного или преюдициального эффектов[4].

Институт аффилированности в контексте принципа *res judicata* зародился и развивался в прецедентном праве. Судебной практикой был выработан широкой набор отдельных комплексов фактических обстоятельств, в которых может быть установлена аффилированность с учетом дискреции суда. Отсутствие единого критерия распространения действия *res judicata* на третьих лиц усложняет систематизацию существующего регулирования, однако доктриной было предложено несколько классификаций оснований аффилированности, наиболее популярной из которых является выделение материальной и процессуальной аффилированности.

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 27.10.2022 N 2742-О, Определение Верховного Суда РФ от 17.03.2022 N 309-ЭС22-1034 по делу N А47-7954/2020 // СПС «Гарант».

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // "Российской газета" от 30 июня 2015 г. N 140, п. 32.

[3] Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 ноября 2022 г. N 50-КГ22-4-К8 // СПС «Гарант».

[4] Bruszewski v. United States, 181 F.2d 419, 423 (3rd Cir. 1950).

К категории материальной аффилированности относятся случаи, когда третье лицо связано с одной из сторон спора в материальных правоотношениях, которые по своему характеру создавали отношения фактического процессуального представительства [2, с. 1–13]. Одним из наиболее распространенных примеров материальной аффилированности являются лица, связанные через правопреемство имущественных прав.

Как правило, приобретатель прав на определённое имущество считается связанным судебными решениями, касающимися этого имущества, даже если они были приняты до того, как он получил соответствующие права. Таким образом, если лицо получает имущественные права, по поводу которых ранее существовал спор между его правопредшественником и третьей стороной, оно автоматически становится аффилированным с этим правопредшественником и подчиняется правовым последствиям принципа *res judicata*.

Эта категория включает широкий круг лиц, поскольку способ передачи имущественных прав не влияет на отнесение субъекта к числу аффилированных. Сюда могут входить покупатели, залогодержатели, одаряемые, наследники по завещанию или по закону, доверительные собственники и другие лица, получившие имущественные права.

Принцип *res judicata* применяется к таким лицам только в случае, если судебное решение было вынесено до или в ходе перехода имущественных прав. Если же спор рассматривается уже после завершения передачи прав, участие правопреемника в деле как владельца спорного имущества становится обязательным, однако автоматическое применение *res judicata* к нему не осуществляется.

Важно отметить, что действие принципа *res judicata* распространяется и на тех правопреемников, которые не знали о существовании судебного решения, затрагивающего их права. Исключение составляет ситуация, когда третья сторона, осознавая, что правопреемник не был информирован о предыдущем споре, умышленно злоупотребляет своими правами.

Принцип *res judicata* распространяется на правопредшественников не в полностью аналогичном с правопредшественником объеме. Пределы преклюзивного эффекта решения суда одинаковы для обоих, тогда как преюдициальный эффект может различаться. Правопредшественник, как сторона предыдущего спора, не может оспаривать установленные судом факты ни в каком новом споре с ответчиком, независимо от того, связан ли он теперь с тем же имуществом. Для правопреемника же преюдициальное значение имеют лишь те обстоятельства, которые связаны с переданным ему имуществом. То есть для правопреемника конклюзивный эффект решения ограничен фактами, имеющими прямое отношение к объекту правопреемства, в то время как для правопредшественника он действует без ограничений.

Другими примерами материальной аффилированности в определенных условиях являются отношения участников товарищества; лиц, гарантировавших исполнение обязательства стороной спора; а также третьих лиц, связанных судебным запретом (injunction), если им было известно и действии данного запрета.

Процессуальная аффилированность возникает в случаях, когда интересы третьего лица были действительно представлены в процессе стороной спора и следовательно право на судебную защиту такого лица уже было реализовано. Как правило, это предполагает наличие у стороны и аффилированного лица каких-либо материальных правоотношений помимо самого факта процессуального представительства, однако суды в каждом конкретном случае оценивают всю совокупность обстоятельств для выяснения степени связи стороны с третьим лицом [3, с. 159].

Классическим примером достаточного для признания аффилированности процессуального представительства служит ситуация, когда третье лицо прямо поручило одной из сторон представлять свои интересы в суде. К этой категории относятся такие фигуры, как доверительные собственники, душеприказчики, управляющие наследственным имуществом, опекуны и попечители, лица, действующие по доверенности, а также другие аналогичные случаи, связанные с наделением полномочиями представительства. Некоторые из этих ситуаций могут соответствовать и критериям материальной аффилированности, однако в данном случае решающим фактором является не характер имущественных связей между стороной и третьим лицом, а степень совпадения их интересов именно по рассматриваемому спору.

Принцип аффилированности распространяется и на правопреемников тех, кто действовал в качестве представителя по доверенности или в рамках иных фидуциарных отношений. Например, новый представитель, пришедший на смену предыдущему, будет связан преклюзивным эффектом судебного решения, вынесенного в отношении своего предшественника. Обоснование такого подхода заключается в том, что как первый, так и последующий представитель действуют в интересах одного и того же доверителя, поэтому действия первого в рамках иска косвенно затрагивают интересы всех последующих представителей.

Отдельными особенностями характеризуется применение принципа *res judicata* в отношениях, связанных с трастовой собственностью. Как правило, преклюзивный эффект здесь распространяется двусторонне: решение суда, принятое по делу, в котором участвовал доверительный собственник, становится обязательным и для бенефициара, и, наоборот, если бенефициар участвовал в деле, доверительный собственник также связан этим решением. Исключение возникает в случаях, когда позиция доверительного собственника в первоначальном споре потенциально противоречила его фидуциарным обязанностям перед бенефициарами. Например, если третья сторона подала иск о взыскании средств из траста, хотя ответственность должна была лежать на личном имуществе доверительного собственника, и он не оспорил это требование, то бенефициары сохраняют право на предъявление нового иска с тем же предметом для защиты собственных интересов[1].

Другим примером процессуальной аффилированности, встречающимся в прецедентном праве, является представительство интересов частных лиц государственными органами[2]. Решения судов по делам, в которых одной из сторон выступал государственный орган или должностное лицо, могут распространять действие res judicata на частных лиц, если такие лица предъявляют аналогичные иски в связи с тем же правонарушением. Должностные лица действуют в интересах общества в целом, поэтому, участвуя в судебных спорах или предъявляя иски, они могут представлять интересы неопределённого круга граждан, чьи права могли быть нарушены. Вместе с тем это не означает автоматического распространения преклюзивного эффекта на всех третьих лиц – необходимо учитывать степень совпадения публичных и частных интересов в конкретном деле, а также оценить, насколько полно были представлены частные интересы в позиции государственного органа.

Еще одним примером процессуальной аффилированности являются правоотношения, возникающие из групповых исков. Американский гражданский процесс допускает предъявление иска группой поименованных лиц в качестве представителей группы не участвующих в деле лиц и находящихся в схожем правовом статусе. Решение по групповому иску связывает не только лиц, фактически участвовавших в деле как представителей группы, но и всех участников данной группы в целом. Распространение на остальных участников эффектов исключительности и преюдициальности такого решения допустимо,

[1] Snelling v. American Freehold Land Mortgage Co., 33 S.E. 634 (Ga. 1899).

[2] Rynsburger v. Dairymen's Fertilizer Coop., 72 Cal. Rptr. 102 (Ct. App. 1968).

если их интересы были адекватно представлены в споре, то есть отсутствующие члены группы были согласны с общими задачами по существу спора и представители добросовестно и компетентно преследовали данные задачи в процессе рассмотрения спора[1].

В правоприменительной практике были выработаны и иные подходы к классификации всего многообразия конкретных обстоятельств, в которых может возникать аффилированность. Так, в знаковом прецеденте Taylor v. Sturgell[2] Верховный суд США указал следующий перечень случаев, в которых возможно распространение *res judicata* на третьих лиц:

1) Если третье лицо добровольно согласилось быть связанным конклюзивным эффектом решения по другому делу.

2) При наличии существенных материальных правоотношений между стороной и третьим лицом.

3) При наличии достаточного представительства интересов третьего лица стороной, которой преследовала такие же интересы.

4) Если третье лицо имело контроль над одной стороной при рассмотрении спора.

5) Когда сторона использует третье лицо для обхода действия *res judicata* в собственных интересах.

6) В иных особых случаях, установленных законом.

Заключение

Таким образом, российский и американский подход к определению тождественности сторон для целей применения принципа *res judicata* обладает существенными сходствами. В обеих системах гражданского процесса установление тождественности сторон является необходимым условием для применения как преклюзивного, так и преюдициального эффектов. Вместе с тем и в праве России, и в праве США используется не буквальное толкование понятия тождественности и при определенных условиях действия *res judicata* может быть распространено на третьих лиц, не участвовавших в первоначальном споре.

Так, например, в обеих системах гражданского процесса действие преклюзивного или преюдициального эффектов может распространяться на сингулярных или универсальных правопреемников стороны спора в пределах предмета правопреемства. Также и в российском, и в американском гражданском процессе действие *res judicata* может охватывать процессуальных представителей, если их материально-правовые интересы в достаточной мере совпадают со стороной спора.

Вместе с тем американское регулирование вопросов тождественности сторон шире, чем российское, и включает больший перечень возможных оснований ее установления. В частности, в гражданском процессе США принцип *res judicata* применим в отношении третьих лиц, которые осуществляли фактической контроль одной из сторон при рассмотрении спора. Также преклюзивный и преюдициальный эффект могут применяться в случаях, когда сторона использует третье лицо для обхода действия *res judicata*.

Выводы

Данные нормы выступают важным механизмом защиты процессуальной добросовестности и предотвращения злоупотреблений правами в американской системе гражданского процесса. В российском праве в настоящее время аналогичные нормы отсутствуют, хотя соответствующие ситуации нередко встречаются в правоприменительной практике. В этой связи представляется целесообразным заимствовать опыт американского регулирования и расширить российский перечень условий тождественности сторон для более эффективной реализации функций принципа *res judicata*.

[1] Richard v. Jefferson County, Ala., 517 U.S. 793 (1996).
[2] Taylor v. Sturgell., 533 U.S. 880 (2008).

Список источников

1. Бронякина Е. О. Преюдиция и res judicata в гражданском и арбитражном процессах: монография / Под ред. проф. Е.В. Кудрявцевой. – М.: Юстицинформ, 2023. – 104 с.
2. Restatements of the Law Second. Judgements. Vol. 1, §§ 43-End. St. Paul.: American Law Institute Publishers, 1982. 1415 p.
3. R. C. Casad, K. M. Clermont. Res judicata: a handbook on its theory, doctrine and practice. Carolina Academic Press, 2001. 296 p.

References

1. Bronyakina E. O. *Judicial proceedings and protection of human rights in civil and arbitration courts*: monograph. Edited by E. O. Bronyakin. E.V. Kudryavtseva. Moscow: Justicinform; 2023. 104 p. (In Russ.)
2. *Secondly, the new wording of the Law. Court decisions*. Volume 1, §§ 43-The End. St. Paul: Publishing House of the American Law Institute, 1982. 1415 p.
3. R. S. Kasad, K. M. Clermont. *The judicial process: A guide to its theory, doctrine, and practice.* Carolina Academic Press, 2001. 296 p.

Информация об авторе

А. О. Одринский – аспирант кафедры Международного частного и гражданского права им. С. Н. Лебедева МГИМО МИД России.

Information about the author

A. O. Odrinsky – Postgraduate Student at the Lebedev Department of International Private and Civil Law at MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.07.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 01.09.2025.
The article was submitted 10.07.2025; approved after reviewing 29.08.2025; accepted for publication 01.09.2025.

РЕЦЕНЗИИ

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 165–168
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(3):165–168

Рецензия
УДК 342.4
EDN CVEMCR

Рецензия на монографию «Муниципальный конституционализм: законодательство, правоприменение, судебные гарантии / Н. С. Бондарь, О. И. Баженова, Т. П. Георгиева [и др.]: коллективная монография / под общей научной редакцией профессора Н. С. Бондаря; Серия «Библиотека судебного конституционализма». – Вып. 16. – Ростов-на-Дону: Спутник науки, 2025. – 291 с.»

Павел Петрович Баранов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия, baranov-pp@ranepa.ru

Аннотация

В рецензии на коллективную монографию «Муниципальный конституционализм: законодательство, правоприменение, судебные гарантии» отмечается актуальность активно обсуждаемых на ее страницах вопросов: муниципальный конституционализм как новая категория отечественной юриспруденции, его институты (правовое регулирование и реализация), судебная власть как гарант муниципального конституционализма и др.

Значительное место в рецензируемой монографии занимает блок вопросов, который затрагивает непосредственные правовые последствия интеграции местного самоуправления в единую систему публичной власти, что в формально-юридическом смысле произошло в ходе конституционной реформы 2020 г. Последнее не является формальным, речь идет о частичной реорганизации сложной системы взаимоотношений между федеральной, региональной и местной властью с точки зрения большей управляемости, зависимости и подчиненности последней. Данный блок вопросов, предваряя принятие нового закона, также нашел свое отражение в представленной коллективной монографии.

Отличительной особенностью рецензируемого издания является тесная связь общетеоретического и практического материала. Представленный труд дает возможность не только ознакомиться с концептуальными подходами, касающимися самого феномена муниципального конституционализма, но и «отследить» практику защиты института местной власти и, в целом, обеспечения местного самоуправления в современной России. Данное издание, вне всякого сомнения, будет интересно не только представителям отечественной юридической науки (включая студентов и аспирантов), но и практическим работникам.

Ключевые слова: муниципальный конституционализм, институт местной власти, муниципальная реформа, местное самоуправление, публичная власть, органы государственной власти

Для цитирования: Баранов П. П. Рецензия на монографию «Муниципальный конституционализм: законодательство, правоприменение, судебные гарантии / Н. С. Бондарь, О. И. Баженова, Т.П. Георгиева [и др.]: коллективная монография / под общей научной редакцией профессора Н. С. Бондаря; Серия «Библиотека судебного конституционализма». – Вып. 16. – Ростов-на-Дону: Спутник науки, 2025. – 291 с.» // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 165–168. EDN CVEMCR

© Баранов П. П., 2025

Reviews

Review

Review of the collective monograph "Municipal constitutionalism: legislation, law enforcement, judicial guarantees / N. S. Bondar, O. I. Bazhenova, T. P. Georgieva [et al.]: collective monograph / under the general scientific editorship of Professor N. S. Bondar; Series "Library of Judicial Constitutionalism". – Vol. 16. Rostov-on-Don: Sputnik Nauki, 2025. 291 p."

Pavel P. Baranov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia, baranov-pp@ranepa.ru

Abstract

The review of the collective monograph "Municipal Constitutionalism: legislation, law enforcement, judicial guarantees" notes the relevance of issues actively discussed on its pages: municipal constitutionalism as a new category of domestic jurisprudence, its institutions (legal regulation and implementation), the judiciary as a guarantor of municipal constitutionalism, etc.

A significant place in the reviewed monograph is occupied by a block of issues that affects the immediate legal consequences of the integration of local self-government into a single system of public authority, which, in a formal legal sense, occurred during the constitutional reform of 2020. The latter is not formal, but it is a partial reorganization of the complex system of relations between federal, regional and local authorities in terms of greater manageability, dependence and subordination to the latter. This block of issues, anticipating the adoption of the new law, is also reflected in the presented collective monograph. A distinctive feature of the reviewed publication is the close connection between general theoretical and practical material. The presented work provides an opportunity not only to familiarize oneself with the conceptual approaches concerning the phenomenon of municipal constitutionalism itself, but also to "track" the practice of protecting the institution of local government and, in general, ensuring local self-government in modern Russia. This publication will undoubtedly be of interest not only to representatives of Russian legal science (including undergraduates and postgraduates), but also to practitioners.

Keywords: municipal constitutionalism, institution of local government, municipal reform, local self-government, public authority, state authorities

For citation: Baranov P. P. Review of the collective monograph "Municipal constitutionalism: legislation, law enforcement, judicial guarantees / N. S. Bondar, O. I. Bazhenova, T. P. Georgieva [et al.]: collective monograph / under the general scientific editorship of Professor N. S. Bondar; Series "Library of Judicial Constitutionalism". – Vol. 16. Rostov-on-Don: Sputnik Nauki, 2025. 291 p.". *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(3):165–168. (In Russ.). EDN CVEMCR

Представленная коллективная монография посвящена муниципальному конституционализму. Не вызывает сомнения, что сегодня институт местного самоуправления и дальнейшие пути его модернизации – одна из наиболее часто обсуждаемых проблем в правом пространстве современной России. Отдельного внимания в этой связи заслуживает и реформа местного самоуправления. Ушедший в историю Федеральный закон № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления» был принят еще в начале нулевых годов и очень активно изменялся весь период своего существования. Подготовленный на замену ему проект нового закона вызвал значительное количество вопросов и на протяжении последних нескольких лет активно дорабатывался при участии субъектов Российской Федерации, непосредственно самих муниципальных образований в условиях активной дискуссии в среде научного сообщества. Одновременно в действующий закон продолжали вносить изменения, что актуализировало вопрос о том – а будет ли когда-нибудь новый закон все-таки принят. Наряду со всеми другими вопросами значительный интерес вызывало предстоящее упразднение двухуровневой системы в рамках территориальных основ местного самоуправления.

Представленная монография была подготовлена еще до окончательного принятия нового Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», однако этот факт нисколько не умаляет ее актуальности. С одной стороны, многие заявленные в монографии проблемы никогда не потеряют своей общетеоретической и концептуальной значимости. С другой – значительная часть предположений, а иногда и «опасений» авторов, о характере грядущей глобальной муниципальной реформы, в конечном итоге оправдались.

Теперь, когда Федеральный закон вступил в силу, можно отметить, что окончательного упразднения двухуровневой системы местного самоуправления в России не состоялось. Какой-то части субъектов, по итогам муниципальной реформы, удастся сохранить двухуровневую систему, а как надолго – покажет время. Не случайно в представленной монографии вопросы территориальных основ местного самоуправления, если и не выносятся в качестве заглавных, то эксплицитно имеют одно из определяющих значений. Отметим, что процессы «укрупнения» муниципальных образований стали набирать силу задолго до введения понятия «муниципальный округ», что уже тогда актуализировало вопрос о дальнейшим существовании не только городских и сельских поселений, но и самой двухуровневой системы местного самоуправления. Начиная с 2015 г., в субъектах Российской Федерации особую популярность приобрели процессы преобразования двухуровневой системы местного самоуправления (муниципальные районы с городскими и сельскими поселениями) в одноуровневую (городские округа на их основе). Процессы эти носили хоть и не всеобщий, но регулярный характер и формально инициировались самими субъектами. Учет мнения населения в этих случаях, за счет особенностей российского законодательства происходил исключительно формально. И если долгое время многие субъекты Российской Федерации считали не вполне логичным создавать на преимущественно сельских территориях городские округа, то после введения муниципальных округов этот в большей степени формальный барьер был ликвидирован.

Следует подчеркнуть, что ожидаемой реформой территориальных основ местного самоуправления новый закон не ограничивался, что также не вызвало удивления. Значительный блок вопросов затрагивает непосредственные правовые последствия интеграции местного самоуправления в единую систему публичной власти, что в формально-юридическом смысле произошло в ходе конституционной реформы 2020 г. Последний вопрос не является формальным, речь идет о частичной реорганизации сложной системы взаимоотношений между федеральной, региональной и местной властью с точки зрения большей управляемости, зависимости и подчиненности последней. Данный блок вопросов, предваряя принятие нового закона, также нашел свое отражение в представленной коллективной монографии.

Не секрет, что современное состояние местного самоуправления в России, как следует из представленной монографии, характеризуется, в том числе, целым рядом негативных моментов. Изначально институту местного самоуправления в России придавалось особое внимание. Отход от жесткого централизованного государственного управления, предполагал не только наделение субъектов Российской Федерации определенной самостоятельностью, но и признание особого «низового» уровня непосредственной демократии, максимально приближенного к населению, его надеждам, чаяниям и желаниям. Именно местное самоуправление и территория муниципального образования, задумывались как базовая основа, на которой обычный человек сможет максимальным образом реализовать свое право быть полновластным участником решения «вопросов местного значения». Именно местный, а не, например, федеральный или региональный, уровень властвования, должен был выступить в качестве наиболее мощного стимулятора развития общественно-политической активности граждан. Именно на местном уровне предполагалось зарождение базовых для любого демократического государства общественно-политических ценностей, которые в конечном итоге должны были служить основой для формирования нового типа человека и гражданина, непосредственно заинтересованного в своем личном, а не опосредованном участии в реализации принципа демократического управления. Основная нагрузка при формировании базовых институтов гражданского общества также должна была ложиться на плечи местного самоуправления.

В этой связи конституционное выделение муниципальной власти из системы органов государственной власти преследовало вполне очевидные цели – законодательно приблизить власть к населению на местном уровне. Сделать людей реальными обладателями власти на местах – задача, заслуживающая уважения. Как правило, с непосредственным решением задач по благоустройству территории собственного проживания связывают относительный успех идеи местного самоуправления в других странах. Однако, ценности традиционные для других стран неожиданно, а по мнению некоторых ученых, вполне ожидаемо, не получили необходимой поддержки у обычных россиян, для которых вся эта система и предназначалась. Возможно, законодательная основа местного самоуправления изначально не была в достаточной степени приспособлена к реализации поставленных перед данным институтом задач. В этой связи переход как на практическом, так и на общетеоретическом уровне к реализации отличных подходов к идее местного самоуправления не представляется неожиданным, что также получает свое подтверждение на страницах коллективной монографии.

На сегодняшний день мы наблюдаем достаточно радикальное переосмысление роли и места местного самоуправления в системе российского государства и права. Если в утратившем силу законе местное самоуправление рассматривалось, в том числе, как одна из основ конституционного строя Российской Федерации, то в новом – подобное упоминание отсутствует. В полном соответствии с обновленными положениями Конституции РФ местное самоуправление – это третий уровень публичной власти.

С другой стороны, тот факт, что местное самоуправление окончательно интегрировано в единую систему публичной власти не должно быть неожиданностью. Конституционный Суд РФ еще в 1997 г. в Постановлении от 24 января 1997 г. № 1-П рассматривал местное самоуправление именно как уровень публичной власти. В соответствии современными реалиями, принцип единства системы публичной власти в контексте правовой позицией Конституционного Суда предполагает «согласованное действие различных уровней публичной власти как единого целого во благо граждан» (Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3).

В настоящее время мы видим перенос акцентов в системе организации деятельности местного самоуправления на контроль со стороны органов государственной власти и частичное упразднение двухуровневой системы местного самоуправления. Это олицетворяет новый этап в системе функционирования публичной власти в России.

В это связи еще большее значение приобретают активно обсуждаемые на страницах монографии вопросы: муниципальный конституционализм как новая категория отечественной юриспруденции, институты муниципального конституционализма (правовое регулирование и реализация), судебная власть как гарант муниципального конституционализма и др.

Отличительной особенностью издания является тесная связь общетеоретического и практического материала. Представленный труд дает возможность не только ознакомиться с концептуальными подходами, касающимися самого феномена муниципального конституционализма, но и «отследить» практику защиты института местной власти и, в целом, обеспечения местного самоуправления в современной России. Данная монография, вне всякого сомнения, будет интересна не только представителям отечественной юридической науки (включая студентов и аспирантов), но и практическим работникам.

Информация об авторе

П. П. Баранов – Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой конституционного и муниципального права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the author

P. P. Baranov – Honored Scientist of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Department of Constitutional and Municipal Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.
Поступление в редакцию 08.09.2025. Одобрение после рассмотрения 15.09.2025. Принятие к публикации 16.09.2025.
Received by the editorial office 08.09.2025. Approval after review 15.09.2025.. Acceptance for publication 16.09.2025.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

24 июня 2025 г. в г. Нальчике состоялась Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием по проекту «Правовой мир Кавказа» ***«Проблемы становления новой методологии политико-правовых исследований в современной юридической науке».***

Организаторами конференции выступили Центр правовых исследований Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова.

С вступительным словом выступил директор центра правовых исследований, научный руководитель школы правового мышления Южно-российского института управления – филиала РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, главный редактор журнала из перечня ВАК «Северо-Кавказский юридический вестник» **Шапсугов Дамир Юсуфович,** который обозначил вектор конференции, отметив что тема проблемы становления новой методологии правового сознания является довольно сложной и вместе с тем весьма актуальной.

Также Шапсугов Д.Ю. выразил уверенность, что проект «Правовой мир Кавказа» и далее получит свое поступательное развитие, поскольку он подкреплен не только достигнутыми результатами, но и растущим интересом научного сообщества, представителей органов власти и общественности к проблемам правового регулирования в кавказском регионе. Уникальный формат проекта, сочетающий научные исследования, экспертные дискуссии и практическую работу по гармонизации законодательства, позволяет комплексно подходить к решению сложных вопросов.

С приветственным словом к участникам конференции обратились:

Гукепшоков Мурат Хасанбиевич, кандидат юридических наук, доцент, проректор Кабардино-Балкарского государственного университета;

Краковский Константин Петрович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории государства и права Института правоведения Российского государственного гуманитарного университета**,** который от имени директора института правоведения Российского государственного гуманитарного университета, члена Правления Российского исторического общества, Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора **Шахрая Сергея Михайловича** и от собственного имени выразил свою признательность за приглашение участвовать в столь масштабной конференции пожелал ее участникам успешной работы;

Исмайлов Хайям Джабраил оглы – доктор юридических наук, профессор юридического факультета Бакинского государственного университета, который высоко оценил разрабатываемый научный проект «Правовой мир Кавказа».

Выступившие, отметив высокую актуальность обозначенной проблемы, обозначили необходимость критически переосмыслить догматические установки и методологические ограничения, унаследованные от прошлых эпох. Юридическая наука, долгое время ориентированная на формально-логический анализ и позитивистское понимание права, зачастую упускает из виду динамику социальных процессов и многообразие жизненных ситуаций, что приводит к отрыву от реальных потребностей общества; развивать культуру критического мышления и научной дискуссии, поощряя поиск новых и нестандартных решений, поскольку юридическая наука должна стать открытой для инноваций и экспериментов, способной к самокритике и постоянному совершенствованию, что позволит уделять больше внимания практической применимости результатов научных исследований, обеспечивая их внедрение в законотворческий процесс и правоприменительную деятельность, что требует усиления взаимодействия между наукой и практикой, создания механизмов обратной связи и постоянного мониторинга эффективности правовых норм.

С основным докладом на тему: «**Проблемы становления новой методологии правового познания»** выступил **Шапсугов Дамир Юсуфович.** Докладчик обосновал идею о том, что сложившаяся в юридической науке методология права, опирающаяся на теорию отражения, основана на понимании метода познания как внешнего порядка, общей схемы исследования, налагаемой на любое содержание, может дать, как это полагал Гегель, только поверхностное, примитивное знание о праве. Это является одним из оснований критической оценки сложившейся методологии.

Исходя из необходимости различать методологию юриспруденции как прикладной науки о видимости права и правоведения как фундаментальной науки о праве, докладчик рассмотрел проблемы их взаимодействия в процессе познания и осуществления права.

Докладчик подчеркнул, что традиционная методология права уже исчерпывает свой потенциал и не способна обеспечивать получение знания, необходимого для решения очередных задач в развитии индивидов, общества и государства. Для этого необходима новая методология – методология творчества права, основаниями которой являются свобода мысли, творческая интуиция, развитое учение о рассудке и разуме.

Особое внимание профессор Шапсугов Д.Ю. уделил стереотипам в правовом сознании и познании, преодоление которых в юридической науке требует критического мышления, постоянного самоанализа и готовности к пересмотру устоявшихся представлений. Это сложный, но необходимый процесс для развития юридической науки и повышения эффективности всей правовой системы.

Отметив их широкое распространение в юридической науке, он проанализировал их роль на примере отождествления юридической науки и юриспруденции, правового и юридического мышления.

Особый интерес вызвал доклад доктора юридических наук, профессора юридического факультета Бакинского государственного университета **Исмайлова Хайям Джабраил оглы.**

Он отметил, что проблема новой методологии современной юридической науки связана с ограниченностью правового мышления. Одной из проблем развития правового мышления, автор видит в превалировании юридического позитивизма, в связи с чем необходимо вернуться к мировоззренческому подходу, поставив его во главу угла проводимых дискуссий.

Юридический позитивизм, по мнению автора, фокусируясь на формальных источниках права и нормах, отрывает право от его моральных и философских оснований. Такой подход приводит к формализации юридического образования и практики, где применение норм превалирует над критическим осмыслением права как социального института. В результате, юристы оказываются неспособны к творческому решению проблем и адаптации к меняющимся общественным условиям.

С докладом на тему **«Стереотипы в юридической науке и проблемы их преодоления через искусственный интеллект и свободное мышление»** выступил профессор кафедры теории и истории государства и права КБГУ, доктор юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Кабардино-Балкарской Республики **Маремкулов Арсен Нажмудинович.**

В своем докладе он заметил, что использование стереотипов, которые заложены в системах искусственного интеллекта, имеют в себе двойственный характер, являясь одновременно и благом, и препятствием для свободного мышления. Благодаря искусственному интеллекту есть возможность оперативно обрабатывать большие объемы информации и выдавать стереотипные варианты, опирающиеся на обнаруженные закономерности – прогнозируемо повторяющиеся фрагменты, формирующие целостную конструкцию, что существенно оптимизирует рабочие процессы, однако подобная технологическая результативность рискует упростить понимание многогранных задач, значительно снижая их изучение.

Маремкулов А.Н. предлагает обратить на эту двойственность особое внимание, сравнивая его с обоюдоострым мечом, который может даровать скорость и одновременно сковывать мысль. Автор убежден, что только вдумчивое применение искусственного интеллекта способно сохранить способность к критическому анализу и рождению новых решений.

Ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, профессор Чеченского государственного педагогического университета, доктор юридических наук **Сайдумов Джамбулат Хамидович** выступил с докладом **«Новые концепты в методологии политико-правовые исследований от реальности к перспективам».** Опираясь на современные изыскания отечественных исследователей, работающих в данном направлении, он выразил научное мнение, согласно которому современная политико-правовая реальность характеризуется тем, что ключевые политические и правовые конфликты перемещаются из сферы материальных ресурсов в когнитивную сферу. Методология должна ответить на это развитием инструментария для анализа правового конструкционизма – процесса, в ходе которого правовые нормы и политические институты формируются не столько законодателем, сколько в результате борьбы нарративов, семиотического присвоения понятий и целенаправленного формирования правосознания через цифровые среды. И как перспективу, автор считает возможным триаду: создание междисциплинарного аппарата, объединяющего юриспруденцию, политическую науку и когнитивистику.

Активное участие в обсуждении доклада приняли: директор Института экономики и права Академии наук Абхазии, кандидат юридических наук, доцент, **Камкия Фатима Гурамовна;** директор института права, экономики и финансов КБГУ, Заслуженный юрист Кабардино-Балкарской Республики, кандидат юридических наук, **Машукова Елена Малильевна;** директор ГКУ КБР «Государственное юридическое бюро», руководитель юридической клиники КБГУ, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Кабардино-Балкарской Республики, академик АМАН, **Хабачиров Муаед Лялюевич;** заведующий кафедрой философии КБГУ, доктор философских наук, профессор **Кочесоков Роберт Хажисмелович;** заведующий кафедрой конституционного и административного права КБГУ, заведующий кафедрой ЮНЕСКО КБГУ, кандидат юридических наук, доцент **Богатырев Алим Забидович;** заведующий кафедрой теории и истории государства и права КБГУ, кандидат исторических наук, доцент **Дышеков Мурат Владимирович;** доктор исторических наук, профессор кафедры истории России КБГУ **Кузьминов Петр Абрамович;** доцент кафедры русской, зарубежной литературы и журналистики КБГУ, кандидат философских наук **Хоконов Мурат Анатольевич.**

В заключение конференции участники отметили, что процесс формирования новой методологии правового сознания сталкивается с рядом серьезных вызовов, требующих комплексного осмысления и поиска эффективных решений. Один из ключевых барьеров – это укоренившиеся стереотипы и догмы, преодоление которых требует критического переосмысления базовых правовых концепций и отказа от упрощенных представлений о праве как о наборе формальных норм.

Участники конференции выразили уверенность, что становление новой методологии правового познания требует активного участия в этом процессе всех заинтересованных сторон: ученых-юристов, практических работников, представителей органов государственной власти и гражданского общества, поскольку только совместными усилиями можно создать правовую систему, отвечающую потребностях современного общества и обеспечивающую эффективную защиту права и свобод граждан.

Участниками конференции были поддержаны предложения о создании Школы правового мышления на базе Кабардино-Балкарского государственного университета для ученых, проводящих исследования в рамках НИП «Правовой мир Кавказа», о включении в программы обучения юристов в вузах Кавказа новой дисциплины «История государства и права народов Кавказа», об обязательном продолжении исследований по НИП «Правовой мир Кавказа», в частности, издании в 2025 г. очередного тома Антологии памятников права народов Кавказа, посвященного памятникам права терского казачества.

Заслуженный юрист Кабардино-Балкарской Республики
профессор кафедры теории и истории государства и права КБГУ,
доктор юридических наук, доцент
Маремкулов Арсен Нажмудинович

Галов Владимир Викторович

(01.09.1967–01.09.2025)

1 сентября 2025 г. ушел из жизни профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС, судья Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда в отставке ***Владимир Викторович Галов.***

Владимир Викторович Галов родился в совхозе «Красносельский» Тимашевского района Краснодарского края.

Трудовой путь начал в 1984 г. с должности делопроизводителя Кировского районного суда г. Ростова-на-Дону, а в последующем секретарем судебного заседания, судебным исполнителем.

В 1994 г. окончил с отличием юридический факультет Ростовского государственного университета. Несмотря на заочную форму обучения, Владимир Викторович привлек внимание педагогов своей эрудированностью, прилежностью и тягой к знаниям, о чем неоднократно вспоминала д.ю.н., проф. Л.И. Волова.

В 1995 г. завершил работу в Кировском районном суде г. Ростова-на-Дону в должности заведующего канцелярией и начал свой педагогический путь сначала преподавателем кафедры основ правоведения юридического факультета Ростовского государственного университета, а затем с 1999 г. приступил к преподаванию во вновь созданном Ростовском Юридическом институте Северо-Кавказской академии государственной службы на кафедре гражданского и предпринимательского права.

В 2000 г. Галовым В.В. под руководством Заслуженного юриста РФ д.ю.н., проф. Зинченко С.А. защищена кандидатская диссертация на тему: «Вещно-правовые режимы в системе предпринимательства».

Педагогический талант, знания и опыт в юридической науке и практике, признание коллег, обучающихся и руководства позволили в 2005 г. избраться по конкурсу на должность профессора кафедры гражданского и предпринимательского права и в этом же году быть назначенным на должность проректора по организационно-правовой и кадровой работе Северо-Кавказской академии государственной службы.

В указанный период в соавторстве с Зинченко С.А. были опубликованы статьи в ведущих научных юридических периодических изданиях, а также основные монографические исследования: «Собственность и производные права (доктрина, законодательство, правоприменение)»; «Право собственности (вещное, невещное, управленческое): природа, статика, динамика)».

Всего же Владимир Викторович был автором более 40 научных работ и соавтором ряда учебников по предпринимательскому праву.

Указом Президента Российской Федерации от 09 апреля 2007 г. № 449 Владимир Викторович был назначен на должность судьи Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда, в котором проработал до отставки в октябре 2022 г.

Решением Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации 23 сентября 2021 г. Галову Владимиру Викторовичу был присвоен первый квалификационный класс судьи.

За многолетнюю деятельность в судебной системе Галов Владимир Викторович был награжден следующими ведомственными наградами:

- Благодарность председателя Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда, 2012 г.
- Медаль Совета судей Российской Федерации «150 лет судебной реформы в Российской Федерации», 2015 г.
- Почетная грамота Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда, 2017 г.
- Юбилейная медаль «25 лет арбитражным судам Российской Федерации», 2017 г.
- Медаль «20 лет Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации», 2022 г.
- Медаль «За безупречное служение правосудию» III степени.
- Почетный знак Совета судей Российской Федерации «Ветеран судебной системы».

В 2024 г. Владимир Викторович вновь вернулся к преподаванию в должности профессора кафедры гражданского и предпринимательского права Южно-Российского института управления-филиала РАНХиГС. К сожалению, он не успел в очередном 2025 учебном году реализовать идею организации кружка по гражданскому праву совместно с д.ю.н. О.Г. Ломидзе для, как он всегда говорил, талантливых деток.

Владимир Викторович был вежливым, тактичным, пунктуальным, скромным, обладал тонким чувством юмора, умел посмеяться и над собой. Одновременно, был крайне нетерпимым к несправедливости, невежеству, разгильдяйству. Всегда искренне и бескорыстно готов был прийти на помощь ближнему, оказавшемуся в трудной ситуации или беде. Пользовался заслуженным уважением коллег и руководства.

Главное, что пронес через всю жизнь Владимир Викторович – любовь к знаниям, гражданскому праву, науке, профессии и обучающимся, которые его обожали. Символично, что Владимир Викторович пришел в этот мир и покинул его в День знаний – 1 сентября.

Сложно ответить на вопрос был ли он больше представителем судебной системы или педагогом. Наверное, потому что не зря говорят: «Талантливый человек – талантлив во всем!». Точно можно сказать, что он был прекрасным учителем, юристом, ученым и коллегой, яркие воспоминания о котором останутся с нами на долгие годы.

Заведующий кафедрой гражданского
и предпринимательского права ЮРИУ РАНХиГС
канд. юрид. наук, доц.,
ученик В. В. Галова
Н. А. Сармин

Коллектив ЮРИУ РАНХиГС

Редакционная коллегия журнала
«Северо-Кавказский юридический вестник»

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы юриспруденции.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07–21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем оригинальной научной статьи должен быть от 15 страниц. В указанный объем включены таблицы и список литературы (на кириллице и латинице). Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см.

Структура рукописи должна соответствовать международному стандарту изложения результатов авторского исследования в научной статье – **IMRAD** («Introduction, Materials and methods, Results and Discussion», то есть «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение»). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы).

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе / Information about the author»;

- аннотация (250-300 слов). Аннотация должна быть структурирована, в ней обязательно указываются: Введение, Цель, Методы, Результаты, Выводы (кратко). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы);

- ключевые слова или словосочетания (не менее 10).

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 20 до 30 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: Гончаров В. И. Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: Шапсугова М. Д. Трансформация классических принципов гражданского права в современном российском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 68–71). Для каждой журнальной статьи в списке источников необходимо при наличии указывать ее DOI (цифровой идентификатор). После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

Статьи принимаются по адресу: 344002. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54. ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Северо-Кавказский юридический вестник».

Тел. 8-863-279-41-62; e-mail: yurvestnik-uriu@ranepa.ru

Мы не запрещаем позитивизм,
но стремимся определить его действительное место в познании права

Уважаемые авторы журнала
«Северо-Кавказский юридический вестник»!

Утверждена российская часть
Единого государственного перечня научных изданий – «Белого списка».

Рады сообщить вам, что журнал «Северо-Кавказский юридический вестник», впервые вошёл в Единый государственный перечень научных изданий «Белый список» (третий уровень), который был опубликован 12 сентября 2025 г.

«По итогам экспертизы большая часть научных журналов Академии, за редким исключением новых журналов, включена на высшие уровни Белого списка. Это подтверждает то, что стандарты редакционной и издательской деятельности Президентской академии соответствуют высшим стандартам отечественного и мирового уровней. Кроме того, это важный ресурс для наших исследователей и серьезный вклад в развитие науки. Мы рассматриваем это как прочную основу для дальнейшего развития научной коммуникации в соответствии с национальными приоритетами», – поделился проректор по науке Артур Азаров, член Межведомственной рабочей группы по формированию и актуализации Белого списка.

Портфель научных журналов Президентской академии признан одним из сильнейших в России!

https://www.ranepa.ru/news/portfel-nauchnykh-zhurnalov-prezidentskoy-akademii-priznan-odnim-iz-silneyshikh-v-rossii-

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3, 2025

Выход в свет 30.09.2025. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 11 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 4898-25

Адрес издателя:
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1.

Адрес редакции:
Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru